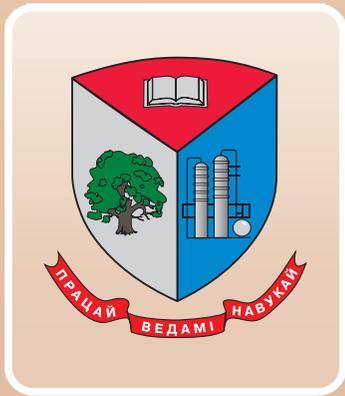

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 1 (221) 2019 год

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2019

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 1 (221) 2019 год

Выходит два раза в год

Минск 2019

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Дормешкин О. Б., доктор технических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Кунтыш В. Б., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Долгова Т. А., кандидат физико-математических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Шкляр Бенцион, профессор, Государство Израиль;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Файгле В., доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Флюрик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Шадурский В. Г., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Забавский Н. М., доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32;

главного редактора серии – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 1 (221) 2019

Published biannually

Minsk 2019

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Dormeshkin O. B., DSc (Engineering), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Kuntyshev V. B., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Dolgova T. A., PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torshchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Barcik Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Shklyar Benzion, Professor, State of Israel;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Faigle W., DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Shadurskiy V. G., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Zabavskiy N. M., DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 226-14-32;
managing editor (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

УДК 947.2

А. А. Доморад

Белорусский государственный технологический университет

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ТРАНСФОРМАЦИЯ В 1990-Х ГГ.

Статья посвящается преобразованию БТИ им. С. М. Кирова в университет, а также истории преобразований его структуры, номенклатуры специальностей, создания новых факультетов. Дается характеристика условиям, в которых проходили названные процессы. Подчеркивается связь университета с заказчиками кадров, реализация всех необходимых мер для обеспечения соответствия требованиям, предъявляемым к высшим учебным заведениям.

Ключевые слова: университет, специальность, высшее образование, министерство.

A. A. Damarad

Belarusian State Technological University

BELARUSIAN STATE TECHNOLOGICAL UNIVERSITY AT THE EPOCH FRACTURE: TRANSFORMATION IN THE 1990S

The article is devoted to the transformation of the S. M. Kirov BTI into the University, as well as the history of the transformation of its structure, nomenclature of specialties, the creation of new faculties. The characteristics of the conditions in which these processes took place are given. It emphasizes the connection of the university with customers of personnel, the implementation of all necessary measures to ensure compliance with the requirements for higher education institutions.

Key words: university, specialty, higher education, ministry.

Введение. В 1987 г. Минвузом СССР Белорусский технологический институт им. С. М. Кирова был отнесен к ведущим вузам Советского Союза. Данный факт свидетельствовал о важной роли института в системе высшего образования страны.

В целом, в конце 1980-х годов высшая школа находилась в условиях перманентного реформирования, начало которому было положено в 1987 г. известным «пакетом» постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по высшей школе. Тем не менее главная цель намечавшихся преобразований – коренное и явное повышение качества подготовки специалистов – не была достигнута, поскольку не было выполнено ни одно из необходимых для этого условий – укрепление материально-технической и учебно-методической базы учебного процесса, развитие научных исследований в вузах, введение договорной основы для подготовки специалистов, повышение уровня оплаты труда профессорско-преподавательского состава и т. д. Последовавшие вскоре после принятия постановлений изменения в политической, социальной и экономической областях, развившийся эконо-

мический кризис сделали невозможным проведение запланированных мероприятий.

Создание национальной системы высшего образования в Республике Беларусь в конце 20 века неразрывно связано с геополитическими преобразованиями на постсоветском пространстве. В первой половине 1990-х гг. Белорусский государственный технологический университет прошел через важный этап трансформации из института в университет, став базовым высшим учебным заведением по многим направлениям технологического образования. Некоторые из них пришлось разрабатывать с нуля, поскольку ранее, до прекращения существования СССР, специалистов по значительному числу технологических и инженерных профилей готовили вузы других союзных республик. Соответственно, провозглашение суверенитета Республики Беларусь, нарушение хозяйственно-экономических связей, процессы создания новых государств – все это потребовало пересмотра номенклатуры специальностей в высшей школе.

Основная часть. Структура системы образования Республики Беларусь в начале 1990-х гг.

была определена Законом «Об образовании в Республике Беларусь». Однако конкретизация содержания ступеней образования была поручена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 мая 1993 г. № 304 Министерству образования. Результатом такой работы стал приказ министерства об утверждении положений об образовании (28.06.1993 № 203), которым закреплялось Положение о высшем учебном заведении [1]. Данный нормативный акт установил иерархию высших учебных заведений (по убыванию): университет, академия, институт, высший колледж. С учетом имеющегося на тот момент потенциала Белорусского технологического института как высшего учебного заведения стало очевидным, что статус института как второй из четырех ступеней в иерархии ВУЗов не отражает его реальной роли в системе образования. Руководство БТИ начало работу по получению статуса университета.

Преобразование Белорусского технологического института имени С. М. Кирова в Белорусский государственный технологический университет произошло согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 16 ноября 1993 г. [2]. В соответствии с измененным статусом руководство университета разработало Программу развития на 1994–2000 гг.

Программа развития университета предполагала изменение его структуры. В частности, исходя из реальной потребности государства в профессиональных кадрах на 1995–1999 гг., было запланировано открытие 11 новых специальностей, выделение из факультета технологии органических веществ нового факультета, на который были бы переданы специальности экономического блока.

Руководство университета ставило серьезные планы по созданию новых профильных кафедр (полиграфии, физико-химических методов сертификации продукции, бухгалтерского учета и аудита), а также по реорганизации уже существующих.

Большое внимание уделялось подготовке научно-педагогических кадров. Несмотря на общий негативный экономический фон в стране, ректором БГТУ Жарским И. М. был поставлен план по увеличению профессорско-преподавательского состава с 578 в 1994 г. до 625 в 2000 г. преимущественно за счет повышения количества докторов наук [3, с. 4].

Для повышения статуса университета как научного центра Программой развития определялось семь направлений, по которым с 1993 г. стал выпускаться научный журнал «Труды БГТУ». Для любого университета наличие такого рода научных изданий, отражавших последние достижения в исследовании различной

проблематики, является своеобразным «знаком качества».

Среди новых направлений технологических компетенций в БГТУ появилось не представленное ранее в белорусской высшей школе – полиграфическое. В советском технологическом образовании подготовка инженерных кадров названной сферы осуществлялась в Москве и Львове. Логично, что события 1990–1991 гг. оголили рынок труда. Как и многие другие отрасли белорусской экономики, полиграфическая остро нуждалась в преемственности поколений специалистов, в то время как кадровая «подпитка» не осуществлялась. Соответственно, в 1993 г. в БГТУ появляется новая для Беларуси специальность «Технология полиграфических производств».

В начале 1996 г. Министерство культуры и печати Республики Беларусь направило в адрес ректора БГТУ письмо с предложением организовать подготовку по специальностям, необходимым для работы полиграфической промышленности в соответствии с прогнозом и информацией предприятий о потребностях в инженерных кадрах. Среди предложений министерства были названы три специальности экономического профиля (бухгалтерский учет, маркетинг, менеджмент), по которым предлагалось внедрить соответствующие специализации, а также предложения по четырем абсолютно новым специальностям: «Полиграфическое оборудование и системы обработки информации», «Издательское дело», «Книговедение» и «Графика».

Реакция на предложение была быстрой. Уже в марте 1996 г. в Министерство образования было направлено письмо о возможностях и обоснованности открытия подготовки инженерных кадров для полиграфической отрасли экономики. В качестве главного обоснования приводились аргументы о невозможности пополнять отрасль квалифицированными специалистами, а также об отсутствии в стране системы соответствующего повышения квалификации для лиц, получивших профильное полиграфическое инженерное образование в советских университетах.

Предложения Министерства культуры и печати нашли в БГТУ, как следует из письма, поддержку в части открытия необходимых специализаций по экономическим специальностям, а также по специальностям «Полиграфическое оборудование и системы обработки информации» и «Издательское дело».

Вероятно, имевшийся опыт подготовки специалистов по специальности «Технология полиграфических производств» показал востребованность специалистов, с одной стороны, а с другой – имевшийся в университете потенциал

позволял в кратчайшие сроки начать подготовку по указанным направлениям.

Дело в том, что сложившаяся структура экономики Беларуси включала в себя значительное число полиграфических предприятий. Только в г. Минске их действовало около десятка, среди которых – МППО им. Я. Коласа, Минская фабрика цветной печати и Белорусский дом печати. По этой причине БГТУ обеспечил необходимый заказ работодателей на подготовку специалистов по направлениям до 2010 г.

В результате на все согласования с Министерством образования ушло всего три месяца. Уже в мае 1996 г. Белорусский государственный технологический университет получил разрешение на подготовку по новым специальностям «Полиграфическое оборудование и системы обработки информации» и «Издательское дело».

В связи с необходимостью подготовки национальных кадров для различных отраслей экономики по специальностям, подготовка по которым в республике не велась, за 1994–1997 гг. в БГТУ было открыто восемь новых специальностей, среди которых «Издательское дело»; «Полиграфическое оборудование и средства обработки информации»; «Физико-химические методы и приборы контроля качества продукции»; «Энергоэффективные технологии и энергетический менеджмент»; «Маркетинг»; «Менеджмент»; «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»; «Биоэкология».

В перспективе это позволило создать отдельный факультет издательского дела и полиграфии (2000 г.), который стал монополистом в Республике Беларусь по подготовке специалистов с высшим образованием для издательско-полиграфической отрасли.

Успехи университета в подготовке специалистов по новым специальностям, развитие материальной базы, научные достижения, заказ кадров от субъектов хозяйствования – все это позволило руководству Белорусского государственного технологического университета обратиться к Министерству образования по вопросу о предоставлении университету статуса ведущего высшего учебного заведения в национальной системе образования Республики Беларусь.

В ноябре 1997 г. БГТУ был аттестован Госинспекцией учебных заведений Министерства образования Республики Беларусь на статус высшего учебного заведения университетского типа и статус университета как базового вуза в системе национального образования Республики Беларусь.

В предложениях и выводах по результатам аттестации БГТУ комиссия сочла целесообразным вынести на рассмотрение коллегии Министерства образования Республики Беларусь

вопрос о предоставлении Белорусскому государственному технологическому университету статуса ведущего высшего учебного заведения.

Исходя из требований к ведущим учебным заведениям, установленных «Примерным положением о ведущем учебном заведении в национальной системе образования Республики Беларусь», утвержденных приказами Министра образования и науки № 45 от 29.10.1996, БГТУ был признан соответствующим основным критериям ведущего учебного заведения [4].

Белорусский государственный технологический университет, как единый учебно-научно-производственный комплекс, стал крупным техническим вузом республики, осуществляющим подготовку кадров по девяти направлениям: лесное дело и использование лесных ресурсов; химические технологии и биотехнологии; специализированная техника, машины и оборудование; автоматизация производства и автоматизированные системы управления; машиностроение; метрология, стандартизация и сертификация; полиграфия; экономическое; энергетическое.

Особый спрос со стороны работодателей на специалистов в области экономики (потребность в новых для 1990-х гг. специалистах по бухгалтерскому учету, маркетингу, менеджменту) стали основой для создания в БГТУ инженерно-экономического факультета, который начал свою деятельность согласно приказу ректора № 883 от 6 июня 1997 г. В его состав вошли шесть кафедр, четыре из которых были выпускающими.

Таким образом, структура университета в 1997 г. включала следующие основные подразделения: восемь факультетов (лесохозяйственный, технологии и техники лесной промышленности, технологии органических веществ, химической технологии и техники, инженерно-экономический, заочный, повышения квалификации и переподготовки кадров, общественных профессий), деканат по работе с иностранными учащимися, 45 кафедр, пять филиалов кафедр, научно-исследовательская часть, пять учебно-научно-производственных комплексов, аспирантура, Негорельский учебно-опытный лесхоз, ботанический сад, учебно-научная метеорологическая станция, подготовительное отделение, лицей при БГТУ (впоследствии преобразованный в технологическую гимназию № 13), подготовительные курсы для поступления в университет. Подготовка специалистов в БГТУ осуществлялась по 24 специальностям и 52 специализациям.

Заключение. Развитие Белорусского государственного технологического университета в 1990-х гг. имело важное значение в контексте укрепления системы подготовки кадров для реального сектора экономики Республики Беларусь.

Если в конце 1980-х гг. наблюдалась тенденция сокращения количества обучающихся студентов (например, в 1988 г. – 5358 человек), то на протяжении 1993–2000 гг. происходит рост их численности до 8350 человек [5, с. 4].

БГТУ стал крупным, динамично развивающимся многопрофильным учебно-научным цент-

ром страны, специализирующимся в области подготовки инженерных кадров.

Именно в конце 20 века БГТУ становится ведущим университетом по технологическому образованию благодаря оперативному решению стоящих перед ним задач и использованию кризисных явлений для развития, а не стагнации.

Литература

1. Прыкладнае палажэнне аб вышэйшай навучальнай установе Рэспублікі Беларусь: зацв. прыказам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь ад 28.06.1993 № 203 // Информационно-правовая система НОРМАТИВКА.BY. URL: <https://normativka.by/lib/document/500037743/sid/7a4b1ec1f0354cdd9b44314839480a72> (дата обращения 22.02.2019).
2. О преобразовании Белорусского технологического института имени С. М. Кирова в Белорусский государственный технологический университет: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 ноября 1993 г., № 784 // ПРАВО. Законодательство Республики Беларусь. URL: <http://pravo.kulichki.com/zak2007/bz58/dcm58840.htm> (дата обращения: 23.02.2019).
3. Программа развития Белорусского государственного технологического университета на 1994–2000 годы. Минск: БГТУ, 1994. 86 с.
4. Примерное положение о ведущем высшем учебном заведении в национальной системе образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утв. приказом Министерства образования Республики Беларусь от 29 октября 1996 г. № 457 URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org348/basic/text0691.htm> (дата обращения: 11.03.2019).
5. Отчет об учебной работе института за 1987/88 годы. Минск: БТИ им. С. М. Кирова, 1988. 54 с.

References

1. *Prykladnaye palazhenne ab vysheyshay navuchal'nay ustanove Respubliki Belarus'* [Approximate plight of the higher educational institution of the Republic of Belarus]. Available at: <https://normativka.by/lib/document/500037743/sid/7a4b1ec1f0354cdd9b44314839480a72> (accessed 22.02.2019).
2. *O preobrazovanii Belorusskogo tekhnologicheskogo instituta imeni S. M. Kirova v Belorusskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet* [On the transformation of the Belarusian Technological Institute named after S. M. Kirov into the Belarusian State Technological University]. Available at: <http://pravo.kulichki.com/zak2007/bz58/dcm58840.htm> (accessed 23.02.2019).
3. *Programma razvitiya Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta na 1994–2000 gody* [Development program of the Belarusian State Technological University for 1994–2000]. Minsk, BGTU Publ., 1994. 86 p.
4. *Primernoye polozheniye o vedushchem vysshem uchebnom zavedenii v natsional'noy sisteme obrazovaniya Respubliki Belarus'* [A sample of the leading institution of higher education in the national education system of the Republic of Belarus]. Available at: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org348/basic/text0691.htm> (accessed 11.03.2019).
5. *Otchyot ob uchebnoy rabote instituta za 1987/88 gody* [Report on the educational work of the Institute for 1987/88]. Minsk, BТИ im. S. M. Kirova Publ., 1988. 54 p.

Информация об авторе

Доморад Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: domorad@belstu.by

Information about the author

Damarad Aliaksei Anatolievich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: domorad@belstu.by

Поступила 12.03.2019

УДК 356.13-026.78(476)

В. А. Астрога

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ЗАРАДЖЭННЕ І РАЗВІЦЦЁ МЫТНЫХ АДНОСІН У СТАРАЖЫТНАБЕЛАРУСКІХ КНЯСТВАХ (IX – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XIII СТ.)

У артыкуле разглядаецца генезіс мытных адносін у старажытнабеларускіх княствах у IX – першай палове XIII ст. Пазначаны такі фактар узнікнення мытнай справы, як ажыццяўленне ў Старажытнай Беларусі знешнегандлёвых кантактаў і гандлёвых шляхі, нараджэнне знешнегандлёвага права. Аналізуецца этымалогія тэрміна «мыта», характарызуюцца розныя віды існаваўшага на той час мыта. Вывучаецца прынцыповая арганізацыя сыскавання мыта на прыкладзе Полацкага княства. Робіцца выснова, што да XIII ст. у старажытнабеларускіх княствах пад уплывам шэрагу знешніх і ўнутраных фактараў сфармавалася дастаткова развітая сістэма збору мыта.

Ключавыя словы: гандаль, купец, гандлёвы шлях, мыта, мытнік, мытная справа, гандлёвая справа.

V. A. Ostroga

Belarusian State University

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE CUSTOMS RITUALS IN THE ANCIENT BELARUSIAN PRINCIPALITIES (9 – FIRST HALF 13 CENTURY)

The article deals with the genesis of customs rituals in the old belarus principalities in the 9 – first half of the 13 century. Marked this factor in the emergence of customs as the exercise in Ancient Belarus foreign-trading contacts and trade routes, the emergence of foreign trade law. Analysis of the etymology of the term “myta – customs duty”, are characterized by different kelty existed at that time myta. The principal organization of myta collection is studied on the example of Polotsk Principality. It is concluded that by the 13 century in the ancient belarusian principalities under the influence of a number of external and internal factors formed a fairly developed system of myta collection.

Key words: trade, merchant, trade route, myta- customs duty, customs officer, customs, trade law.

Уводзіны. Праблемы генезісу мытнай справы на тэрыторыі Беларусі да сённяшняга часу даследаваны не дастаткова. Адным з найбольш актыўных даследчыкаў у гэтай сферы з’яўляўся гродзенскі краязнаўца Сяпін В. Ю. Але збольшага гэта даследаванні па эканамічнай гісторыі, гісторыі гандлю, які натуральна скрываўся з мытным рэгуляваннем. Сярод навукоўцаў у першую чаргу адзначым Штыхава Г. Ф., Галубовіча В. І.

Асноўная частка. Дакладных сведчанняў пра час узнікнення мытнага абкладання і асаблівую арганізацыю збору мыта (гандлёвых плацяжоў) на тэрыторыі нашай краіны няма. Першыя звесткі пра рознага роду падаткі і зборы з’явіліся ў раннім Сярэднявеччы. У VI–VIII стст. на тэрыторыі старажытнай Беларусі адбываўся працэс разлажэння першабытнаабшчыннага ладу. Аддзялялася ад сельскай гаспадаркі рамяство, узнікалі першыя паселішчы-протагарады. У выніку назіраецца адносна хуткае развіццё ўнутранага і знешняга гандлю.

Як вядома, праз Беларусь амаль да VIII ст. н. э. не праходзілі якія-небудзь значныя на той час гандлёвыя шляхі, аднак знешнія гандлёва-гаспадарчыя кантакты ўсё ж былі. Яшчэ напрыканцы

I тысячагоддзя да н. э. з пашырэннем гегемоніі Рыма ў Міжземнамор’і найбольш важным стаў вываз рэдкага прыбалтыйскага бурштыну па Вісле – «Бурштынавы шлях», які меў адгалінаванне на Заходні Буг. Гэты гандлёвы шлях звязваў Прыбалтыку праз старажытнабеларускія тэрыторыі з рымскімі правінцыямі, з эгейскімі і прычарнаморскімі гарадамі, іншымі раёнамі Усходняга Міжземнамор’я і ўсходнімі краінамі. Трэба адзначыць, што, кантактуючы з жыхарамі Прычарнамор’я, дзе ўжо ў V–IV стст. да н. э. існавалі грэчаскія і рымскія мытныя звычаі, удзельнічаючы ў тавараабмене з суседзямі, нашы продкі даведваліся пра існуючыя правілы гандлю і мытныя адносіны, актыўна іх запазычваючы.

Найбольш верагодна, што паняцце і сістэма збірання мытных пошлін (мыта) былі занесены на нашы землі ўсходнімі купцамі і звязаны з гандлёвымі сувязямі з Візантыяй. Так, у 907 г. князь Алег, аблажыўшы яе сталіцу Царград, паслаў да візантыйскага кіраўніка паслоў. Умовам Алега была выплата яму даніны – на дзве тысячы караблёў па 12 грыўняў на ўключыну (на караблях было ў сярэднім па 40 весляроў) і выплата ўтрымання «гасцям», гандлярам, якія

прыбывалі ў Царград з Кіева, Чарнігава, Полацка і іншых славянскіх гарадоў. А калі ў горад будуць прыбываць з гэтых месцаў купцы, то з іх на працягу шасці месяцаў нельга браць гандлёвых пошлін і нават трэба забяспечваць іх неабходным на зваротны шлях. Тэкст дагавора сведчыў пра веданне ў гэты час славянамі мыта як збору за правоз тавараў праз заставы і выкарыстанні яго.

З другога боку, славянскія купцы павінны былі самі выконваць некаторыя фармальнасці. Так, калі полацкія ці іншыя купцы дабіраліся да Царграда, то перш за ўсё, як і гандлёвыя людзі з іншых краін, яны павінны былі даць мясцовым уладам граматы з княжацкімі або баярскімі пячаткамі, каб пад выглядам гандляроў у горад не маглі пракрасціся разбойнікі. Затым купцоў перапісвалі і па спісе прапускарлі ў горад, групамі не больш за 50 чалавек і без зброі, у суправаджэнні прадстаўнікоў улады. На набытыя ў горадзе тавары, якія аглядаліся «царавымі мужамі», ставілася спецыяльнае кляймо. На вываз некаторых тавараў, напрыклад знакамітых візантыйскіх тканін – павалок, накладваліся абмежаванні, каб не падрываць манаполію на іх гандаль.

Пасля вяртання полацкіх купцоў дадому захапляльныя і яркія апавяданні пра заморскія звычаі хутка распаўсюджваліся, і неўзабаве срэбралюбныя мясцовыя князі пачыналі ўводзіць у сваіх землях нешта падобнае. Таму найбольш верагодна, што паняцце і сістэма спагнання мыта былі занесены на нашыя землі ўсходнімі купцамі і народжаны ў значнай меры гандлёвымі сувязямі з Візантыяй [1, с. 62].

Аднак нельга перабольшваць распаўсюджанасць мытных парадкаў у той перыяд у нашых лясных краях. Верагодна, магчыма казаць пра з'яўленне першай старажытнабеларускай мытні (протамытні) толькі не раней як у канцы IX ст., час першага пісьмовага згадвання ў «Аповесці мінулых гадоў» пра існаванне княства ў Полацку ў 862 г., г. зн. пра пачатак узнікнення гарадоў у найбольш эканамічна актыўных рэгіёнах, звычайна па берагах рэк, якія служылі ў той час галоўнымі гандлёвымі шляхамі. Тады ўзнікае і збор даніны з гандлёвых людзей, з якіх да XI ст. сталі вылучацца купцы-прафесіяналы. Як лічыў расійскі дарэвалюцыйны тэарэтык мытнай справы Ладыжэнскі К., «мыта гэта яшчэ і збор за заступніцтва, які аказваецца купцам з боку ўладаў, свайго роду гарантыя выканання парадку ў гандлі» [2, с. 8]. Гэткім чынам, з'яўленне мытных збораў наўпрост звязана са з'яўленнем дзяржавы. Таму, верагодна, першыя мытні ўзнікаюць адначасова са з'яўленнем гарадскіх гандлёвых цэнтраў. Існуюць і іншыя меркаванні адносна часу і прычын узнікнення мытных адносін на нашых тэрыторыях у

старажытнасці, якія звязаны з роляй хрысціянства або ваенных паходаў.

На зараджэнне мытнай справы і з'яўленне мытных структур на старажытнабеларускіх землях аказаў велізарны ўплыў геаграфічны фактар, іх транзітнае размяшчэнне паміж найбуйнейшымі гандлёвымі рэгіёнамі старажытнага і сярэднявечнага свету – Заходняй Еўропай і Усходам. Несумненна, спрыяла і наяўнасць у Беларусі чатырох асноўных водных сістэм Усходняй Еўропы: Волжскай, Дняпроўскай, Заходнедзвінскай і Волхава-Ільменскай. Праз мноства буйных і малых суднаходных рэк яны былі звязаны з Каспійскім, Чорным і Балтыйскім морамі. Значна спрыяла пераходу з адной воднай магістралі ў другую яшчэ адна наша геаграфічная асаблівасць – раўнінная мясцовасць.

З IX па XIII стст. праз старажытнабеларускае княства пралягаў знакаміты «Вялікі гандлёвы шлях з варагаў у грэкі» працягласцю 2700 км, які звязваў Балтыйскае і Чорнае моры. У IX–XI стст. кірунак Поўнач – Поўдзень быў адным з самых прыярытэтных маршрутаў у міжнародным гандлі і шырока выкарыстоўваўся ў транзітным гандлі заходнееўрапейскімі, візантыйскімі, скандынаўскімі і славянскімі купцамі.

Трэба адзначыць, што Полацкае княства, нароўні з Тураўскім, Смаленскім, было жыццёва зацікаўлена ў забеспячэнні кантролю і абароны гэтых таварапатокаў. Кантралюючы значны ўчастак гандлёвага шляху і беручы гандлёвыя пошліны, Полацк стаў самым багатым у старажытнай Беларусі горадам, і межы яго княства да канца XI ст. дасягалі нават Балтыкі. Менавіта гандаль прыносіў палачанам вялікія даходы.

Адной з вядомых парубежных крэпасцяў на гэтым гандлёвым шляху «з варагаў у грэкі» сталі Масковічы (Браслаўскі раён). Паселішча, апроч іншага, мела прыстань і склады з таварамі. У канцы XX ст. археолагі знайшлі там рунападобныя надпісы і малюнкi на касцях птушак і жывёл, якія адносяцца да XI–XII стст. Таксама была знойдзена рэдкая ва Усходняй Еўропе варажская фібула, што яшчэ раз пацвярджае гандлёвыя кантакты старажытнай Беларусі і Скандынавіі.

Тут нельга не згадаць і ўнікальнае адкрыццё беларускімі археолагамі буйнога гандлёва-рамеснага паселішча мяжы VIII/IX–X стст. на Полацкай зямлі – кардон, які таксама знаходзіўся на шляху «з варагаў у грэкі» ад «верху Дняпра да Ловаці». У кардоне было знойдзена мноства прадметаў скандынаўскага і арабскага паходжання.

З XII ст., пасля захопу мангола-татарами Усходняй Русі і падзення Царграда, шлях «з варагаў у грэкі» імкліва губляе сваё ранейшае

значэнне, адначасова аслабла і само Полацкае княства, якое гандлявала ў больш позні перыяд ужо толькі пры пасрэдніцтве Рыгі.

Згаданы гандлёвы шлях быў не адзіным купецкім маршрутам. Да X ст. міжнароднае значэнне набыў Прыпяцка-Заходне-Бугскі водны шлях, праз які ішоў гандаль з Польшчай і Цэнтральнай Еўропай. Досыць вялікае значэнне меў таксама Нёманскі водны шлях, важны для гандлю з Прусіяй. З XIII ст. значную ролю набыў Заходнедзвінскі шлях.

Як ужо адзначалася, працэс збору мыта з купцоў за права гандлю здаўна быў вядомы нашым продкам. Як сцвярджаюць гісторыкі, з IX ст. у сучаснай беларускай мове захаваліся старажытныя словы: «мыта», «мытная», «мытніца», «мытнік». З гэтым паняццем звязаны, да прыкладу, і назвы прытоку р. Прыпяці – Мытва, вёсак у Лідскім і Полацкім раёнах – Мыта і інш. У беларускую і іншыя славянскія мовы слова «мыта» (*mota*) прынесена прыкладна ў V ст. усходнямецкімі плямёнамі готаў, якія засялялі некаторы час тэрыторыю ад правабярэжжа Заходняга Буга да р. Гарынь.

Спецыялісты лічаць, што першапачаткова мытам называлася месца, дзе спыняліся вазы і лодкі купцоў. З цягам часу мытам сталі называць любы гандлёвы плацеж, які пазней трансфармаваўся ў выключна памежны з экспартнага або імпортнага тавару. У старажытнасці ў нашых продкаў існаваў і свой сінонім «мыта» – «накла», пазней адсунутае і забытае. На той час «мыта» было зборным паняццем, у якое ўваходзілі гандлёвыя і падарожныя плацяжы.

У рускай жа мове слова «мыта», як і многія іншыя славянскія, з сярэдзіны XIII ст., ва ўмовах усталявання татара-мангольскага іга, было выцеснена цюркскім «тамга» (знак, таўро). Выдача ханскіх цэлікаў з тамгой, якія пацвярджалі прывілеі феодалаў і духавенства, суправаджалася зборам пад назвай «тамга» Неўзабаве тамгой сталі называцца і плацяжы (мыты), якія збіраліся на кірмашах, а сам працэс яе збірання сталі называць – тамжыць, а месца, дзе яе спаганялі, – тамажніай. Адпаведна зборшчык пошлін, былы мытнік, стаў тамажнікам.

У нашых заходніх суседзяў, у Польскай дзяржаве, таксама прыблізна ў гэты час замест ранейшага тэрміна «мыта» з'явілася славянскае запазычанне з нямецкай мовы – «цло». Такім чынам, спрадвечнае слова «мыта» з гэтага часу засталася на беларускіх і некаторых іншых славянскіх землях (Украіна, Балгарыя), маецца яно і ў літоўскай і латышскай мовах.

Звычайна месцам збору мыта была кірмашовая плошча – «торг», які размяшчаўся недалёка ад гарадской брамы, і да яго з усіх бакоў цягнуліся вуліцы. Іншым распаўсюджаным

месцам збору розных падаткаў быў і «пагост» – царкоўная плошча. Мытніцы часта размяшчаліся і ў буйных паселішчах, праехаць міма якіх купецкім караванам з 10–40 вазоў было практычна немагчыма. Мытнікаў можна было сустраць каля мастоў, грэблі, на скрыжаваннях дарог, прыстанях.

У перыяд феадальнай раздробненасці кожны ўдзельны князь у межах сваіх уладанняў вынаходзіў і развіваў уласную сістэму, па сутнасці кажучы, унутраных мыт, падпарадкаваную выключна мэтам свайго асабістага ўзбагачэння. Таму віды і памеры мыта былі самымі рознымі. Так, па звестках Статута смаленскага князя Расціслава Мсціславіча 1136 г., у Копысе, які размяшчаўся супраць 60-кіламетровай сухапутнай дарогі на Друцк – Полацк, за перавоз (пераезд праз раку людзей і грузаў) бралі 4 грыўні, за праезд у горад збіралі «гандлёвае мыта» – 4 грыўні, а ў Прапойску на Сожы (Слаўгара-дзе), пры ўездзе ў Смаленскае княства – 10 грыўняў. Князь браў і «гасцёўную даніну», або «госць», – за правоз купецкіх тавараў [3, с. 6].

У гэты перыяд у асноўным існавалі два віды мыта – вадзяное (плацяжы з лодак, водных шляхоў) і сухое (плацяжы з вазоў, сухапутны). У «Прастраннай рускай праўдзе» была рэгламентавана цэлая сістэма гандлёвых і мытных «мыт»:

- 1) звычайнае – за права правесці тавар на тэрыторыю;
- 2) перавоз – плата за пераправу тавару праз раку;
- 3) маставое – за праезд праз мост;
- 4) камернае – плата за захоўванне тавару на царкоўных складах;
- 5) гасцінае – за права весці гандаль;
- 6) вагавое – за карыстанне «вагамі» [4, с. 12].

Існавалі і іншыя мыты: пасаджанае – у залежнасці ад велічыні воза ў сажнях, голоўшчына – асабісты падатак з кожнага чалавека на возе ці судне; замыт – з кошту тавару, а не з воза, пляма – за клеймаванне коней пры куплі-продажы; звальнае – за зняцце тавару з воза пры ўзважванні на мытніцы; уздымнае – за ўздыманне тавару на шалі; пабярэжнае – за прычальванне да берага; падужнае – за колькасць вазоў ў абозе; узольцавае – збор за абвязку тавару з пастаўленымі мытнымі пячаткамі.

Варта сказаць, што ўнутраныя мыты ў кожным княстве мелі мноства асаблівасцяў. Да прыкладу, вызваленне асобных груп насельніцтва ад выплаты мыта, прадастаўленне права спаганяць мыта на сваю карысць і інш. Аб кантрабандзе (прамыце) ва ўсходнеславянскіх княствах ведалі яшчэ ў X ст., але толькі з XIII ст. яна была прызнана афіцыйна і стала пераследвацца, што

зафіксавана ў пісьмовых крыніцах. Пра гэта сведчыць існаванне ў даўніх гістарычных крыніцах прамыта – падвойнага штрафу з кожнага воза пры спробе купца ўхіліцца ад выплаты мыта. Таксама асабіста з купца ў гэтым выпадку бралася як штраф і запаведзь.

Часта феадалы ў сваім памкненні сабраць больш мыта даходзілі да поўнага самадурства. Напрыклад, спецыяльна не сачылі за сваімі дарогамі, паколькі забаранялі купцам падымаць тавар, які ўпаў на іх зямлю. У выніку эгаістычны, карыслівы інтарэс феадала значна тармазіў гандаль, эканамічнае развіццё ўсяго краю, нават запавольваў развіццё і самой мытнай справы, ператвараючы сыскванне мыта часам у прымітыўны збор грошай і тавараў з купцоў.

Такім чынам, у сярэдзіне IX ст. на тэрыторыі Старажытнай Беларусі з'яўляюцца перадумовы для зараджэння мытнай справы. Пазней, у перыяд феадальнай раздробненасці, гэты працэс нават актывізаваўся. З XII ст. на межах Полацкага, Турава-Пінскага, Мінскага, Віцебскага, Гродзенскага, Слуцкага, Навагрудскага, Смаленскага і іншых княстваў і зямель, пры ўездзе-выезде і унутры іх, на важнейшых участках гандлёвых шляхоў сталі з'яўляцца шматлікія мытныя ўстановы – мытніцы для збору «мыта» ў скарб мясцовага князя. Паступова ў старажытнабеларускіх княствах узнікае наступная прынцыповая арганізацыя збору мыта.

Ад імя князя, пасля ўзгаднення з яго бліжэйшым асяроддзем, месцамі збору пошлін і іх старэйшымі зборшчыкамі (мытнікамі) кіраваў спецыяльны княжацкі ўпраўляючы, звычайна цівун, які меў памочнікаў, што непасрэдна ажыццяўлялі збор пошлін, – служыцеляў. На волаках, з рачных суднаў збіраў мыта валочскі цівун, які пры неабходнасці павінен быў даць купцам таксама і абарону ад разбойнікаў. Трэба адзначыць, што мытнікі лічыліся паважанымі людзьмі. Паводле найстаражытнейшага зводу законаў «Руская праўда», голас мытніка пры сведчаннях у судзе раўняўся галасам двух свабодных мужоў [5, с. 8].

Сярод старажытнабеларускіх мытных служэбнікаў існавалі і спецыялізацыі. Так, для ўзяцця «вагавага мыта» меўся спецыяльны «важчы». Да прыкладу, Смаленская грамата 1229 г. адзначае і спецыяльных зборшчыкаў падаткаў – «бірчых». Гэты тэрмін быў запазычаны ад варажскіх купцоў і першапачаткова азначаў бірку – драўляны брусок, на якім надрэзаны вёўся ўлік чаго-небудзь (коп у полі, ячменю ў гумне, тавару на возе і г. д.). Часам права збору мыта мелі і ўплывовыя царкоўныя іерархі.

XIII ст. увайшло ў беларускую гісторыю мытнай справы як перыяд зараджэння гандлёвага права. Заснаваны немцамі у 1201 г. у вусці Дзвіны, з дазволу полацкага князя, стратэгічны ў ваенным і гандлёвым значэнні горад Рыга хутка стаў ключавым звяном гандлю ўсходне-славянскіх дзяржаў з Заходняй Еўропай. Гэта прывяло да заключэння вялікай колькасці гандлёвых дамоваў Рыгі са славянскімі князямі: самым першым гандлёвым пагадненнем Рыгі з Полацкам была дамова 1210 г., у якой полацкі князь Уладзімір даваў шырокія правы купцам. Дамова смаленскага князя Мсціслава Давыдавіча разам з князямі полацкім і віцебскім з Рыгай і Гоцкім берагам 1229 г. – гэта адна з першых на беларускіх землях пісьмовых крыніц гандлёвага права, змацаваная пячаткамі гарадоў Вісбю, Любека, Данцыга, Мюнхена, Гронінгема, Дортмунда, Брэмена, Смаленска, Полацка і Віцебска. Яе палажэнні рэгламентавалі розныя аспекты гандлёвых сувязяў. У ёй падкрэслівалася, што гандлёвы шлях павінен быць «чысты», «без мяжы», адзначалася, што купцы-госці маглі карыстацца апекай уладаў і льготамі пры гандлі. «Кожнаму латынскому чалавекам з усіх вольных путе з Гочкога берага да Смольнеска без мыта» [5, с. 18]. Гэтая дамова паслужыла асновай і для іншых пагадненняў.

Заклучэнне. Такім чынам, да XIII ст. у старажытнабеларускіх княствах пад уплывам шэрагу знешніх і ўнутраных фактараў сфармавалася досыць развітая сістэма збору мыта. Да гэтага часу таксама склалася практыка заключэння гандлёвых дагавораў, што рэгламентавалі існуючыя гандлёва-мытныя адносіны.

Літаратура

1. Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России. М.: РУСИНА-ПРЕСС, 2004. 592 с.
2. Саяпин В. Ю. Таможенная служба: в 2 кн. Гродно: Гродн. тип., 2005. Кн. 1: Мыто и мытники. 400 с.
3. Основы таможенной службы: учеб.-метод. пособие / И. И. Дубик [и др.]. Минск: Амалфея, 2013. 336 с.
4. Государственная таможенная служба Республики Беларусь. История и современность / под общ. ред. А. Ф. Шпилевского Минск: Белтаможизсервис, 2006. 248 с.
5. Вішнеўскі А. Ф., Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусі, 2003. 320 с.

References

1. Kislovskiy Yu. G. *Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoy politiki Rossii* [History of customs and customs policy of Russia]. Moscow, RUSINA-PRESS Publ., 2004. 592 p.
2. Sayapin V. Yu. *Tamozhennaya sluzhba. Kn. 1. Myto i mytniki* [Customs Service. Book 1. Myto and mytniki]. Grodno, Grodnenskaya tipografiya Publ., 2005. 400 p.
3. Dubik I. I. [et al.]. *Osnovy tamozhennoy sluzhby* [Basics of customs service]. Minsk, Amalfeya Publ., 2013. 336 p.
4. *Gosudarstvennaya tamozhennaya sluzhba Respubliki Belarus'. Istoriya i sovremennost'* [State Customs Service of the Republic of Belarus. History and modernity]. Ed. by A. F. Shpilevskiy. Minsk, Beltamozhizservis Publ., 2006. 248 p.
5. Vishneuski A. F., Yukho Ya. A. *Gistoryya dzyarzhavy i prava Belarusi u dakumentakh i materyyalakh* [History of state and law in Belarus documents and materials]. Minsk, Akademiya MUS Respubliki Belarus' Publ., 2003. 320 p.

Інфармацыя пра аўтара

Астрога Віктар Аляксандравіч – доктар гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры мытнай справы. Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт (220030, г. Мінск, пр-т Незалежнасці, 4, Рэспубліка Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Ostroga Victor Alexandrovich – DSc (History), Fssociate Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian state university (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Пасмуніў 11.03.2019

УДК 94(476)«08/15»+332.3(476)(091)«08/15»

А. Е. Веремейчик

Белорусский государственный университет

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛАТИФУНДИАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В IX–XVI ВВ.**

В статье рассматривается формирование и развитие латифундий на белорусских землях в IX–XVI вв. Раскрыты особенности правового оформления вотчин в сравнительном анализе с западноевропейской земельной собственностью. Исследована взаимосвязь механизма владения латифундий с построением структуры власти и внутривластным устройством белорусских земель. Внимание уделяется учреждению ординаций, которые стали значительной формой территориально-правового иммунитета для шляхты и завершили процесс оформления феодальной собственности. Доказано, что крупное светское землевладение было закономерным итогом развития феодальных отношений на белорусских землях в IX–XVI вв.

Ключевые слова: феодал, аллод, вотчина, майорат, ординация, шляхта, привилегия, статут.

A. E. Veremeychik

Belarusian State University

**TRANSFORMATION OF LATIFUNDIAL LAND
IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE 9–16 CENTURIES**

The article discusses the formation and development of latifundia on the Belarusian lands in the 9–16 centuries. The peculiarities of legal registration of estates in a comparative analysis with Western European land ownership are disclosed. The interrelation of the latifundia ownership mechanism with the construction of the power structure and the internal political structure of the Belarusian lands is investigated. Considerable attention is paid to the establishment of ordinances that have become a significant form of territorial legal immunity for the nobility and completed the process of registration of feudal property. It was proved that large secular land ownership was the law-dimensional result of the development of feudal relations on Belarusian lands in the 9–16 centuries.

Key words: feud, allodium, entail, primogeniture, ordination, nobility, privilege, law.

Введение. Развитие частной земельной собственности на территории Беларуси заняло продолжительный период в истории феодальных отношений. Начало организации латифундий в виде феодалов было положено в IX в. В результате многовекового опыта сформировалась и законодательно оформилась правовая база частного владения. В начале XVI в. на территории Беларуси появились крупные землевладельцы, имеющие более 1000 дымов. Издание Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. упрочило правовую неприкосновенность частной земельной собственности на белорусских землях.

История светских латифундий – предмет непрекращающихся дискуссий среди исследователей. В отечественной и зарубежной историографии опыт разработки проблематики в основном затрагивал рассмотрение территориального формирования владений и их социально-экономического развития. В работах историков Похилевича Д. Л. [1], Игнатенко А. П. [2], Мелешко В. И. [3], Копысского З. Ю. [4], Делинковского И. И. [5] и Грицкевича А. П. [6] на основе статистических источников были проанализированы факторы, оказывающие влияние

на развитие ремесла, торговли и образование цехов в частновладельческих имениях.

В первой половине XIX в. польский исследователь Ейхорн К. [7] сделал первую попытку изучения способов передачи ординаций Радзивиллов по наследству по мужской линии рода. Работы М. Балинского [8], А. Бонецкого [9], А. Повиньского [10] и С. Оржельского [11] способствовали выявлению основных способов приобретения земель для ординаций во второй половине XVI–XVII вв. О. Н. Попко [12, 13] и А. Е. Веремейчик [14] рассмотрели в своих публикациях вопросы территориального образования, функционирования и наследования крупных земельных конгломератов рода Радзивиллов Несвижской ординации. Включение процессов правового оформления земельных латифундий на территории Беларуси в отечественной историографии исследовалось косвенно.

В то же время исследование истории латифундиального земельного владения невозможно без анализа формирования, развития и функционирования его правовой базы. Особого внимания заслуживает научная проблема об учреждении

и оформлении ординаций как самого крупного вида земельной собственности. Процесс оформления ординаций в конце XVI в. свидетельствовал о завершении формирования привилегированного шляхетского сословия на территории Беларуси.

Основная часть. Для рассмотрения заявленной проблемы необходимо обратиться к истории образования частной земельной собственности на территории Беларуси и к ее оформлению в законодательных документах в период Средневековья.

В IX в. на белорусских землях сформировались первые государственные образования в составе Киевской Руси – Полоцкое и Туровское княжества. Толчком к развитию частного землевладения послужил рост числа удельных княжеств. Удельные князья в IX–X вв. владели землями по традиционному праву «Отчины» («Отчизна», «Вотчина»). Рост полномочий княжеской власти в регулировании прав собственности впервые подтвердила в XI в. «Русская Правда». В документ были включены статьи об организации и владении имуществом, передаче собственности по мужской и женской линии семьи (ст. 86, 88–89, 95, 92–93, 94–100) [15].

На белорусских землях в IX–XI вв. владеть отчинами могли только члены династии Рюриковичей. Бояре и дружинники получали земли в условное владение, что свидетельствовало о слабом развитии вассалитета. Постепенно к XII в., по мере наделения дружинников иммунитетными привилегиями на местах, они из представителей государственной власти стали превращаться в феодалов. Новый период развития частной собственности на землю начался в XIII в. Произошло укрепление удельных княжеств за счет массовой миграции населения в связи с войнами с крестоносцами и монголо-татарами. Укреплению мелких княжеств способствовало и образование в середине XIII в. Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Великие князья Миндовг (1253–1263) и Войшалк (1264–1267) попытались укрепить политические союзы с представителями династии Рюриковичей и сохранили полное властвование удельных князей в своих отчинах. С целью ослабления противодействия централизаторской политики великий князь Витовт (1392–1430) военным путем ликвидировал систему наследственного надельного землевладения, а институт княжения заменил наместничеством. На престоле оставался один из наследников, который распоряжался неделимыми земельными владениями. После реформы Витовта получить земли можно было только за государственную и военную службу великому князю [16, с. 29–32].

Заключение Кревской унии 14 августа 1385 г. между ВКЛ и Польским королевством, условия договора в Острове 1392 г. (Берестейские земли вошли в состав ВКЛ) и незрелость законодательства ВКЛ по сравнению с Польским королевством в области частных владений подтолкнули великого князя Ягайло (1377–1392) к документальному оформлению прав собственности на землю. Первое законодательное оформление отчины в ВКЛ и ее переход из сферы традиционного права в систему светского делопроизводства произошло подписанием привилея в 1387 г. [17, с. 243–244].

К середине XVI в. значительно сократился государственный (великокняжеский) фонд земли с целью привлечения шляхетского сословия для комплектования войска. Происходило активное перераспределение земельных владений в пользу светских феодалов. Иммунитет права собственности был закреплен статьями Статутов ВКЛ 1529 и 1566 гг. и состоял в освобождении земельных владений феодала от государственных повинностей. Благодаря законодательному укреплению латифундий к середине XVI в. на белорусских землях сформировалась магнатерия, которую представляли фамилии, имеющие более 1000 дымов.

В 1569 г. в результате подписания Люблинской унии была образована Речь Посполитая, объединившая в одно государство ВКЛ и Польское королевство. В сфере земельной собственности документ гарантировал сохранение имений за их прежними владельцами (ст. 18, 20) [18].

Принятие в 1573 г. королем Речи Посполитой Генрихом Валуа «Артикулов», которые стали синонимом «золотых шляхетских вольностей», укрепило безвозмездное пользование и распоряжение частной земельной собственностью.

Итогом принятия законодательных документов в области права на земельную собственность в XVI в. стало учреждение в 1586 г. Несвижской, Клецкой и Олыкской (современная территория Украины) ординаций родом Радзивиллов [19, л. 57–59]. Ординации стали эквивалентом утвердившейся в западноевропейском законодательстве с XII в. формы владения и наследования земель – майорат.

30 июня 1586 г. князья Радзивиллы приехали в Новогрудок, где проходило заседание Главного трибунала ВКЛ. Договор об образовании ординаций был вписан в книгу Трибунала. 20 июля 1586 г. договор между братьями Радзивиллами был утвержден королем Речи Посполитой Стефаном Баторием [19, л. 57–59 об.].

В то же время документ XVIII в., рассказывающий об истории образования ординации,

свидетельствует о подписании договора между братьями Радзивиллами 20 мая 1586 г. [20, л. 20 об.] Источник подтверждает дату утверждения Договора королем Речи Посполитой Стефаном Баторием – 20 июля 1586 г. Юридическую силу Договор приобрел только в 1589 г. Он был утвержден постановлением пацификационного сейма Речи Посполитой 1589 г. под № 1284 (Volum Seundo fol. 1284), которое повторно было подтверждено в 1786 г. на сейме Речи Посполитой [20, л. 15].

Ординации получили статус независимых владений в ВКЛ. Их земли не могли быть конфискованы или секвестрированы великим князем. Однако в Статуте 1588 г. не было понятия «ординация» и не определялись юридические нормы владения и наследования майоратом. Согласно Статуту 1588 г., наследственные земли в ВКЛ получили название «вотчина» («дедовщина»).

В историографии часто отождествляют термины «вотчина» и «ординация», что не соответствует действительности. Понятие «вотчина» было эквивалентно аллодиальным владениям в Западной Европе. Они являлись исключительной собственностью семьи и не могли быть завещаны постороннему лицу, наследовались по младшей мужской линии рода и дочерьми владельцев. Под аллодиальным наследством понималось все имущество: деньги, инвентарные предметы, недвижимость, урожай, прибыль.

Термин «ординация» соответствовал принятому в западноевропейском законодательстве понятию «майорат». Под майоратом подразумевалось неотчуждаемое имущество семьи, передававшееся по старшинству мужской линии рода. Оно не могло наследоваться дочерьми владельцев. Майорат включал наследственные земли с их постройками.

В XV в. майораты стали учреждаться в Польском королевстве и получили название ординаций. После заключения в 1569 г. Люблинской унии и создания Речи Посполитой опыт учреждения ординаций распространился и в ВКЛ. Получение в 1547 г. Николаем Радзивиллом Черным для себя и своих потомков титула князя Священной Римской империи на Олыке и Несвиже дало возможность Радзивиллам использовать западноевропейские законодательные нормы для обеспечения неприкосновенности своих владений.

Суверенитет майоратов в Священной Римской империи обеспечивало Постановление в пользу князей (*Statutum in favorem principum*), утвержденное в 1232 г. императором Фридрихом II. Образование майората давало владельцу право организовывать административный аппарат в имениях и городах, возможность чеканки соб-

ственной монеты и признавало юрисдикцию княжеских судов.

Суверенитет ординации ограничивался законами ВКЛ. Радзивиллы получили право организации административного аппарата, судебной системы, организации войска в майорате, но не чеканили свою монету.

В соответствии с названным Договором владения должны были наследоваться старшей мужской линией рода. Из списка наследования ординаций исключались дочери и их дети. После угасания одной из линий рода Радзивиллов ординация должна была переходить к другой линии рода, но завещателю предоставлялось право лично выбрать наследников и свободно осуществлять раздел имущества между ними.

Главные владения Несвиж, Мир, Клецк и Олыка не могли быть отчуждаемы из собственности Радзивиллов ни при каких условиях. В случае острой необходимости только четвертую часть имений можно было заложить в аренду. Последний представитель рода Радзивиллов по мужской линии имел право распорядиться владениями по своему усмотрению.

Дочерям владельцев ординации было запрещено наследовать майорат. Княжны получали приданое деньгами в эквиваленте 400 копы литовских грошей от каждых 100 волок земли ординации. Если земли майората на момент вступления в брак княжон были заложены в аренду, то в приданое каждая из них получала 200 копы литовских грошей от каждых 100 волок земли ординации.

Дочери владельцев ординации могли унаследовать движимое имущество майората только в случае отсутствия наследников-мужчин и специальных пожеланий в завещании его владельца [21, s. 230]. Положения Договора 1586 г. о наследовании имущества по женской линии рода Радзивиллов не противоречили нормам Статута ВКЛ 1588 г. и позволяли дочерям владельцев майората получать земельную собственность, не входившую в состав ординации, – аллодиальные владения.

Право владения и наследования аллодиальными землями, установленное Договором 1586 г., представляло европейскую юридическую форму позднего аллода, введенную эдиктом короля франков Хильпериком I в конце VI в. Аллодиальные владения Радзивиллов были свободными, подлежащими неограниченному распоряжению владельца земельной собственностью младших членов семьи. Они могли быть предметом завещаний, дарений и купли-продажи. В конце XVI – начале XVII в. основу аллодиальных владений несвижской линии рода Радзивиллов составили крупные земельные конгломераты Лахва и Бяла.

Таким образом, наличие у Радзивиллов европейского титула имперских князей позволяло наследовать ординацию по законодательным нормам Священной Римской империи. Учреждение ординации создало основу для политического могущества, высокого социального статуса и независимости Радзивиллов в ВКЛ, так как обеспечивало стабильный доход и финансовую независимость семьи. Представители младшей мужской линии рода и дочери владельцев наследовали аллодиальное имущество в соответствии с законодательством ВКЛ.

Самым крупным земельным объединением Радзивиллов стала Несвижская ординация. Однако, подписав Договор об учреждении Несвижской ординации в 1586 г., Николай Радзивилл Сиротка не составил опись ее владений. В документе не были прописаны земли, которые могли продаваться, сдаваться в аренду и передаваться по родовой линии младших сыновей семьи.

Однако незадолго до учреждения ординации, в мае 1586 г., был составлен реестр всех владений Николая Радзивилла Сиротки [22, л. 86]. В соответствии с документом все земельные владения князя в ВКЛ включали 44 населенных пункта и были разделены на 7 имений: Несвиж, Мир, Сверхень, Быховщизна, Чановичи, Солтанова Гать и Затурья.

В состав имения Несвиж были включены владения: Несвиж, Сейловичи, Славково, Качановичи, Войниловичи, Похабовщизна, Липа, Кваши, Крутой Берег, Зауше; имения Мир: Старый и Новый Мир, Великие, Езеро, Ойцевичи, Кадун, Писечно, Жуховичи, Хожово, Луки; имения Сверхень: Сверхень, Залуже, Скоморошки, Пшетоки, Свежно, Зачеревье, Лубно, Оталез, Тулонка, Сименьчицы; имения Быховщизна: Быховщизна, Миткевичи, Осмолово; имения Чановичи: Чановичи, Лань, Кобруны; имения Солтанова Гать: Солтанова Гать, Новоселки, Кудиновичи, Раковичи, Плешевичи; имения Затурья: Затурья, Бузуны.

Следует отметить, что на протяжении XVII – первой половины XVIII в. не было судебных процессов о праве владения ординацией или спорах о владении имениями среди

представителей несвижской линии рода Радзивиллов. Клецкая и Олыкская ординации в XVII и XVIII вв. отошли к несвижской линии рода Радзивиллов. Несвижская ординация выполнила свои главные задачи по сохранению земельных владений в руках потомков Николая Радзивилла Сиротки.

Заключение. В истории формирования крупной земельной собственности определяются три периода. В IX–XIII вв. были сформированы первые отчины. Право их владения и наследования принадлежало представителям династии Рюриковичей и определялось повседневной земельной практикой. Первоначально к вотчине относилось любое наследие, полученное от отца, матери или деда. Образование ВКЛ в середине XIII в. изменило механизм формирования частного владения. К власти пришли Гедеминовичи, которые стали раздавать военным служивым людям земли в собственность. Сформировалась система вассалитета, в которую вошли ранее неизвестные фамилии. Владение землей включало в себя выполнение управленческих функций, наличие политической власти и связанных с ней должностей. В XIII–XV вв. произошел закономерный переход от обычного права собственности на землю к писанному (привилейный период), которое было единым для всего государства. В XVI в. стали интенсивно формироваться крупные частные земельные конгломераты. Этому способствовало закрепление и усовершенствование законодательства (Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг.) в области вотчинного владения. Заключение Люблинской унии в 1569 г. и смена монарших династий во второй половине XVI в. в управлении государством сыграло заключительную роль в наделении владений шляхты неприкосновенным иммунитетом, апогеем чего стало образование майоратов в виде Несвижской, Клецкой и Олыкской ординаций князей Радзивиллов. Они стали самыми крупными латифундиальными владениями на территории Беларуси, обладавшими привилегиями западноевропейских майоратов по нормам западноевропейских законов.

Литература

1. Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. Львов: Львов. ун-т, 1957. 174 с.
2. Игнатенко А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII вв. Минск: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования Белорус. ССР, 1963. 87 с.
3. Мелешко В. И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII–XVIII вв.). Минск: Наука и техника, 1975. 246 с.
4. Копыцкий З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. Минск: [б. и.], 1966. 225 с.
5. Деленковский Н. И. Несвиж: историко-экономический очерк. Минск: Беларусь, 1979. 111 с.

6. Грицкевич А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.: социально-экономическое исследование истории городов. Минск: Наука и техника, 1975. 248 с.
7. Eichhorn K. Stosunek książęcego domu Radziwiłłów do domów książęcych w Niemczech uważany ze stanowiska historycznego i pod względem praw niemieckich politycznych i książęcych. Warszawa: A. E. Glücksberg, 1843. 155 s.
8. Baliński M. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym: w 4 t. Warszawa: Nakł. i druk S. Olgelbranda, 1843–1846. T. 4. 1846. 634 s.
9. Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa: [s. n.], 1887. 425 s.
10. Pawiński A. Sprawy Prus Książęcych za Zygmunta Augusta w r. 1566–1568: dyaryusz trzykrotnego poselstwa komisarzy królewskich. Warszawa: skł. gł. Księg. Gebethnera i Wolffa, 1879. 339 s. (Źródła Dziejowe (Warszawa). T. 7).
11. Orzelski S. Bezkrólewia ksiąg ośmioro 1572–1576. Kraków: Akad. Umiejętności, 1917. 741 s.
12. Папко В. Нясвіжская ордынацыя князёў Радзівілаў у XIX стагоддзі // Беларускі гістарычны часопіс 2006. № 1. С. 30–36.
13. Папко В. М. Прынцыпы наследвання ардынацый князёў Радзівілаў у XIX ст. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія і сацыялогія, культуралогія, мастацтвазнаўства, педагогіка, псіхалогія, правазнаўства, філалогія. 2009. № 1. С. 16–21.
14. Веремейчик А. Е. Образование Несвижской ординации // Научные стремления. 2011: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Минск, 14–18 нояб. 2011 г.: в 2 т. Минск, 2011. С. 35–38.
15. Наиболее подробное издание: Правда Русская: в 3 т. / под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940–1963. Т. I. 1940. 505 с.
16. Доўнар Т. І. Крыніцы права Беларусі перыяду Вялікага княства Літоўскага // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 4, Правазнаўства. 2008. № 1. С. 29–32.
17. Каун С. Б. Привилей 20 февраля 1387 г. как исторический источник // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Мінск: БДУ, 2014. Вып. 9. С. 240–246.
18. Akta Unii Polski z Litwą 1385–1791. Kraków, 1932. 465 s.
19. Российский государственный архив древних актов. Фонд 389. Оп. 1. Д. 73.
20. Национальный исторический архив Беларуси. Фонд. 694. Оп. 1. Д. 225.
21. Kemp T. Mikołaj Krystof Radziwiłł Sierotka (1549–1616) wojewoda wileński. Warszawa: Semper, 2000. 381 s.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Dz. XI. Koperta 84. Sign. 853.

References

1. Pokhilevich D. L. *Krest'yane Belorussii i Litvy v XVI–XVIII vv.* [Peasants of Belarus and Lithuania in the 16–18 centuries]. L'vov, L'vov. un-t Publ., 1957. 174 p.
2. Ignatenko A. P. *Remeslennoye proizvodstvo v gorodakh Belorussii v XVII–XVIII vv.* [Handicraft production in the cities of Belarus in the 17–18 centuries]. Minsk, Izd-vo M-va vyssh., sred. spets. i prof. obrazovaniya Belarus. SSR Publ., 1963. 87 p.
3. Meleshko V. I. *Ocherki agrarnoy istorii Vostochnoy Belorussii (vtoraya polovina XVII–XVIII v.)* [Essays on the Agrarian History of Eastern Belarus (second half of the 17–18 centuries)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1975. 246 p.
4. Kopysskiy Z. Yu. *Ekonomicheskoye razvitiye gorodov Belorussii v XVI – pervoy polovine XVII v.* [Handicraft production in the cities of Belarus in the 17–18 centuries]. Minsk, [b. i.], 1966. 225 p.
5. Delenkovskiy N. I. *Nesvizh: istoriko-ekonomicheskii ocherk* [Nesvizh: historical and economic essay]. Minsk, Belarus' Publ., 1979. 111 p.
6. Gritskevich A. P. *Chastnovladel'cheskiye goroda Belorussii v XVI–XVIII vv.: sotsial'no-ekonomicheskoye issledovaniye istorii gorodov* [Private cities of Belarus in the 16–18 centuries: a socio-economic study of the history of cities]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1975. 248 p.
7. Eichhorn K. Stosunek książęcego domu Radziwiłłów do domów książęcych w Niemczech uważany ze stanowiska historycznego i pod względem praw niemieckich politycznych i książęcych [Relation of the princely home of the Radziwiłł family to princely homes in Germany, considered from a historical standpoint and in terms of German political laws]. Warszawa, A. E. Glücksberg Publ., 1843. 155 p.

8. Baliński M. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym: w 4 t. [Ancient Poland in historical, geographical and statistical terms: in 4 vol.]. Warszawa, Nakł. i druk S. Olgelbranda Publ., 1843–1846, vol. 4, 1846. 634 p.
9. Boniecki A. Poczec rodów w Wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku [A fellowship of families in the Great Duchy of Lithuania in the fifteenth and sixteenth centuries]. Warszawa, [s. n.], 1887, 425 p.
10. Pawiński A. Sprawy Prus Książęcych za Zygmunta Augusta w r. 1566–1568: dyaryusz trzykrotnego poselstwa komisarzy królewskich [Relationships between Prussia and Zygmunt August 1566–1568: diary of three visits by royal ambassadors]. Warszawa, skł. gł. Księg. Gebethnera i Wolffa Publ., 1879, 339 p.
11. Orzelski S. Bezkrólewia ksiąg ośmioro 1572–1576 [Time without a king in eight parts 1572–1576]. Kraków, Akad. Umiejętności Publ., 1917, 741 p.
12. Papko V. Nesvizhskaya ordynaciya of the princes Radziwill in the 19 century. *Belaruski gista-rychny chasopis* [Belarussian History Journal], 2006, no 1, pp. 30–36 (In Belarusian).
13. Papko V. M. Inheritance rules of the Ordinacies princes Radziwill in the XIX century. *Vesnik grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Ya. Kupaly* [Bulletin of the Grodno State University], series 1: History, Philosophy, Political science and Sociology, Cultural studies, Art, Education, Psychology, Law, Philology, no. 1, 2009, pp. 16–21 (In Belarusian).
14. Veremeychik A. E. Formation of Nesvizh ordination. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Nauchnyye stremleniya. 2011"* [Scientific Achievements, Collection of materials of the international scientific-practical conference of young scientists, Formation of Nesvizh ordination]. Minsk, 2011, vol. 2, pp. 35–38 (In Russian).
15. *Naiboleye podrobnoye izdaniye: Pravda Russkaya / pod red. B. D. Grekova* [The most similar edition: Pravda Russkaya: in 3 vol.]. Ed. by B. D. Grekov. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1940–1963, vol. I, 1940. 505 p.
16. Dounar T. I. Sources of law in the territory of Belarus of the period of the Grand Duchy of Lithuania. *Vesnik grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Ya. Kupaly* [Bulletin of the Grodno State University], series 4, Jurisprudence, 2008, no 1, pp. 29–32 (In Belarusian).
17. Kaun S. B. Priviley February 20, 1387 as a historical source. *Krynitsaznaustva i specyyal'nyya gistorychnyya dyscypliny* [Source studies and special historical disciplines], Minsk, 2014, issue 9, pp. 240–246 (In Russian).
18. Akta Unii Polski z Litwą 1385–1791 [Articles of law of the Polish Union with Lithuania 1385–1791]. Kraków, [s. n.], 1932. 465 p.
19. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 389. I. 1. F. 73.
20. National Historical Archives of Belarus. Fund. 694. I. 1. F. 225.
21. Kemp T. Mikołaj Krystof Radziwiłł Sierotka (1549–1616) wojewoda wileński [Nicholas Krystof Radziwiłł, Orphan (1549–1616), Vilnius Voivode]. Warszawa, Semper Publ., 2000. 381 p.
22. Central Archives of Historical Records in Warsaw. Dz. XI. K. 84. S. 853.

Информация об авторе

Веремейчик Алина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, ул. Красноармейская, 6, Республика Беларусь). E-mail: Verameichyk@bsu.by

Information about the author

Veremeychik Alina Evgenievna – PhD (History), Associate Professor, the Department of Modern and Contemporary History of Belarus. Belarusian State University (6, Krasnoarmeyskaya str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Verameichyk@bsu.by

Поступила 12.03.2019

УДК 336.14(474/476-21)(091)«1875/1892»

Т. В. Воронич

Белорусский государственный экономический университет

**ДОХОДНЫЕ И РАСХОДНЫЕ СТАТЬИ БЮДЖЕТОВ ГОРОДОВ
БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ В 1875 И 1892 ГГ.¹**

Впервые на основе статистических источников рассмотрены суммарные доходы и расходы 79 городов шести губерний: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской. Изучены динамика и структура доходных и расходных частей бюджетов за 1875 и 1892 гг., их удельный вес в общей сумме городских бюджетов. Главным источником исследования стали «Отчет о денежных оборотах городских касс» за 1875 и 1892 гг. За рассматриваемый период бюджеты городов показали значительную положительную динамику. Основными источниками доходов были различные налоговые поступления и выплаты из казны. Главными статьями расходов были немунципальные выплаты на содержание правительственных учреждений и, прежде всего, выполнение воинской квартирной повинности. Наибольший рост показали расходы на решение непосредственно городских проблем – благоустройство городских улиц и площадей, а также медико-санитарные нужды. Однако в общей сумме бюджета эти расходы были мизерными.

Ключевые слова: город; бюджет; доходы и расходы городов.

T. V. Voronich

Belarusian State Economic University

**REVENUE AND EXPENDITURE ARTICLES OF BUDGETS OF CITIES
OF THE BELARUS-LITHUANIAN PROVINCE IN 1875 AND 1892**

For the first time, on the basis of statistical sources, the total incomes and expenses of 79 cities in six provinces: Vilna, Vitebsk, Grodno, Kovno, Minsk and Mogilev were considered. The dynamics and structure of the revenue and expenditure parts of budgets for 1875 and 1892, their share in the total amount of city budgets are studied. The main source of the study was the “Report on the cash turnover of the city offices” for 1875 and 1892. During the period under review, city budgets showed a significant positive trend. The main sources of income were various tax revenues and payments from the treasury. The main items of expenditure were non-municipal payments for the maintenance of government agencies, and, above all, the performance of military apartment service. The greatest growth was shown by the costs of solving directly urban problems – the improvement of city streets and squares, as well as medical and sanitary needs. However, in the total budget, these costs were scanty.

Key words: city; budget; incomes and expenses of cities.

Введение. Одним из важнейших компонентов деятельности городского самоуправления является ведение финансового хозяйства города. В последней трети XIX – начале XX в. в целом заметно ускорились процессы развития городов, что в значительной мере обуславливает научный интерес к данному периоду. Ранее автором уже были проанализированы бюджеты пяти губернских городов – Вильны, Витебска, Гродно, Минска, и Могилева [1]. В данной работе рассматриваются совокупные доходные и расходные части бюджетов 79 городов шести белорусско-литовских губерний: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской. Главным источником являются «Отчеты о денежных оборотах городских касс» за 1875 и 1892 гг. [2, 3]. Нижняя граница исследования 1875 г. обусловле-

на годом утверждения правил о введении Городового положения 1870 г. в городах белорусско-литовских губерний. Верхняя – 1892 – годом принятия нового Городового положения.

Основная часть. В 1875 г. бюджетными средствами свыше 100 тыс. располагал только один город – Вильна (116 087 руб.), на его долю приходилось 20% всей суммы доходов городов шести губерний. Вильна обладала самыми крупными финансами в регионе, значительно опережая остальные города. На долю 12 (15,2%) городов с бюджетами от 10 до 100 тыс. руб. приходилось 47,2% всех городских доходов. Самыми крупными из них (с доходом от 20 до 50 тыс. руб.) были Гродно (40 535 руб.), Могилев (34 142), Динабург (30 891), Минск (30 771), Витебск (29 568), Ковно (23 378 руб.) [2, с. 4–7, 10–13, 18–19, 24–27].

¹Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Экология и санитарно-гигиеническая система Вильно, Ковно и Гродно в контекстах модернизации европейских городов в 1870–1914 годах», выполняемого при поддержке Научного совета Литвы по программе «Модерность в Литве» (Modernybė Lietuvoje). Проект № S-MOD-17-9.

Таблица 1

Распределение городов Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской губерний по сумме годовых доходов в 1875 и 1892 гг.

Размер дохода, руб.	1875 г.		1892 г.	
	Количество городов	Общая сумма доходов, руб.	Количество городов	Общая сумма доходов, руб.
Свыше 100 тыс.	1	116 087	8	1 505 255
50–100 тыс.	0	0	2	189 763
20–50 тыс.	6	189 285	8	223 070
10–20 тыс.	6	84 274	14	185 301
5–10 тыс.	11	74 384	16	113 430
2–5 тыс.	29	100 678	12	43 813
1–2 тыс.	4	6 092	4	5 554
100–1000 руб.	19	8 269	14	6 522
Менее 100 руб.	3	197	1	92
<i>Всего</i>	79	579 266	79	2 272 800

Примечание. Составлено по источникам: [2, с. 4–7, 10–13, 18–19, 24–27; 3, с. 4–7, 10–13, 18–19, 24–27].

Городов с доходом от 50 до 100 тыс. руб. вообще не было. Доход подавляющего большинства городов – 66 (83,5%) не достигал и 10 тыс. руб. На их долю приходилось 32,7% всех доходов. А у 55 из них (69,6%) он был менее 5 тыс. руб. (табл. 1).

За 1875–1892 гг. суммарный доход городов шести губерний увеличился почти в четыре раза – с 579 266 до 2 272 800 руб. В 1892 г. число городов, обладавших бюджетными средствами свыше 100 тыс. руб., увеличилось до восьми (10,1% от общего числа), в том числе два (2,5%) из них располагали доходами свыше 200 тыс. руб. (Минск – 355 606 руб., Вильна – 347 078, Ковно – 199 066, Гродно – 128 336, Брест-Литовск – 124 756, Динабург – 121 959, Витебск – 121 536, Могилев – 10 6918 руб.) [3, с. 4–7, 10–13, 18–19, 24–27]. На долю этих восьми городов приходилось 66,2% всей суммы доходов.

В два раза – до 24 (30,4%) – увеличилось количество городов с доходами от 10 до 100 тыс. руб., которые аккумулировали 26,3% общей суммы доходов. Большинство городов (их в 1892 г. стало 47, и они составили 59,5% от всей численности) по-прежнему обладали небольшими бюджетными средствами до 10 тыс. руб. На их долю приходилось 7,5% всей суммы доходов.

В сроки, которые определяли сами городские думы, управы составляли годовую смету (роспись) предстоящих городских доходов и расходов, которая рассматривалась и утверждалась думами. Затем смета в течение двух недель передавалась на рассмотрение губернатору. Точно так же в сроки, установленные думами, управы составляли годовые финансовые отчеты, которые затем рассматривались и утверждались думами, а после передавались губернатору [4, с. 274–281].

В российской отчетной статистике вплоть до 1898 г. все городские доходы подразделялись на «обыкновенные» и «чрезвычайные».

«Обыкновенные» доходы состояли из поступлений от городских недвижимых имуществ и оброчных статей, оценочного сбора с недвижимых имуществ. Оценочный налог взимался со всей недвижимости. От него освобождались только имущества, принадлежавшие царскому двору, здания казенных, учебных и благотворительных учреждений, бездоходные имущества духовного ведомства, земли и сооружения железных дорог. Оценочный сбор не мог превышать 1% от стоимости или 10% чистого дохода от недвижимого имущества. Размер налога в этих пределах устанавливали сами городские думы [4, с. 216–223]. Основными торгово-промышленными налогами в пользу города были сборы с торгово-промышленных документов, дававших право заниматься торгово-промышленной деятельностью, и трактирных заведений (к которым были отнесены заведения общественного питания, в том числе постоянные дворы, съестные лавочки и пр.). Размер сбора с документов в пользу города определялся думой в процентах от их стоимости (от суммы, уплачиваемой за эти документы в доход государства) [4, с. 216–223].

Также в группу «обыкновенных» доходов входил ряд других сборов: «за проход и проезд по городским сооружениям и за стоянку судов», «с извозного и перевозного промыслов», «с лошадей, экипажей, содержимых частными лицами», «с собак», «с засвидетельствования, протеста и представления ко взысканию разных актов», «с клеймения мер и весов», «с аукционных продаж движимого имущества», «с привозимых в город и отвозимых из него товаров». Кроме того, сюда входили еще «мелочные и

случайные» доходы, недифференцированные в отчетах.

Важным источником поступлений были недвижимые городские имущества, принадлежавшие городу. Прежде всего, это внутригородская земля, находившаяся в собственности города, а также различные здания и сооружения, которые сдавались арендаторам за соответствующую плату.

К «чрезвычайным» доходам относились поступления «из недоимок» прошлых лет, «из городских капиталов», «прибыль от городских банков», «пособие от казны» и «пособие из местных земских сборов», а также «из других источников».

В 1875 г. на «обыкновенные» доходы приходилось 76,4%, на «чрезвычайные» – 23,6% всей суммы поступлений в бюджет (подсчитано по табл. 2).

В первой группе доходов городские недвижимые имущества и оброчные статьи (сюда включены статьи доходов с городских недвижимых имуществ и оброчных статей, за проезд по городским сооружениям и за стоянку судов) приносили 40,7%.

Различные налоговые сборы давали 58,1%, в том числе торгово-промышленные сборы (сюда включены статьи доходов: с документов на право производства торговли и промыслов, с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавок, с извозного и перевозного промыслов, с привозимых в город и отвозимых из него товаров) – 26%; оценочный сбор с недвижимых имуществ – 9,2%; прочие пошленные сборы (сюда включены статьи доходов с засвидетельствования, протеста и представления ко взысканию разных актов, с клеймения мер и весов, с аукционных продаж движимого имущества, с лошадей, экипажей, содержимых частными лицами, с собак) – 22,8%; незначительными были «мелочные и случайные» доходы – всего 1,3%.

В группе «чрезвычайных» доходов из недоимок прошлых лет поступало 49,6%, из городских капиталов – 7,8%, прибылей от городских банков не было. Пособие от казны составляло – 4,5%, «из местных земских сборов» – 0,5%. Существенную часть составляли доходы «из других источников» – 37,6%, но они, к сожалению, в отчетах не расшифрованы.

Таблица 2

Доходы городов Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской губерний в 1875 и 1892 гг.

Статья дохода	1875 г.	1892 г.
	Сумма, руб.	Сумма, руб.
Доходы обыкновенные		
С городских недвижимых имуществ и оброчных статей	179 723	584 721
За проход и проезд по городским сооружениям и за стоянку судов	169	23 993
Оценочного сбора с недвижимых имуществ	40 809	379 506
С документов на право производства торговли и промыслов	109 545	181 126
С трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавок	4 640	133 143
С извозного и перевозного промыслов	895	25 014
С лошадей, экипажей, содержимых частными лицами	441	559
С собак	0	78
С засвидетельствования, протеста и представления ко взысканию разных актов	100 407	61 138
С клеймения мер и весов	192	1 178
С аукционных продаж движимого имущества	0	1 847
С привозимых в город и отвозимых из него товаров	0	20 501
Мелочные и случайные	5 578	50 510
<i>Итого доходов обыкновенных</i>	<i>442 399</i>	<i>1 463 314</i>
Доходы чрезвычайные		
Из недоимок	67 832	107 466
Из городских капиталов	10 668	40 250
Прибылей от городских банков	0	7 077
Пособие от казны	6 171	313 313
Пособие из местных земских сборов	680	5 595
Из других источников	51 516	335 785
<i>Итого доходов чрезвычайных</i>	<i>136 867</i>	<i>809 486</i>
<i>Всего доходов</i>	<i>579 266</i>	<i>2 272 800</i>

Примечание. Составлено по источникам: [2, с. 4–7, 10–13, 18–19, 24–27; 3, с. 4–7, 10–13, 18–19, 24–27].

Анализ удельного веса как «обыкновенных», так и «чрезвычайных» доходов во всей сумме поступлений в городской бюджет показывает, что главное место принадлежало поступлениям с городского недвижимого имущества и оброчных статей – 31,1%, оценочный сбор с недвижимого имущества составлял 7%, торгово-промышленные сборы – 19,9, остальные пошлинные сборы – 17,4%.

В 1892 г. на «обыкновенные» доходы приходилось 64,4%, на «чрезвычайные» – 35,6% всей суммы поступлений в бюджет.

В первой группе доходов городские недвижимые имущества и оброчные статьи вместе со сборами за проход и проезд по городским сооружениям и за стоянку судов приносили суммарно 41,6%. Различные налоговые сборы давали 54,9% в том числе торгово-промышленные сборы – 24,6% оценочный сбор с недвижимых имуществ – 25,9%. Прочие пошлинные сборы дали 6,1%, незначительную часть составляли «мелочные и случайные» доходы – всего 3,5%.

В группе «чрезвычайных» доходов существенная их часть (41,5%), к сожалению, оставалась в отчетах нерасшифрованной. Остальные статьи доходов были следующими: из недоимок прошлых лет поступало 13,3%, из городских капиталов – 5%, прибыли от городских банков были несущественны – 0,9%. Значительное место занимали пособия от казны – 38,7%, поступления «из местных земских сборов» – 0,7%.

Анализ удельного веса как «обыкновенных», так и «чрезвычайных» доходов во всей сумме поступлений в городской бюджет показывает, что главное место принадлежало поступлениям с городского недвижимого имущества и оброчных статей – 25,7%, оценочный сбор с недвижимого имущества составлял 16,7%, торгово-промышленные сборы – 15,8%. За рассматриваемый период тенденция к повышению доходов наблюдалась у большинства статей городского бюджета.

С 1875 по 1892 г. один из важных источников дохода – налог с городской недвижимой собственности – увеличился в 3,4 раза, хотя его удельный вес несколько снизился – с 31,1 до 26,8%. Значительно увеличились поступления от оценочного сбора – более чем в 9 раз, а их удельный вес вырос с 7 до 16,7%. Поступления от торгово-промышленных сборов увеличились в 3,1 раза, хотя их удельный вес сократился с 19,9 до 15,8%. Колоссальный рост дали поступления из казны – более чем в 50 раз (!), предназначенные для компенсации расходов городов по расквартированию войск. Их удельный вес увеличился с 1,1 до 13,8%. Также увеличились доходы по статье «из других источников» – в 6,5 раза, а их удельный вес с 8,9 до 14,8%. Но, как

уже было отмечено выше, этот вид поступлений в «Отчетах» не дифференцируется.

В соответствии с Городовым положением 1870 г. на города был возложен ряд обязательных расходов: содержание городского общественного управления, содержание городских общественных зданий и памятников, выплата по городским займам и обязательствам, выплаты пособий на содержание учебных, благотворительных и иных «общепользовательных» заведений, принадлежащих различным учреждениям, выплата пособия государственному казначейству, выполнение воинского постоя и «других воинских повинностей», на отопление и освещение тюрем, содержание полиции, содержание пожарных служб, благоустройство города, в том числе содержание «улиц, площадей, дорог, бечевников, мостов, тротуаров, переправ, бульваров, садов, каналов, водопроводов, сточных труб, прудов, канав, протоков и гатей, а также городское освещение», на содержание городских свалок. Только после выполнения всех вышеперечисленных обязательных расходов городские средства могли быть направлены и на решение других вопросов города и его жителей [4, с. 249–272].

В 1875 г. общая сумма расходов 79 городов Виленской, Витебской, Гродненской Минской и Могилевской губерний составила 543 423 руб. Более всего (около 24,0%) городских средств шло на содержание правительственных учреждений: пособие казне – 0,8%, полицию (содержание чинов городской полиции, вещественное довольствие городской полицейской команды, устройство и наем помещения для городского полицейского управления с отоплением и освещением) – 20%, освещение и отопление тюрем – 1,7% выполнение воинской повинности (отправление воинского постоя и других воинских потребностей) – 1,6% (подсчитано по табл. 3). Вместе с затратами на пожарную службу (содержание пожарной команды, вещественное довольствие пожарной команды, содержание общественной пожарной команды, устройство и наем помещения для пожарной команды с отоплением и освещением) – 20,3% с учетом недифференцированных расходов на полицию и пожарную команду (квартирные деньги чинам полиции и пожарной команды, пользование в больницах чинов городской полицейской и пожарной команды) (0,5%) эти расходы возрастут до 44,8%. На содержание органов общественного управления (содержание городского общественного управления, выдача пенсий, содержание помещения для городского общественного управления) уходило 24,9% всех средств, на «уплату по займам и другим обязательствам» – 2,4%. На содержание «городских

общественных зданий и памятников» было израсходовано 4,2%; на городское благоустройство, включавшее статьи «освещение города» и «содержание мостовых набережных, тротуаров и пр.» – 2,2%. На народное образование был затрачен 1%, на содержание благотворительных заведений и «других общепользовательных заведений» – 2,3%, «городового врача и других лиц медицинской службы» – 0,2%. На статью «прочие расходы на городские нужды» приходилось 18% всех расходов, однако говорить об их предназначении не представляется возможным, поскольку они не детализированы в источнике.

За 1875–1892 гг. расходная часть бюджета рассматриваемых городов выросла в 4,3 раза, составив в 1892 г. 2 329 038 руб. (табл. 3). К 1892 г. значительно – в 7,5 раза – увеличились расходы на содержание правительственных учреждений. Часть городских средств шла на пособие казне – (2,1%), полицию (15,4%), вы-

полнение воинской повинности (22,4%). Удельный вес ассигнований на эти цели увеличился с 24 до 41,9%.

Расходы на городское общественное управление также выросли – в 2,4 раза, но их удельный вес снизился с 24,9 до 13,8%. На общем фоне незначительно увеличились расходы на содержание пожарной службы – в 1,5 раза. Соответственно произошло и уменьшение удельного веса этих расходов – с 20,3% в 1875 г. до 7,3% в 1892 г. Расходы, связанные с содержанием городского имущества по статье «Общественные здания, памятники и другие городские имущества», увеличились в реальном выражении в 3,4 раза, хотя их удельный вес снизился с 4,2% в 1875 г. до 3,4% в 1892 г.

Почти в 12 раз в денежном выражении увеличились расходы на городское благоустройство. Хотя их удельный вес вырос с 2,2 до 6,0%, но по-прежнему они оставались незначительной статьёй городских расходов.

Таблица 3

Расходы городов Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской губерний в 1875 и 1892 гг.

Статья расходов	1875 г.	1892 г.
	Сумма, руб.	Сумма, руб.
Содержание городского общественного управления	130 393	296 306
Содержание городских общественных зданий и памятников	22 846	78 534
Уплата суммы по городским займам и обязательствам	13 156	185 835
Выдача пенсий	68	4 383
Содержание учебных заведений	5 232	52 463
Содержание благотворительных заведений	10 897	20 745
Содержание других общепользовательных заведений	1 777	16 577
Пособие казне	4 450	48 774
Отправление воинского постоя и других воинских потребностей	8 658	522 673
Отопление и освещение тюрем	9 122	44 923
Содержание городского врача и других лиц медицинской службы	1 135	22 540
Содержание чинов городской полиции	94 795	326 222
Содержание пожарной команды	93 859	138 590
Квартирные деньги чинам полиции и пожарной команды	2 245	27 626
Вещественное довольствие городской полицейской команды	6 486	20 003
Вещественное довольствие городской пожарной команды	11 052	4 833
Пользование в больницах чинов городской полицейской и пожарной команды	556	2 319
Содержание общественной пожарной команды	522	9 924
Содержание помещения для городского общественного управления	4 616	19 662
Устройство и наем помещения для городского полицейского управления с отоплением и освещением	7 156	12 482
Устройство и наем помещения для пожарной команды с отоплением и освещением	4 788	15 511
Содержание и устройство мостовых	3 773	81 963
Освещение города	8 267	58 243
<i>Итого</i>	<i>445 849</i>	<i>2 011 131</i>
Расходы на предметы, относящиеся к пользам города, но не вошедшие в предыдущие графы, по строительной части и другим городским надобностям	97 574	317 907
<i>Всего расходов</i>	<i>543 423</i>	<i>2 329 038</i>

Примечание. Составлено по источникам: [2, с. 64–67, 70–73, 78–79, 84–87; 3, с. 66–69, 72–75, 80–81, 86–89].

Увеличились так называемые «необязательные расходы». Расходы на народное образование выросли в 10 раз, а их удельный вес с 1 до 2,3%; на благотворительные и «другие общепользные заведения» – в 2,9 раза, удельный вес снизился с 2,3 до 1,6%. Существенно выросли медико-санитарные расходы, куда были отнесены выплаты на «Содержание городского врача и других лиц медицинской службы» – почти в 20 раз, а удельный вес возрос с 0,2 до 1%. Выплаты по займам и долговым обязательствам увеличились в 14 раз, а удельный вес вырос с 2,4 до 8%.

Увеличилась недифференцированная сумма расходов под рубрикой «Расходы на предметы, относящиеся к пользам города, но не вошедшие в предыдущие графы, по строительной части и другим городским надобностям» в 3,3 раза и составила довольно существенную часть городских расходов (18% в 1875 г. и 13,6% в 1892 г.).

Заключение. Таким образом, главными источниками поступлений являлись городское имущество и различные налоговые сборы, основными из которых были оценочный сбор с недвижимых имуществ и различные торгово-промышленные сборы. К 1892 г. существенную роль стало играть пособие из казны. Тенденцию к значительному росту показали все доходные статьи, и прежде всего две из них – оценочный сбор с недвижимых имуществ и пособие из казны. Главными статьями расходов были немунципальные выплаты на содержание правительственных учреждений, и прежде всего выполнение воинской квартирной повинности. Наибольший рост показали расходы на решение непосредственно городских проблем – благоустройство городских улиц и площадей, а также медико-санитарные нужды. Это, несомненно, было существенным моментом в развитии бюджетной политики городов. Однако в общей сумме бюджета эти расходы были мизерными.

Литература

1. Воронич Т. В. Бюджеты губернских городов Беларуси на рубеже XIX–XX вв. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Вып. 18. В 3 ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2018. С. 70–78.
2. Отчет о денежных оборотах городских касс за 1875 год. Издание Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1887. 158, 8 с.
3. Отчет о денежных оборотах городских касс за 1892 год. Издание Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1894. 178 с.
4. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М. И. Мыш; изд. 6-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1885. [2], X, 694 с.

Reference

1. Voronich T. V. The budgets of the provincial cities of Belarus at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. Istoricheskiye i psikhologo-pedagogicheskkiye nauki: sbornik nauchnykh statey* [Proceedings of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences: Collection of scientific articles], 2018, issue 18, part 1, pp. 70–78 (In Russian).
2. *Otchet o denezhnykh oborotakh gorodskikh kass za 1875 god. Izdaniye Khozyaystvennogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del* [Report on the cash turnover of city offices for 1875. The publication of the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1887. 158, 8 p.
3. *Otchet o denezhnykh oborotakh gorodskikh kass za 1892 god. Izdaniye Khozyaystvennogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del* [Report on the cash turnover of city offices for 1892. The publication of the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1894. 178 p.
4. *Gorodovoye polozheniye so vseimi odnosyashchimisya k nemu uzakoneniyaми, sudebnymi i pravitel'stvennymi raz'yasneniyami* [The city regulations with all the related legitimation, judicial and governmental explanations]. Compiled by M. I. Mysh. St. Petersburg, Tipografiya N. A. Lebedeva Publ., 1885. [2], X, 694 p.

Информация об авторе

Воронич Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: vtv1@mail.ru

Information about the author

Voronich Tatyana Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic History. Belarusian State Economic University (26, Partizansky Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vtv1@mail.ru

Поступила 28.02.2019

УДК 37.091.12«18/19»(476)

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В статье рассматривается учебно-методическая деятельность учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., представляющая собой комплекс мероприятий, которые проводили руководство учебного заведения, инспекторы, учителя и их помощники, а также классные надзиратели по организации учебно-воспитательного процесса. Организационно-методическая деятельность подразумевала овладение учителями необходимыми методами и приемами учебно-воспитательной работы, их эффективное и творческое применение во время занятий и во внеклассной работе. Поднимается проблема кадрового обеспечения учебных заведений компетентными, профессионально подготовленными и опытными учителями.

Ключевые слова: учитель, учебное заведение, учебно-воспитательный процесс, учебно-методическая деятельность, педагогический совет.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**EDUCATIONAL-METHODICAL ACTIVITY OF TEACHERS OF BELARUS
IN THE SECOND HALF OF 19 – EARLY 20 CENTURY**

The article deals with the educational and methodical activity of teachers of Belarus in the second half of the 19 – early 20 century. It was a set of activities carried out by the management of the educational institution, inspectors, teachers and their assistants, as well as class supervisors for the organization of the educational process. Organizational and methodical activity meant mastering by teachers the necessary methods and techniques of educational work, their effective and creative application during classes and in extracurricular activities. The problem of staffing of educational institutions with competent, professionally trained and experienced teachers is raised.

Key words: teacher, educational institution, educational process, educational and methodical activity, pedagogical Council.

Введение. Учебно-методическая работа являлась и является основным видом образовательной деятельности педагогов в системе школьного воспитания. В качестве важных задач в данном направлении применительно ко второй половине XIX – началу XX в. можно назвать организацию повышения квалификации и профессиональной подготовки учителей через оказание практической помощи со стороны руководства учебных заведений и более опытных «учащих», распространение передового педагогического опыта, работу педагогических советов, взаимопосещение учебных занятий, открытие педагогических библиотек, организацию учительских курсов и съездов и т. д. Важную роль в этом процессе играла собственная активность учителя, его установка на непрерывное самообразование, знакомство с новинками учебно-методической литературы, образовательные экскурсии и т. д.

Основная часть. Согласно уставам, педагогические коллективы средних учебных заведений состояли из директоров мужских гимназий (прогимназий) и реальных училищ, начальниц женских гимназий (прогимназий), инспекторов,

учителей-предметников, классных наставников или классных дам. Обязанность директора заключалась в надзоре за ходом учебно-воспитательного процесса, хозяйственной частью, а также за точным исполнением всех постановлений и распоряжений учебного начальства. Инспектор являлся помощником директора по учебной и воспитательной части.

Помимо преподавания учебных предметов, учителя проводили большую учебно-организационную и воспитательную работу. Уставы средних учебных заведений допускали некоторую самостоятельность в работе педагогических коллективов и предоставляли возможность для участия в подготовке программ, учебных пособий, разработке различных правил и инструкций. Для всестороннего обсуждения учебно-воспитательных вопросов раз в месяц собирался педагогический совет. В его состав входили директор (начальница), инспектор, законоучитель, все штатные и сверхштатные преподаватели наук, надзиратели, причем все они пользовались правом голоса, а решение принималось большинством голосов. Так, в 1886 г. в Могилевском Александровском реальном училище

состоялось 30 заседаний педагогического совета, 10 заседаний классных комиссий и 4 заседания предметных комиссий. Важнейшими вопросами являлись: прием и увольнение учеников, их успеваемость и поведение, обсуждение программ преподавания и учебников, успеваемости, приемных и переводных испытаний, распределение уроков по дням недели, выписка книг для библиотеки и др. Классные и предметные комиссии занимались в основном анализом письменных работ учащихся и выставлением четвертных и итоговых отметок [1, л. 23–24]. В Быховской мужской гимназии в 1916 г. было проведено 24 заседания педагогического совета, на которых также обсуждались способы проверки знаний учащихся, меры по повышению «успешности учащихся», а также устройство литературно-вокальных вечеров, проведение бесед и «доставление разумных развлечений» [2, л. 8].

Министр народного просвещения в 1894 г. подчеркивал: «Образовательная задача средней школы заключается не столько в знании, сколько в понимании: преподавание должно не столько сообщать знания и умения, но и развивать в молодых людях способность соответствующего их возрасту мышления... ясный, верно действующий ум, правильное и здравое суждение. Иначе это было бы не образование, а простая механическая выучка» [3, л. 63]. Современники же отмечали, что на первых порах педагог «учит так, как его самого учили. Хорошо, если были у него учителя опытные, достойные подражания». Они «по большей части самоучки в деле преподавания, отчего, без сомнения, терпит школа... Самообразование же, при ежедневном тяжелом труде, большинству не по силам, вследствие чего в нашей школе постоянно замечается недостаток метода и последовательности в преподавании. Пополнение этого пробела нашей учебной организации составляет жгучую потребность нашего времени, так как без учителей, хорошо педагогически подготовленных, никакое серьезное улучшение учебного строя немыслимо» [4, с. 69].

В то время широко были распространены «классические» – репродуктивные методы обучения, когда учебная деятельность строилась на точном воспроизведении сообщаемых учащимся знаний и повторении показанной последовательности практических действий (например, метод Грубе – начальное обучение счету на предметах, буквослагательный метод обучения грамоте и др.). В этом случае учителем давались конкретные инструкции, демонстрировались алгоритмы решения заданий и требовалось неукоснительное им следование при выполнении различных примеров и задач.

Формально каждый вопрос предполагал готовый ответ, стандартизацию и однотипность мышления учеников. Сам процесс обучения можно было легко свести к запоминанию уже готовых образцов и неосмысленной механической зубрежке, которой было чуждо творческое начало, исследовательская деятельность учащихся. Чертами гимназического преподавания назывались формализм, книжность и зубрежка, причем «система зубрежки отнимала у ученика последний остаток жизненности, лишала учение всякой осмысленности», являлась процессом «скучным и отупляющим» [5, с. 120]. Со второй же стороны, в тех условиях учитель понимал, что «безопаснее всего шаблонная золотая середина, умеренность и аккуратность», и поэтому «старательно вытравлял из своих учеников всякую оригинальность, которую он в большинстве случаев не умел даже понять и оценить» [6, с. 117].

На рубеже XIX–XX вв. прогрессивные педагоги ставили вопрос о радикальном переосмотре всех сторон деятельности школы, в первую очередь, структуры и содержания образования. Поднимался вопрос о формах и методах обучения, которые были бы направлены на формирование личности обучаемого: исключали бы пассивность и переутомляемость учащихся, стимулировали их познавательную активность и креативное мышление (арифметические упражнения на счетах, объяснительное чтение, звуковой метод обучения грамоте, эвристические методы в физике, химии и др.). Обсуждался вопрос распространения передового опыта, новой педагогической и методической литературы, образовательных экскурсий педагогов в страны, достигшие в сфере народного образования серьезных результатов (Германия, Швейцария, Англия и др.).

В Беларуси большое внимание на образовательную политику оказывали политические причины. Под строгим контролем находилось содержание образования – учебные программы требовали «неукоснительно следовать» им во время учебных занятий. Циркуляр от 29 декабря 1864 г. вводил в обязанность начальникам (директорам) гимназий и инспекторам «иметь бдительный надзор за преподаванием учителей», а заметив «вредное направление лекций», немедленно доводить о том до сведения начальства. В циркулярном предложении Главного управляющего IV Отделением собственной его императорского величества канцелярии от 24 декабря 1864 г. подчеркивалось: «кто позволит себе напечатать статью, направленную против наших заведений, будет немедленно уволен от службы». В каждом отдельном случае было предложено учителям с предложениями

о совершенствовании учебно-воспитательного процесса лично или в письменном виде обращаться к своему непосредственному начальству [7, л. 4, 9].

Передовая общественность часто критиковала учебные программы гимназий за их узорность, устарелость и оторванность от жизни. Современники отмечали, что «правительство, желая предупредить направление воспитания в духе современных идей, замкнуло гимназическое преподавание в тесные рамки сухих учебников, сделало его механическим, формальным делом одной памяти, исключив из него совершенно участие мыслящей способности личности» [8, с 262]. Эту проблему обсуждали на совещании в апреле 1907 г. директора и наставники учительских семинарий Виленского округа. Устаревшими были признаны учебные программы этих заведений и многочисленные правила. Поднимались вопросы введения четырехгодичного курса обучения, увеличения числа недельных уроков и др. В конце 1913 г. было проведено и совещание в Дирекции народных училищ Могилевской губернии, на котором поднимались вопросы кадрового обеспечения учебных заведений, командировок «учащих» на педагогические и общеобразовательные курсы «в целях расширения общеобразовательной подготовки и приобретения методических знаний», оборудования «хороших учительских библиотек» и др. Все чаще звучали голоса о реформировании существующей системы образования в сторону ее преумножения, чтобы «для всех учащихся имелась возможность прямого перехода из низшей школы в более высшую, до университета и других высших специальных заведений включительно» [9, с. 210].

Прогрессивные педагоги пытались сделать уроки более интересными, современными, насыщенными дополнительным информационно-познавательным материалом. Такие стремления всегда вызывали настороженность у учебного начальства, особенно если они предпринимались неопытными учителями. Так, в 1914 г. попечитель Виленского учебного округа отмечал, что такое стремление расширить рамки программ было характерно для молодых преподавателей, недавних выпускников высших учебных заведений, которые находились «под свежим впечатлением широты и полноты университетских курсов» и стремились значительно «подтянуть» знания учащихся за счет дополнительной, порой трудно усваиваемой информации в ущерб «твердости и основательности изучения того, что предписано» [10, л. 46].

Опытные учителя скептически относились к утвержденным учебникам и пособиям, по которым приходилось учить детей. Очень часто под

прицел критики попадали учебники истории, которые или «усердно гонялись за голым перечислением мельчайших фактов», или слишком много внимания уделяли «общим выводам и философским точкам зрения на значение различных исторических событий и эпох» в ущерб «необходимого и плодотворного воспитательного элемента» [11, с. 90]. Так, в архиве сохранился рапорт учительницы истории Т. С. Пиучевской на имя начальника Витебской Алексеевской женской гимназии. Педагог находила учебник по древней истории автора Иловайского «неудовлетворительным ввиду того, что в нем слишком мало связи между фактами и главнейшие события не выдвигаются и тонут среди второстепенных, изложение сухое и тяжелое для усвоения». Она просила разрешить использовать в учебном процессе с начала 1910 учебного года учебник Иванова [12, л. 1].

Директор этой же гимназии Тихомиров К. И. в своих отчетах отмечал, что общим недостатком в процессе преподавания истории является отсутствие хороших наглядных пособий, которые помогли бы учащимся «усвоить бытовую обстановку исторических событий и проникнуться ее духом». Некоторые экземпляры «лучших изданий» были приобретены, но в незначительном количестве. Поэтому, как отмечал К. И. Тихомиров, преподавание выше упомянутой г-жи Пиучевской в основном носило характер книжно-теоретический. Преподаватель же истории Леонардов обладал не только «обширными познаниями по этому предмету», но и «даром образной речи», что придавало несомненный интерес его урокам. «Отсутствие наглядных пособий и общепринятые приемы преподавания... (словесно-книжные)» еще более негативно сказывались на преподавании географии и могли сделать ее «трудным, скучным и неинтересным предметом». Но благодаря усердию учительницы Забавской этот предмет остался «живым и увлекательным»: она практиковала изучение сравнительной географии России и европейских государств. Еще и «ничтожность учебных часов» не лучшим образом влияла на эффективность преподавания естествоведения и космографии [13, л. 8].

Решения «изъять из обращения» во всех учебных заведениях то или иное учебное издание по разным причинам принимало и руководство Виленского учебного округа. Такая участь постигла составленный О. Кляссом учебник французского языка «Le petit Francais» (8-е издание, 1909 г.), так как «на странице 75 помещен рисунок, совершенно недопустимый для книг, обращающихся в школе, и притом указанное издание не принадлежит к числу одобренных МНП» [14, л. 4]. Регулярно издавались

циркуляры Попечителя округа о выписке учебных пособий. В архиве сохранился список 125 «произведений печати», которые на основании высочайшего повеления 5 января 1884 г. не должны быть допущенными к обращению в публичных библиотеках, включая библиотеки учебных заведений (труды Добролюбова Н. А., Жуковского Ю. Г., Левитова А. И., Маркса К., Михайлова А., Смитта А., Сеченова И. М., Чернышевского Н. Г. и др.). Под запрет попала и периодика: «Дело», «Знание», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Современник», «Слово» и др. [15, л. 64–71].

В январе 1894 г. проводилась ревизия Бобруйской прогимназии, итоги которой «установили отрядный факт», что педагоги, «сохраняя между собой полное согласие и солидарность, дружно стремятся к осуществлению школьных задач и достигают в этом отношении вполне удовлетворительных результатов». Подчеркивалось также внимательное и серьезное отношение «учащих» к порученному делу, их ответственность и исполнительность [16, л. 39]. В 1911 г. директор Полоцкой женской гимназии Еленев А. С. отмечал, что руководил работой слаженного коллектива. «Трудолюбием, аккуратностью и пунктуальностью во всех делах» отличалась работа в гимназии преподавательницы географии и космографии В. Морель, которая, «достигнув обширных познаний» в своем предмете, смогла заслужить не только высокую оценку и авторитет среди подопечных, но и так заинтересовать учениц 8-го педагогического класса, что более половины из них «избрали своей специальностью географию» [17, л. 1–2]. Высокая оценка педагогической деятельности была дана учительнице истории и географии Могилевской частной гимназии Узне М. А., которая «исполняла свои обязанности с совершенно добросовестностью, вполне аккуратно и ревностно... толково и вразумительно», внимательно и уважительно относилась к ученицам, вследствие чего достигла желаемых результатов [18, л. 3]. В Виленской второй гимназии преподаватель немецкого языка О. Ф. Кюн, заметив значительную разницу «в степени познания» учеников и большую численность класса (53 чел.), «для достижения возможно лучших результатов в преподавании» попросил разделить этот класс на 2 отделения, причем «труд преподавания в параллельном отделении преподаватель принял на себя безвозмездно, хотя при этом прибавилось 3 урока в неделю» [19, с. 25]. Несколько по-иному в «Деле о службе» охарактеризован преподаватель математики Пиккель Э. Э., который работал в Мозырской и Брестской гимназиях. Подчеркивалось, что он человек порядочный, подготовленный, исправно

и добросовестно относился к своим служебным обязанностям. Вместе с тем, классные занятия «хотя происходят правильно, но особым оживлением и подъемом не отличаются вследствие некоторой медлительности в его характере и способе преподавания. Широкого математического и, вообще, научного развития учащимся Э. Э. Пиккель дать не может» [20, л. 31].

Важным направлением учебно-методической деятельности являлось создание необходимой материально-технической базы учебных заведений. Практически всегда весьма скудной она была в начальных народных училищах. Количество и перечень наглядных пособий был примерно таким же, как и в Городецком народном училище Могилевской губернии: счеты, карта европейской России (старая) и Палестины, кое-какие пособия для изучения Закона Божьего, 1 глобус и разрезная азбука. В жалком состоянии находилась школьная библиотека [21, л. 2]. Ситуация изменяется в начале XX в., когда заметно пополняются фонды библиотек необходимой литературой и пособиями. Так, к 1 января 1915 г. в Минской мужской гимназии в фундаментальной библиотеке насчитывалось 4955 названий книг, периодических изданий и брошюр в 11 020 томах. В ученической библиотеке было 2776 названий книг в 5002 томах. Значительно пополнился физический кабинет, который полностью «удовлетворял потребностям преподавания физики». В естественно-историческом кабинете хранились коллекция минералов, ботаническая коллекция и необходимые для преподавания картины [22, л. 94–97]. Во всех губернских и некоторых уездных городах открываются центральные учительские библиотеки, создаются педагогические музеи наглядных пособий. Первый из них появился в 1903 г. при управлении Виленского учебного округа и состоял из собраний учебных пособий и коллекций для наглядного преподавания всех предметов начальной и средней школы. Позже такие музеи открылись при учительских семинариях, дирекциях народных училищ и Минских педагогических курсах.

Преподаватели активно включились в работу по подготовке учебной литературы. В конце XIX в. учителями народных училищ в типографиях белорусских городов было опубликовано 56 книг по математике, которые неоднократно переиздавались. Известными авторами учебных пособий по математике были А. К. Жбиковский, учитель Минской гимназии, и Б. П. Чиханов, директор Минского коммерческого училища. Научно-педагогическое наследие учителей Витебской гимназии представлено разработанными курсами и программами по естествоведению (И. Ф. Иваницкий), учебниками по географии (Ф. Л. Брамсон),

работами по учебному краеведению (А. П. Сапунов) и др. Инспектор Игуменского городского училища И. Романовский подготовил учебное пособие «Синтаксис русского языка». Попечитель Виленского учебного округа разрешил выдать автору 100 руб. «на покрытие расходов» по его опубликованию [23, л. 20].

Педагоги занимались самообразованием, искали различные способы совершенствования педагогического мастерства. Большой интерес вызывали научные и педагогические форумы. С 1861 по 1917 г. более чем 350 представителей Беларуси приняли участие в работе 22 российских педагогических и научных съездов и на некоторых из них выступали с докладами [24, л. 38–39]. В марте 1903 г. состоялся съезд преподавателей русского языка и истории средних учебных заведений Виленского учебного округа, на котором рассматривались различные вопросы учебно-методической деятельности, в том числе «устройства ученических библиотек» и организации внеклассного чтения, которое «увеличит продуктивность школьного образования, приучит юношей и девушек к вдумчивости, к уважению духовного творчества и стремлению совершенствоваться как в устном, так и письменном изложении своих мыслей» [25, л. 58]. В архивах сохранились отчеты о командировках. Так, 15 мая 1917 г. на заседании педа-

гогического совета Пинской женской гимназии были заслушаны доклады В. П. Никольского, учителя педагогики и методики русского языка, «О деятельности Всероссийского съезда преподавателей русского языка в средней школе 1916/17 уч. г.» и «О деятельности съезда деятелей средней школы, созванного в г. Москве 12–15 мая 1917 г.». Последний был призван решить вопрос «о реорганизации школы на демократических началах, продиктованных наступившим моментом в жизни русского государства» [26, л. 33, 48].

Заключение. Таким образом, было очевидно, что без обеспечения школы профессионально подготовленными кадрами серьезная реорганизация системы образования и прогресс невозможны. Постоянный контроль со стороны руководства сковывал творческую инициативу учителей, стремясь свести их деятельность к формальному выполнению функциональных обязанностей. Передовые «учащие» старались перенять опыт у своих коллег, занимались самообразованием, изучали новую методическую литературу, посещали учительские курсы и съезды, отправлялись на образовательные экскурсии. Некоторые, имея высокий уровень теоретический и методической подготовки, включались в научную деятельность, становились авторами учебных программ, курсов, учебников и учебных пособий.

Литература

1. НИАБ. Ф. 2268. Оп. 1. Д. 7.
2. НИАБ. Ф. 2416. Оп. 1. Д. 22.
3. НИАБ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 28.
4. Капнист П. А. К вопросу о реорганизации среднего образования. СПб.: Т-во худож. печ., 1901. 107 с.
5. Езерский Н. К вопросу о реформе гимназии // Русская школа. 1900. № 10. С. 116–149.
6. Головач П. Наши учителя, ученики и система // Русская школа. 1900. № 7/8. С. 110–124.
7. НИАБ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 1.
8. Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Тип. О. Богданова, 1912. 346 с.
9. Богомолов И. К вопросу о реформе городских, по положению 1872 года, училищ // Русская школа. 1902. № 1. С. 203–217.
10. НИАБ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 18.
11. Марков Е. Л. Грехи и нужды нашей средней школы. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900. 131 с.
12. НИАБ. Ф. 2604. Оп. 1. Д. 137.
13. НИАБ. Ф. 2604. Оп. 1. Д. 211.
14. НИАБ. Ф. 2604. Оп. 1. Д. 128.
15. НИАБ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 7.
16. НИАБ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 26.
17. НИАБ. Ф. 2416. Оп. 1. Д. 7.
18. НИАБ. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 1.
19. Двадцатипятилетие Виленской второй гимназии. 1873–1898. Историческая записка / сост. И. К. Бельковский. Вильна: Тип. окружного штаба, 1898. 179 с.
20. НИАБ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 68.
21. НИАБ. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 527.

22. НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 297.
23. НИАБ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 311.
24. Snapkoŭskaya S. V. Шляхі развіцця школы на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. Мінск: НІА, 1997. 41 с.
25. НИАБ. Ф. 2601. Оп. 1. Д. 40.
26. НИАБ. Ф. 729. Оп. 1. Д. 58.

References

1. NHAB. Fund 2268. I. 1. F. 7.
2. NHAB. Fund 2416. I. 1. F. 22.
3. NHAB. Fund 476. I. 1. F. 28.
4. Kapnist P. A. *K voprosu o reorganizatsii srednego obrazovaniya* [On the reorganization of secondary education]. St. Petersburg, T-vo khudozh. pech. Publ., 1907. 107 p.
5. Ezerskiy N. On the issue of gymnasium reform. *Russkaya shkola* [Russian school], 1900, no 10, pp. 116–149 (In Russian).
6. Golovach P. Our teachers, students and system. *Russkaya shkola* [Russian school], 1900, no 7/8, pp. 110–124 (In Russian).
7. NHAB. Fund 2263. I. 1. F. 1.
8. Aleshintsev I. A. *Istoriya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii (XVIII i XIX vek)* [The history of gymnasium education in Russia (XVIII and XIX century)]. St. Petersburg, Tip. O. Bogdanova Publ., 1912. 346 p.
9. Bogomolov I. To the question of the reform of urban schools on the 1872. *Russkaya shkola* – [Russian school], 1902, no 1, pp. 203–217 (In Russian).
10. NHAB. Fund 2262. I. 1. F. 18.
11. Markov E. L. *Grekh i nuzhdy nashey sredney shkoly* [The sins and needs of our high school]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1900. 131 p.
12. NHAB. Fund 2604. I. 1. F. 137.
13. NHAB. Fund 2604. I. 1. F. 211.
14. NHAB. Fund 2604. I. 1. F. 128.
15. NHAB. Fund 476. I. 1. F. 7.
16. NHAB. Fund 476. I. 1. F. 26.
17. NHAB. Fund 2416. I. 1. F. 7.
18. NHAB. Fund 2265. I. 1. F. 1.
19. *Dvadsatipyatiletie Vilenskoj vtoroj gimnazii. 1873–1898. Istoricheskaya zapiska* [Twenty-fifth anniversary of the Second Gymnasium in Vilna. 1873–1898. Historical note]. Compiled by I. K. Bel'kovskiy. Vilna, Tip. okružnogo shtaba Publ., 1898. 791 p.
20. NHAB. Fund 476. I. 1. F. 68.
21. NHAB. Fund 2254. I. 1. F. 527.
22. NHAB. Fund 466. I. 1. F. 297.
23. NHAB. Fund 486. I. 1. F. 311.
24. Snapkouskaya S. V. *Shlyakhi razvitsiya shkoly na Belarusi u kantsy XIX – pachatku XX st.* [Way school development in Belarus in the late XIX – early XX century]. Minsk, NIA Publ., 1997. 41 p.
25. NHAB. Fund 2601. I. 1. F. 40.
26. NHAB. Fund 729. I. 1. F. 58.

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Сverdlova, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 11.03.2019

УДК 338.439.053(476)«1916–1917»

М. Я. Сяменчык

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ВЫРАШЭННЕ ХАРЧОВАЙ ПРАБЛЕМЫ Ў БЕЛАРУСІ
Ў КАНЦЫ 1916 – ПАЧАТКУ 1917 Г.**

У артыкуле паказана становішча з забеспячэннем харчовымі прадуктамі салдат Дзеючай арміі і насельніцтва прыфрантавой Беларусі напярэдадні і ў пачатку Лютаўскай рэвалюцыі. Адзначана месца сельскагаспадарчых прадуктаў краю ў сістэме харчовага забеспячэння фронту і тылу да рэвалюцыі і пасля яе. Акрэслены сутнасць харчовай праблемы, спосабы і вынікі яе вырашэння. Сканцэнтравана ўвага на харчовай палітыцы дзяржаўных органаў і стаўленні да яе беларускага сялянства. Вызначаны тэндэнцыі ў справе забеспячэння сельскагаспадарчымі прадуктамі салдат Заходняга фронту да збору ўраджаю 1917 г.

Ключавыя словы: Беларусь, Заходні фронт, сельская гаспадарка, рэквізіцыя, харчовая праблема, харчовы камітэт, хлебная манаполія, цвёрды кошт.

M. Ya. Siamenchyk

Belarusian State Technological University

**ADDRESSING THE FOOD PROBLEM IN BELARUS
IN LATE 1916 – EARLY 1917**

The article dwells upon providing the combat armed forces and the population of Belarus' front-line areas with food products on the eve and at the beginning of the February revolution. The author describes the role of domestic agricultural products in the food security system of the front and the rear before and after the revolution. The essence of the food problem, the methods for its solving as well as the results of it are shown. The article focuses on the government's food policy and the Belarusian peasantry's attitude to it. Trends in supplying agricultural products to the Western Front soldiers before the 1917 are highlighted.

Key words: Belarus, Western front, agriculture, requisition, food problem, food committee, panary monopoly, fixed price.

Уводзіны. За апошнія дзесяцігоддзе колькасць публікацый, прысвечаных Беларусі часоў Першай сусветнай вайны, прыкметна павялічылася. Асноўная прычына гэтага нам бачыцца ў асэнсаванні сучаснымі даследчыкамі важнасці менавіта гэтага перыяду, у якім, акрамя іншага, выпявала беларуская дзяржаўнасць. А ці маглы яна існаваць на ўласным эканамічным грунце – аб тым варта пагаварыць асобна, узяўшы да разгляду важнейшае на той час харчовае пытанне. Існуючая на гэты конт літаратура, напісаная ў рэчышчы камуністычнай парадыгмы, называе яго невырашанасць адной з прычын рэвалюцыі, прычым як Лютаўскай, так і Кастрычніцкай. Наколькі справядлівыя такія палажэнні, можна пераканацца на прыкладзе разгляду становішча, якое склалася ў справе забеспячэння прадуктамі акупнікаў і жыхароў прыфрантавой Беларусі напрыканцы існавання царызму і ў пачатку Лютаўскай рэвалюцыі.

Асноўная частка. У планах расійскіх чыноўнікаў беларускія губерні ў харчовым апекце адносіліся да спажывецкіх, а не вытворчых. Па паведамленні земскай газеты, Магілёўшчына была жывёлагадоўчай і ніколі не была вытворцай хлеба [1]. Паводле слоў князя У. Друцкага-

Сакальнінскага, падначаленая яму губерня ў тры разы больш спажывала прадуктаў, чым стварала іх [2]. Віцебская губерня таксама не вызначалася высокай прадукцыйнасцю сваіх гаспадарак. Але аграрнае насельніцтва Беларусі прыцягвалася да абавязковых паставак ялавічыны, свініны, жыта, аўса, ячменю, бульбы і іншых прадуктаў, якіх і ў мірны час не заўсёды хапала для таго, каб насыціць мясцовы рынак.

Асноўныя функцыі па забеспячэнні акупнікаў хлебам, гароднінай, мясам і іншым былі ўскладзены на інтэнданцкія службы Заходняга (Снабзах) і Паўночнага (Снабпаўн) фронтоў, Дзвінскай і Мінскай ваенных акруг, камітэта Усерасійскага земскага саюза пры II арміі. Ім дапамагалі ўпаўнаважаныя асобы міністэрства земляробства па закупках хлеба для арміі і ўпаўнаважаныя Старшыні Асобай нарады па харчовай справе. Упаўнаважанымі азначаных устаноў з'яўляліся мясцовыя губернатары або старшыні губернскіх упраў.

Акрамя закупачных і рэквізіцыйных нарыхтовак, на адрас франтавікоў паступалі ахвяраванні прадуктаў ад сялян і памешчыкаў. У цэлым, армія не адчувала недахопу ў харчаванні.

Што датычыць гарадскіх і месчаквых жыхароў і бежанцаў, то іх харчовым забеспячэннем былі заняты адмысловыя харчовыя камісіі, складзеныя на базе органаў мясцовага самакіравання. Пераважна сельскагаспадарчы характар эканомікі Беларусі дазваляў вясковым жыхарам пераносіць ваеннае ліхалецце, тым не менш і яны маглі разлічваць на цэнтралізаванае забеспячэнне цукарам, чаем, пшанічнай мукой і іншымі прадуктамі, прывезенымі з паўднёвых губерняў імперыі.

Больш ці менш нармальнаму харчоваму становішчу ў Беларусі спрыяла адладжаная сістэма ўліку колькасці двароў у гарадах і колькасці гаспадарак у сельскай мясцовасці, наяўнасці пасяўных плошчаў, засеяных культур, іх прагназаванай ураджайнасці, сабранага ўраджаю і яго размеркавання.

Паводле сельскагаспадарчых перапісаў, ва ўсіх гаспадарках, незалежна ад іх прыналежнасці, было ўлічана пагалоўе коней, кароў, свіней і авечак. Адпаведна былі ўведзены нормы спажывання на аднаго едака і на ўтрыманне жоннай жывёліны. Сельскія гаспадары або гарадскія гандляры, якія валодалі прадуктамі, былі абавязаны паведаміць аб сваіх запасах харчовым камісіям. Тыя ж, хто ўхіляўся ад падачы звестак, рызыкаваў заплаціць штраф 3 тыс. руб. альбо трапіць у турму на 3 месяцы [3].

Нарміраванне ўладамі спажывання прадуктаў і таксама іх коштаў пэўным чынам спрыяла ашчаднаму выкарыстанню мясцовых рэсурсаў у агульных мэтах. Сяляне мелі магчымасць з выгодай для сябе прадаць сваёй прадукцыі. Так, па словах камандзіра харчовага транспарта грэнадзёрскага корпуса, жыхары вёсак Вялікая і Малая Ужанка, Круты Бераг і Вялікая Ліпа Гарадзейскай воласці прадалі яму «шмат рознага харчу па жahlіва высокаму кошту» [4, а. 9].

Прадуктовы дэфіцыт таксама не выключаў ўмоў для дзейнасці спекулянтаў, бо законы свабоднага рынку выяўляліся мацней, чым законы ваеннага часу. У прыватнасці, нягледзячы на пагрозу санкцый, уладальнікі прадуктаў не спяшаліся збываць іх у спадзяванні зрабіць гэта вясной, і не па фіксаваных («цвёрдых»), а па рынкавых коштах. У выніку асноўнай масе насельніцтва даводзілася чакаць, каб атаварыць свае прадуктовыя карткі. «Мы бачым мноства «хвастоў», – пісала 27 лютага 1917 г. газета «Мінскі голас» пра чэргі на гарадскіх вуліцах, – у якіх гадзінамі стаіць бедны клас для атрымання розных прадуктаў».

Ва ўмовах пагаршэння транспартных перавозак прадуктаў з вытворчых губерняў у спажывецкія вышэйшае чынавенства прыйшло да высновы аб неабходнасці ўпарадкавання харчовай

справы, бо існаваўшая сістэма нарыхтовак і продажу прадуктаў з-за іх дэфіцыту і дарагоўлі не выключала магчымасці ўзнікнення голаду і сацыяльнай напружанасці. З гэтай нагоды ў Мінскай губерні загадаў міністра земляробства А. Рытціха ад 29 лістапада 1916 г. было развёрстана (размеркавана па ўсіх гаспадарках для здачы) 450 000 пудоў жыта, у «запас для мясцовага насельніцтва на выпадак вострай патрэбы яго ў харчаванні». З сабраных у студзені 1917 г. 391 765 пудоў жыта на патрэбы фронту перадавалася 59 903 пуды, 247 874 пуды былі прададзены гарадскім управам і іншым установам, а астатняе жыта пакідалася ў запас [5, а. 2].

Такі расход збожжа, акрамя іншага, сведчыў аб добрай забяспечанасці ім вайскоўцаў. Рэквізіцыі буйнарагатай жывёлы, якія прайшлі ў 1916 г. у Магілёўскай і Мінскай губернях, далі фронту дастаткова мяса. У дадатак да ўсяго на пачатку 1917 г. па Беларусі адбыліся дабрачынныя зборы прадуктаў і іншых рэчаў на карысць акупнікаў, таму ўзнікшыя ў тыле харчовыя цяжкасці іх не закранулі.

3 снежня 1916 г. загадаў А. Рытціха ўводзілася так званая «харчовая павіннасць», сутнасць якой заключалася ў тым, што кожны хлеббароб або ўладальнік сельгаспрадукцыі быў абавязаны прадаць яе пэўную частку харчовай камісіі. Так, у Мінску 12 снежня на нарадзе з удзелам старшынь губернскай і павятовых земскіх упраў абыхалася развёрстка аўса па паветах. На 24 снежня 1916 г. прызначаліся валасныя сходы, каб размеркаваць пастаўкі аўса паміж сельскімі грамадствамі кожнай воласці. Да гэтага часу па заданні Упаўнаважанага па закупцы хлеба для арміі ў Віцебскай губерні па 17 валасцях Дрысенскага павета ўжо было развёрстана 27 035 пудоў аўса [6, а. 15].

У снежні 1916 г. мясцовыя органы ўлады атрымалі чарговы загад аб стварэнні запасаў жытнёвай мукі. Кожны павет Беларусі мусіў ссыпаць у грамадскія магазіны па 60–80 тыс. пудоў жыта.

Агульнарасійская нарада па харчовай справе прыняла пастанову аб увозе ў Мінскую губерню 500 000 пудоў аўса і да 100 000 пудоў ячменю, што, на думку губернатара У. Друцкага-Сакальнінскага, «у сукупнасці з пэўнымі запасамі, якія маюцца ў насельніцтва, задаволяць існуючыя патрэбы» [7, а. 8].

Усталяваная хлебная павіннасць распаўсюджвалася не толькі на арандараў, іспольшчыкаў, сялян і іншых уладальнікаў хлебных запасаў, але і на памешчыкаў. Так, 18 студзеня 1917 г. начальнік службы па нарыхтоўцы фуражу (Цэнтрафураж) князь Туманаў адаў загад губернам рэквізаваць у буйных землеўладальнікаў запасы аўса і здаць у бліжэйшыя

магазіны [8, а. 33]. Можна сцвярджаць, што ўлады аб'ектыўна ацэньвалі важнасць харчовай праблемы і падпрымалі адэкватныя захады па яе вырашэнні.

Як і чакалася, да канца зімы 1917 г. харчовая праблема ў гарадах Беларусі абвастралася, бо колькасць тэлеграм з паведаў і валасцей на адрас губернатараў з просьбай аб пастаўках прадуктаў рэзка павялічылася. У самім Мінску сітуацыя была не лепшай, бо па прычыне поўнага перапынення даставак жыта з ураджайных паведаў губерні, а таксама з-за скарачэння яе падвозу з паўднёвых рэгіёнаў краіны мука пераўзышла цвёрды кошт удвая і нават утрая. Але ні ваенныя, ні цывільныя ўлады не рабілі спроб узяць пад кантроль гандлёвыя здзелкі, звязаныя з харчовымі прадуктамі, фуражом, і гэтым з выгодай для сябе карысталіся іх гандляры.

Наогул, насельніцтва Беларусі, галоўным чынам гарадское, адчувала часовы недахоп прадуктаў, звязаны з іх дэфіцытам, дарагоўляй, парушэннем графіка цэнтралізаванага падвозу, карыслівай дзейнасцю гандляроў і іншымі прычынамі. На выпадак крызіснага пагаршэння харчовага становішча маглі быць выкарыстаны значныя запасы збожжа, размешчанага ў грамадскіх магазінах. Але па практыцы папярэдніх гадоў гэта былі часовыя цяжкасці, уласцівыя ваенным абставінам, і асаблівага непакою ў жыхароў і ўлад не выклікалі.

У той самы час у Петраградзе абвастрэнне харчовай праблемы залічылася да палітычнага крызісу. Дакладней скажаць, гіпербалізаваныя чуткі аб ёй былі выкарыстаны экстрэмісцкімі элементамі ва антыўрадавых мэтах. Але гарадскія ўлады не адчувалі небяспекі і імкнуліся пераканаць удзельнікаў хваляванняў у тым, быццам «Петраград забяспечаны хлебам. Апасенні пра недахоп хлеба беспадстаўныя» [9]. Як высветлілася пазней, чуткі пра пагрозу голаду былі значна перабольшаны, але лідары Дзяржаўнай думы, атрымаўшы вярхоўную ўладу, скарысталі іх для таго, каб прадухіліць распаўсюданне рэвалюцыйнай стыхіі па ўсёй краіне. З гэтай нагоды яны сканцэнтравалі ўвагу грамадскасці на небяспецы масавага голаду.

3 сакавіка 1917 г. старшыня Дзяржаўнай думы і Выканкам Петраградскага Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў заклікалі грамадзян Расіі, земляробаў, гандляроў, чыгуначнікаў дапамагчы радзіме і прадаць хлеб нарыхтоўчым службам. Можна меркаваць, што падпісанты баяліся паўтору сталічнага сцэнарыю, калі недахоп прадуктаў мог быць выкарыстаны на месцах як падстава для гвалту супраць рудыментнаў самаўладдзя.

Таго ж 3 сакавіка Часовы камітэт Дзяржаўнай думы па ўзгадненні з Петраградскім Саветам

у мэтах паляпшэння харчовага становішча ў дзяржаве санкцыянаваў рэквізіцыю хлеба ў буйных зямельных уласнікаў і арэндатараў, якія мелі не менш за 50 дзесяцін ворыва, а таксама ў гандлёвых устаноў і банкаў. Гэтая праца даручалася губернскім земствам праз створаныя імі харчовыя камітэты, якім надаваліся паўнамоцтвы па агульным кіраўніцтве харчовай справай губерні, выкананнем нарадаў цэнтральнай улады для патрэб арміі і насельніцтва, а таксама па арганізацыі павятовых і валасных харчовых камітэтаў [10].

У функцыі апошніх уключаліся: улік наяўнасці збожжа і едакоў, вызначэнне лішку і нястачы прадуктаў, харчовае задавальненне насельніцтва. У кожнай воласці ўправа мусіла ўзяць на ўлік хлеб у памешчыкаў, сялян, гандляроў і млынароў. Яна ж загадвала пунктам ссыпкі, адпраўкі хлеба і выдачай спажывецкіх карт [11, а. 21].

10 сакавіка па Расіі разышлася цыркулярная тэлеграма Дзяржаўнай думы за подпісам яе старшыні У. Радзянкі да «грамадзян Расіі, жыхароў вёскі» з заклікам неадкладна дапамагчы забеспячэнню арміі і насельніцтва збожжам, мукой, крупамі і іншымі прадуктамі. 14 сакавіка ў чарговай тэлеграме У. Радзянкі да «грамадзян памешчыкаў, землеўладальнікаў, сялян, казакоў, арандатараў і ўсіх, хто працуе на зямлі» прагучаў заклік не пакідаць незасеянымі пашы і звяртацца за дапамогай у харчовыя камітэты [12, а. 19–21].

Між тым у Беларусі разам з усталяваннем новага ладу вырашаліся мясцовыя, у тым ліку харчовыя праблемы. Найскладанейшая такога кшталту сітуацыя існавала ў асобных паведах Віцебшчыны. Так, 12 сакавіка ў адказ на паведамленне аб распачатым «народным хваляванні» ў Рэжыцы і павеце з-за недахопу хлеба губернскі камісар Карташоў М. накіраваў у распараджэнне павятовага камісара вагон жывёнай мукі. У той самы дзень такі ж груз быў накіраваны ў Себеж [13, а. 66]. Акрамя мясцовых запасаў, выкрыстоўваліся прывезеныя прадукты. Неўзабаве губерня атрымала 148 000 пудоў харчовых грузаў [14, а. 327].

У цэлым, у сакавіку 1917 г. сітуацыя з харчаваннем ва ўсёй краіне, у тым ліку і ў Беларусі, значна палепшылася. Так, кошт прадметаў першай неабходнасці ў Мінску і Гомелі рэзка панізіўся. Як пісала газета «Рускае слова» ад 11 сакавіка, у Мазыры «кошт на хлеб і муку ўпаў адразу, што сведчыць аб ранейшай дзейнасці мясцовай паліцыі, якая спрыяла спекулянтам».

Не апошняю ролю ў зніжэнні харчовай напружанасці ў гарадах адыграла масавая агітацыйна-прапагандысцкая кампанія з нагоды ўсталявання новага ладу з удзелам усіх пластоў

насельніцтва, у тым ліку сялян і буйных землеўладальнікаў, якія абавязаліся пастаўляць і ахвяраваць сельгаспрадукты на карысць арміі і ўсяго грамадства.

25 сакавіка урад зацвердзіў законапраект аб увядзенні дзяржаўнай манаполіі на гандаль хлебам [15]. Усе яго ўладальнікі хлеба, у тым ліку і спажываўцы, былі абавязаны па першым патрабаванні харчовага камітэта аб'явіць аб колькасці запасаў хлеба, едакоў, жывёлы, зямлі. Яны ж абавязаліся даставіць хлеб на франкастанцыі ці прыстані і здаць яго харчовым арганізацыям па вызначаных імі цвёрдых коштах.

На працягу сакавіка – красавіка адбылося ўтварэнне губернскіх харчовых камітэтаў у Віцебску (старшыня М. Кандрацьеў), Магілёве (І. Мусерскі), Дзісне (І. Каспяровіч). Б. Самойленка спалучаў пасаду старшыні Мінскага губернскага харчовага камітэта з пасадамі старшыні губернскага земства і губернскага камісарыята. Аднавадна харчовыя камітэты пачалі фарміравацца ў павятовых і валасных цэнтрах. У сваёй масе яны складаліся з прадстаўнікоў усіх пластоў насельніцтва, але з перавагай сялян. Лепш, чым у іншых гарадах, дзейнасць харчовых камітэтаў была наладжана ў Мінску. Тут 30 красавіка на пасяджэнні губернскага харчовага камітэта былі прыняты нормы харчавання на аднаго едака і аднаго каня, а таксама вызначаны адлік паступлення новага ўраджаю з тым, каб пачаць яго продаж па новых коштах. Акрамя таго, па прычыне малых запасаў хлеба ў губерні, было пастанаўлена ў мэтах яго ўліку здзейсніць суцэльнае абследаванне прыватнаўласніцкіх і сялянскіх гаспадарак.

Знішчэнне ранейшых органаў улады і замена іх новымі структурамі, абіраемымі грамадствам, рэарганізацыя органаў правапарадку і гарадскіх і земскіх самакіраванняў, дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця – усё гэта і іншае не магло не паўплываць на стан выканання насельніцтвам сваіх павіннасцей, у тым ліку харчовай у маштабе ўсёй Расіі. Так, галоўнакамандуючы Заходнім фронтам паскардзіўся Часоваму ўраду на недапастаўкі сена за сакавік – красавік. Нават у маі на фронт штодня паступала 3000 пудоў сена замест 23 000 [13, а. 353].

Як адзначала Бюро па скліканні Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў, з Вялікадня ў краіне перапыніўся падвоз хлеба і фуражу ў армію і ў горад. Нягледзячы на велізарныя запасы гэтых прадуктаў, сяляне не спяшаліся вывозіць іх на станцыі і прыстані. 1 мая міністр земляробства Шынгароў А. на з'ездзе сялянскіх дэлегатаў Магілёўскай губерні папярэдзіў, што на франтах фуражу і хлеба засталася на адзін дзень, і заклікаў сялян да выканання свайго грамадзянскага абавязку [16].

Са свайго боку Франтавы з'езд Усерасійскага земскага саюза вырашыў стварыць кадры агітатараў для аб'езду вёсак з заклікам здаваць хлеб арміі [17]. Са свайго боку Гомельскі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў накіраваў па павеце сваіх дэлегатаў для неадкладнага збору фуражу і хлеба, а таксама звярнуўся да сялян з заклікам знайсці хлеб у памешчыкаў [18].

3 беларускіх губерняў найбольш «хлебнай» заставалася Магілёўская. Тут размяшчалася 57 000 пудоў хлеба, ахвяраванага арміі яшчэ да рэвалюцыі [19]. Найгоршая сітуацыя з хлебам складвалася ў асобных паветах Віцебшчыны. 25 красавіка Дрысенскі начальнік гарнізона прасіў дапамогі ў Віцебскага губернскага камісара з прычыны адсутнасці мукі ў земстве і распачатага голаду сем'яў ваеннаабавязаных [20, а. 123]. Было відавочна, што харчовыя камітэты яшчэ слаба выконвалі свае нарыхтоўчыя функцыі. Характэрна, што ў некаторых валасцях Віцебскай губерні яны так і не былі створаны. У маі старшыні харчовага камітэта Кандрацьеву М. падчас паездкі ў Петраград удалося дабіцца павелічэння нарада для губерні ў 62 вагоны жыта і жытнёвай мукі яшчэ на 90, але ўпэўненасці ў іх атрымцы не было [13, а. 384]. Усяго ж харчовых нарадаў з цэнтра для Віцебскай губерні на май было запланавана 192 вагоны, для Віленскай – 47, Мінскай – 285 і Магілёўскай – 170 вагонаў [14, а. 320].

Гэта не азначала, што запланаваныя ўрадам грузы ў поўным аб'ёме і своечасова будуць дастаўлены на пункты прызначэння, але па меры высыявання новага ўраджаю спадзяванні на цэнтралізаваныя пастаўкі ўсё больш узрасталі. Асноўная прычына таму – слабыя вынікі дзяржаўных нарыхтовак хлеба на месцах, паколькі сялян не задавальнялі цвёрдыя кошты. У паўднёвых паветах Мінскай губерні сяляне хавалі хлеб і нават адмовіліся даць звесткі аб яго запасах [21].

Аналагічная сітуацыя стала назірацца і ў час рэквізіцыі жывёлы. Па паведамленні газеты «Витебский листок» за 14 чэрвеня, Віцебскаму губернскаму харчоваму камітэту належала рэквізаваць 113 000 свіней і 67 000 галоў буйнарагатай жывёлы для патрэб насельніцтва і арміі. На долю Мінскай губерні па ўрадавай развёрстцы адводзілася 14 712 000 пудоў мяса і 2 279 000 пудоў сала з надбаўкай да цвёрдага кошту ў 1 руб. за пуд жывой вагі [22]. Але нягледзячы на надбаўку, рэквізіцыя адбывалася слаба па той прычыне, што сяляне хавалі жывёлу і не жадалі яе прадаваць [23]. Дэпутаты сялянскіх Саветаў Віленскай і Ковенскай губерняў наогул выказаліся супраць масавай рэквізіцыі жывёлы [24].

Наогул, харчовае пытанне ў Беларусі ўсё часцей перапляталася з аграрным і ўцягвала

ў сферу свайго ўплыву ўсё большае кола ўдзельнікаў – ад адзінкавых асоб да насельніцтва цэлых гарадоў. Не магла не выклікаць непакою і тыя абставіны, што да ліку тых, хто цяпеў харчовую нястачу, імкліва далучаліся салдаты Заходняга фронту.

Заклучэнне. Такім чынам, пасля звяржэння самаўладдзя вастрыня харчовай праблемы ў Беларусі часова знізілася, паколькі для яе вырашэння былі скарыстаны прадуктовыя запасы, новыя паступленні ад мясцовых хлебарабаў і цэнтралізаваныя пастаўкі. Урэгуляванню становішча паспрыяла тая акалічнасць, што Заходні фронт не адчуваў істотнай харчовай нястачы, і таму асноўны аб'ём прадуктаў быў скіраваны для патрэб насельніцтва і цывільных устаноў. У гэтай сувязі заявы маладых даследчыкаў Хаданёнка В. і Паўлава Л. аб нібыта крытычным стане сельскай гаспадаркі Беларусі і такім жа крытычным становішчы з забеспячэннем фронту ў лютым 1917 г. зусім беспадстаўныя.

Іншая справа, што пасля ўсталявання новага ладу ў краіне харчовая праблема ў Беларусі не перастала існаваць, а, як і паўсюдна ў Расіі, набыла іншы змест. Калі да Лютаўскай рэвалюцыі яна асацыяравалася з «голадам», які ўзнік па

прычыне нястачы прадуктаў, то з абвяшчэннем Часовым урадам хлебнай манаполіі новая яго пагроза вынікала з нежадання сялянства прадаваць прадукты сваёй працы па цвёрдых коштах. Новай з'явай ва ўзрастанні харчовай праблемы зрабілася тое, што яна ахапіла армію. Па-другое, у спосабах яе вырашэння акрэсліўся класавы (у інтарэсах працоўных) падыход; па-трэцяе, у працэсе яе вырашэння адбылося значнае паслабленне ўздзеяння органаў дзяржаўнай, у тым ліку ваеннай, улады; па-чацвёртае, у працэсе яе вырашэння выявілася буйная памылка Часовага ўрада, які не прыняў да ўвагі патрабаванні сялянства аб увядзенні цвёрдых коштаў не толькі на хлеб, а і на ўсе прамысловыя тавары. Харчовае становішча рабілася ўсё больш напружаным нават тады, калі ў сістэме Часовага ўрада было створана адмысловае міністэрства харчавання на чале з А. Пешахонавым. Відавочна, што ў Беларусі яшчэ задоўга да часу збору новага ўраджаю харчовая праблема стала набіраць прыкметы пастаяннай з тэндэнцыяй да абстраэння. Відавочна, што найважнейшая прычына таго палягла не ў «катастрафічным стане» сельскай гаспадаркі, а ў няздольнасці грамадства рацыянальна скарыстаць яе багаці ў агульных інтарэсах.

Літаратура

1. Могилёвская жизнь. 1917. 10 нояб.
2. Минский голос. 1917. 27 февр.
3. Минские губернские ведомости. 1916. 5 нояб.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 640. Воп. 1. Адз. зах. 19.
5. НАРБ. Ф. 640. Воп. 2. Адз. зах. 21.
6. НАРБ. Ф. 624. Воп. 1. Адз. зах. 52.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 1265. Воп. 1. Адз. зах. 3.
8. НАРБ. Ф. 640. Воп. 1. Адз. зах. 1.
9. Газета-копейка. 1917. 25 февр.
10. Минский голос. 1917. 4 мар.
11. НАРБ. Ф. 624. Воп. 1. Адз. зах. 7.
12. НАРБ. Ф. 622. Воп. 1. Адз. зах. 4.
13. НАРБ. Ф. 622. Воп. 1. Адз. зах. 2.
14. НАРБ. Ф. 624. Воп. 1. Адз. зах. 5.
15. Русское слово. 1917. 28 мар.
16. Гомельская копейка. 1917. 6 мая.
17. Русское слово. 1917. 6 мая.
18. Известия Гомельского Совета. 1917. 9 мая.
19. Минский голос. 1917. 4 мая.
20. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Адз. зах. 242.
21. Фронт. 1917. 6 июня.
22. Новое варшавское утро. 1917. 2 авг.
23. Крестьянская газета. 1917. 21 июня.
24. Крестьянская газета. 1917. 28 июня.

References

1. *Mogilevskaya zhizn'* [Mogilyov life], 1917, November, 10.
2. *Minskiy golos* [Minsk voice], 1917, February, 27.
3. *Minskiye gubernskiye vedomosti* [Minsk Province Gazette], 1916, November, 5.
4. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 640. I. 1. F. 19.

5. NARB. Fund. 640. I. 2. F. 21.
6. NARB. Fund. 624. I. 1. F. 52.
7. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund. 1265. I. 1. F. 3.
8. NARB. Fund. 640. I. 1. F. 1.
9. *Gazeta-kopeyka* [Gazeta-kopeck], 1917, February, 25.
10. *Minskiy golos* [Minsk voice], 1917, March, 4.
11. NARB. Fund. 624. I. 1. F. 7.
12. NARB. Fund. 622. I. 1. F. 4.
13. NARB. Fund. 622. I p. 1. F. 2.
14. NARB. Fund. 624. I. 1. F. 5.
15. *Russkoye slovo* [Russian word], 1917, March, 28.
16. *Gomel'skaya kopeyka* [Gomel' kopeck], 1917, May, 6.
17. *Russkoe slovo* [Russian word], 1917, May, 6.
18. *Izvestiya Gomel'skogo Soveta* [News of Gomel' Soviet], 1917, May, 9.
19. *Minskiy golos* [Minsk voice], 1917, May, 4.
20. NARB. Fund. 60. I. 3. F. 242.
21. *Front* [Front], 1917, June, 6.
22. *Novoye varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, August, 2.
23. *Krest'yanskaya gazeta* [Peasant newspaper], 1917, June, 21.
24. *Krest'yanskaya gazeta* [Peasant newspaper], 1917, June, 28.

Інфармацыя пра аўтара

Сяменчык Мікалай Яфімавіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускае дзяржаўнае тэхналагічнае ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Siamenchyk Mikalai Yafimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Паступіў 13.03.2019

УДК 947.6.«1917»

І. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АГРАРНЫ РУХ У БЕЛАРУСІ Ў ПЕРСПЕКТЫВЕ ВЫРАШЭННЯ
ЗЬМЕЛЬНАГА ПЫТАННЯ (САКАВІК – МАЙ 1917 Г.)**

У артыкуле асвятляецца аграрны рух у беларускіх губернях на этапе разгортвання рэвалюцыйных падзей, якія ахапілі Расію вясной 1917 г. Аўтар адзначае, што ў сакавіку – красавіку сіламі новаабраных дзяржаўных і грамадска-палітычных структур сяляне Беларусі паступова знаёміліся з пераменамі. На маніфістацыях, мітынггах, у час малебнаў, шэсцяў былі агучаны задачы рэвалюцыі – шырокая дэмакратызацыя, вядзенне вайны да пераможнага канца і канчатковае вырашэнне аграрнага пытання дэпутатамі Устаноўчага сходу. На сходах сяляне пагадзіліся чакаць правядзення зямельнай рэформы і максімальна аказваць дапамогу арміі. З другой паловы красавіка сялянскія сходы з новаабранымі валаснымі камітэтамі пачалі выносіць пастановы аб перадачы дзяржаўнай і прыватнаўласніцкай зямлі, лугоў, выпасаў сялянам, пашыралася высечка лесу. Да спынення незаконных рашэнняў прыцягваліся актывісты камісарыятаў, харчовых і зямельных камітэтаў, судовыя структуры і «рэвалюцыйная дэмакратыя» – Саветы сялянскіх дэпутатаў, грамадскія і партыйныя сілы. Вясной 1917 г. аграрны рух у беларускіх губернях не набыў масавага характару, сяляне не выказвалі адкрыта свайго незадавальнення дзяржаўнай уладай.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, захоп зямлі, аграрнае пытанне, «рэвалюцыйная дэмакратыя».

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**AGRARIAN MOVEMENT IN BELARUS IN THE FUTURE
SOLVING THE LAND ISSUE (MARCH – MAY 1917)**

The article highlights the agrarian movement in the Belarusian provinces in the deployment phase of the revolutionary events that swept Russia in the spring of 1917, the Author notes that in March-April, forces of the newly elected state structures and socio-political structures of the peasants of Belarus is gradually acquainted with the change. At the demonstrations, rallies, prayers, processions were announced the tasks of the revolution-wide democratization, the war to the bitter end and the final decision of the agrarian question by the deputies of the Constituent Assembly. At the meetings, the peasants agreed to wait for land reform and provide maximum assistance to the army. Since the second half of April, peasant meetings with the newly elected volost committees began to make decisions on the transfer of state and private land, meadows, pastures to peasants, the expanding forest apiary. Activists of commissariats, food and land committees, judicial structures and «revolutionary democracy» – Councils of peasant deputies, public and party forces are involved in the termination of illegal decisions. In the spring of 1917, the agrarian movement in the Belarusian provinces did not acquire a mass character, the peasants did not openly Express their dissatisfaction with the state power.

Key words: revolution, the seizure of land, the agrarian question, the «revolutionary democracy».

Уводзіны. З першых тыдняў Лютаўскай рэвалюцыі дзяржаўныя структуры былі заклапочаны тым, каб звесткі аб падзенні самадзяржаўя не выклікалі захопу зямельнай уласнасці і, наогул, парушэнняў парадку ў вёсках. Сумеснымі з грамадскасцю намаганнямі ім удалося хутка і з найменшымі стратамі перапыніць лакальныя аграрныя правапарушэнні, выпадкі лясных высечак, захопаў чужой маёмасці і таму не ўяўлялі сур'ёзнай небяспекі для дзяржавы і новага ладу. У далейшым агітацыйна-прапагандысцкія мерапрыемствы былі скіраваны на перакананне сялянства ў абавязковым правядзенні аграрнай рэформы [1].

Асноўная частка. У звароце Часовага ўрада ад 19 сакавіка акрамя іншага даводзілася, што «зямельнае пытанне не можа быць праведзена ў жыццё шляхам якога-небудзь захопу і павінна быць вырашана шляхам закону, прынятага народным прадстаўніцтвам», гэта значыць Устаноўчым сходам. Да часу яго выбараў сялянства заклікалася да захавання парадку, падтрымкі ўрада і яго мясцовых органаў. Зямельная тэма гучала ў кантэксце больш важных задач – неабходнасці падпарадкавання новым уладам і выканання ранейшых абавязкаў.

Разам з выказанай падтрымкай Часоваму ўраду сяляне спадзяваліся на паляпшэнне

свайго становішча. Так, вязкоўцы рабілі адпаведныя звароты на адрас губернскіх камісараў з просьбай паўплываць на памешчыкаў, якія «непамерна ўзнялі цэны» на пасьбу сялянскай жывёлы [2].

Ваенныя ўлады былі ў ліку першых на Беларусі, хто прыклаў пэўныя намаганні ў тым накірунку. Імкнучыся палепшыць становішча з харчовым забеспячэннем армейцаў, 17 сакавіка Загадам галоўнакамандуючага штаба Заходняга фронту № 1491 сялянам дазвалялася арандаваць пустуючыя зямельныя участкі для яравых «...па 10–15 руб. за дзесяціну» [3].

Дэманструючы агульнадзяржаўны, пазакласавы характар сваіх планаў і рашэнняў, Часовы ўрад пастановай ад 11 красавіка «Аб ахове пасаваў» надаў харчовым камітэтам права перадачы ў арэнду сялянам незасянай памешчыцкай і іншай зямлі. Гэтым самым адбылося пэўнае абмежаванне правоў памешчыкаў на свабоднае распараджэнне сваёй уласнасцю. Тым не менш гэта пастанова не магла задаволіць зямельнай патрэбы сялян, а наадварот, толькі ўзмацняла іх радыкальныя настроі.

Відавочна, што наступным крокам урадавай аграрнай палітыкі павінны былі быць ахова і рацыянальнае выкарыстанне ўсёй зямлі да часу маштабнай аграрнай рэформы.

Каб супакоіць сялян, 21 красавіка міністр земляробства Шынгароў А. заявіў аб заснаванні зямельных камітэтаў, якім належала рыхтавацца да рэформы, а праз пару дзён старшыня Часовага ўрада звярнуўся да насельніцтва «спакойна чакаць новага зямельнага ўладкавання».

Але да часу, пакуль змест пастановы аб зямельных камітэтах не зрабіўся здабыткам усяго грамадства і не ўвасобіўся на практыцы, на вёсцы павялічыліся выпадкі незаконнага выкарыстання сялянамі лясных угоддзяў. Іх з'яўленне абумовіла не толькі перабудова ўладных структур, у тым ліку рэпрэсіўнага апарату, а і пэўныя змены сялянскіх настройаў у адносінах да памешчыцкай, царкоўнай і нават дзяржаўнай маёмасці, асабліва лясных угоддзяў.

Частка землеўладальнікаў па-ранейшаму спадзявалася на сілу закона і не спрабавала перагледзець свае адносіны з дробнымі арандатарамі, сялянскімі таварыствамі, парабкамі. Непаразуменні нарасталі. «Минская газета» ад 6 красавіка 1917 г. паведамляла, што «з Заходняга краю паступаюць звесткі аб спешным продажы памешчыкамі сваіх маёнткаў па надта нізкіх цэнах. Спешнасць тлумачыцца чуткамі аб хуткай ліквідацыі памешчыцкіх зямель».

У некаторых сялянскіх грамадствах вызначыліся спробы самастойнага, без звароту за адпаведным дазволам у вышэйшыя інстанцыі, вырашэння наспелых праблем. Як гаварылася

ў дакладной запісцы на адрас міністра ўнутраных спраў, «у красавіку з'явіліся першыя перамены ў сялянскай правасвядомасці ў адносінах да вырашэння зямельнага пытання і разам з гэтай пераменай сталі паступаць адпаведныя звесткі ў выглядзе тэлеграм з месцаў. Вёска, відавочна, стала адчуваць і ўспрымаць ідэі і праграмы, распрацаваныя і прынятыя ў гарадскіх цэнтрах» [4].

Мясцовыя камітэты спрабавалі скарыстаць рэвалюцыйныя перамены ў інтарэсах працоўнага сялянства. 16 красавіка Шацкі валасны камітэт Ігуменскага павета звярнуўся да Б. М. Самойленкі за садзеяннем у скарачэнні платы за пашу скаціны ў маёнтках Шацк, Юзефова, Веркалы і Антонова да 4 руб. [5].

Лунінецкі грамадскі камітэт запатрабаваў «выдачы з бліжэйшых лясоў – казённых і памешчыцкіх – матэрыялаў сельскім грамадам для пабудовы новай агарожы бясплатна», а таксама паляпшэння ўмоў утрымання сялянскай жывёлы. Акрамя таго, камітэт, прызнаючы прэрагатыву Устаноўчага сходу ў канчатковым вырашэнні зямельнага пытання, пакідаў за сялянскімі з'ездамі і грамадскімі камітэтамі правы на выкарыстанне бягучым летам зямельных угоддзяў [6].

Зразумела, што падобныя сялянскія пастановы былі незаконнымі і пагражалі нармальнаму пачатку пасаўных і іншых сельскагаспадарчых работ, ад чаго ў значнай ступені залежала і вырашэнне харчовай праблемы.

На Беларусі, як і паўсюдна па краіне, уласнікам лесу з'яўлялася дзяржава, памешчыкі, прадпрымальнікі, хутаране, сялянскія грамады і інш. З выпадку вайны значныя лясныя плошчы былі перададзены ў арэнду Усерасійскаму земскаму саюзу, ваенна-прамысловым камітэтам, ваенна-будаўнічым арганізацыям і г. д. У буйных памерах лясны матэрыял выкарыстоўвала армія для будаўніцтва ўмацаванняў, зямлянак, у якасці паліва. Лес з'яўляўся сыравінай для вырабу шпал, запалак, паперы і іншай прадукцыі.

Новаўвядзенні ў зямельных адносінах узмацнілі (у параўнанні з дарэвалюцыйным перыядам) незаконнае выкарыстанне (па сутнасці, крадзёж) сялянамі лесу ў выглядзе бяргвенняў, жэрдак, дроў, прычым як для ўласных гаспадарчых патрэб, так і на продаж, а таксама пасьбу свойскай жывёлы ў лясных урочышчах.

Адным з матываў такіх паводзін сялян было перакананне ў наяўнасці ў іх поўных правоў на лясныя ўгоддзі, аб чым, у прыватнасці, адзначалася 19 красавіка на пасяджэнні Віцебскага губернскага камісарыята. Пры гэтым высечкі лесу адбываліся не адзінкавымі асобамі, а цэлымі грамадствамі і, што характэрна, па пастанове дзяржаўных органаў.

Як паведамляў 22 красавіка адзін з камісараў, «вельмі цяжка ўгаварыць сялян, каб не секлі прыватнаўласніцкіх лясоў, і высечка робіцца сістэматычна, згодна з пастановамі валасных харчовых камітэтаў». Так, з красавіка сяляне Пакоцкай воласці кожны дзень секлі лес у маёнтку Антонаўка, прычым, «не толькі для сваіх патрэб, але і на продаж» [7].

Пад канец красавіка Дзвінскі павятовы камісар па тэлеграфі паведаміў Віцебскаму камісару, што «арышты памешчыкаў адбываюцца на падставе спрэчак паміж імі і сялянамі. Адсутнасць хлеба і насення пагражае буйнымі ўскладненнямі. Настрой насельніцтва ў павяце няровны» [8].

Можна меркаваць, што харчовыя камітэты, якім даручалася распараджэнне ляснымі ўгоддзямі, мала лічыліся з павятовай або губернскай уладамі і дзейнічалі ў адпаведнасці з асабістымі інтарэсамі сваіх выбаршчыкаў, а не дзяржавы. Як паведамлялася ў газеце, «па пастанове Сушкоўскага харчовага камітэта Дрысенскага пав. сяляне самавольна сякуць лес» [9].

Такім чынам, і ў гэтым выпадку, нягледзячы на адпаведную пастанову, паводзіны сялян, на думку карэспандэнта, выглядалі незаканнымі. У такім сэнсе варта ўспрымаць паведамленне памочніка віленскага губернскага камісара Кліота, які ў пачатку мая паведамляў у сталіцу аб тым, што сяляне на падставе пастаноў валасных камітэтаў пасвілі жывёлу ў лясах.

Выпадкі выкарыстання сялянамі ўрадавых органаў у сваіх карыслівых мэтах узмацаваліся пастановамі сялянскіх з'ездаў накшталт таго, які адбыўся ў Мінску 20–23 красавіка і прыняў рэзалюцыю «Па зямельным пытанні», дзе, у прыватнасці, адзначалася, што «ў межах дадзенай тэрыторыі ўсе зямельныя справы павінны вырашацца валаснымі камітэтамі». Пасля гэтага форуму ў Мінскім, Ігуменскім і Слуцкім павятах на адрас камісараў пайшлі скаргі памешчыкаў аб тым, што сяляне надаюць рэзалюцыям з'езду сілу закона і з дазволу валасных камітэтаў праводзяць пасьбу на прыватнаўласніцкіх выганах, здзяйсняюць высечкі лесу. У іх ліку называліся выпадкі, калі вяскоўцы пасвілі жывёлу ў лесе і на пашы маёнтка Прылукі.

Землеўласнік Мінскага і Ігуменскага павятаў Г. Э. Чапскі паскардзіўся Мінскаму губернскаму камісару аб тым, што «Самахвалавіцкі валасны камітэт пастанавіў выкарастаць усе пашы ў эканоміях сумесна з памешчыкам. У выніку чаго сяляне ў Падгаі пагналі скаціну 9 мая ў лес і на канюшыну ў маёнтку (маім) Прылукі. Гэтак ж у раёне Сеницкай і Станькаўскай валасцей Мінскага павята і Дудзіцкай воласці Ігуменскага павята. Сяляне знішчаюць у лясах табліцы з паказаннем назвы, плошчы

і ўласніка лесу, перашкаджаюць вывозіць з лесу нарыхтаваны лесапрамыслоўцамі і эканоміяй лясных матэрыялаў і дроў, замяняюць лясную варту.

Валасныя камітэты выносяць пастановы аб 8-гадзінным рабочым дні і аб норме зароботнай платы не адпавядаючы магчымым умовам гаспадаркі (ад 3 руб. да 3 руб. 60 к. падзённай платы для жанчын і 360 руб. батраку). 8-гадзінны рабочы дзень месцамі ўводзіцца рабочымі гвалтам – фальварак Скарэнічы Сеницкай воласці, Волчкавічы Самахвалавіцкай воласці, маёнтка Самуэдава Дудзіцкай воласці» [10].

Больш складаная сітуацыя з парушэннямі была па Віцебскай губерні. Так, Віцебскі губернскі камісар Карташоў М. Л. аддаў загад аб спыненні беспарадкаў у фальварку Будаболь Петрапалаўскай воласці Полацкага павята, дзе «сяляне падзялялі зямлю і гоняць арандара Макалінскага». Праз пару дзён, 25 красавіка ўладальнік маёнтка «Азёрка» Гарадоцкага павята Лільлэ падаў скаргу губернскаму камісару на сялян, якія разбурылі яго маёнтка. Сяляне самавольна захапілі маёнтка Казлоўскага Рэжыцкага павята [11].

Падобныя факты трапіліся на Віленшчыне. Віленскаму павятоваму камісару паведамлялася, што сяляне Чапінскай воласці Віленскага павята самаўпраўна дзеляць зямлю ў маёнтку Пагарэлле.

У ліку першых павятаў Магілёўскай губерні аграрныя парушэнні сталі назірацца на Гомельшчыне, асабліва ў аддаленых ад павятовага цэнтры месцах. У іх ліку – самавольны захоп жыхарамі в. Ніжнія Дзятлавічы сенакосу плошчай 360 дзес. у арандаваным маёнтку. На хутары Чарнічча гэтыя ж сяляне сумесна з іншымі «самавольна і бясплатна» пасвілі скаціну. 226 дзес. хутара Нікольск Дзятлаўскай воласці, здадзеных у арэнду Міністэрству земляробства, былі «явачным парадкам захоплены» сялянамі вёсак Жыробнае і Бабовічы. На хутары Уза, – паведамляў работнік земства, – «сяляне забралі самавольна ўсё. Узаралі, убралі і скацілі». Такое ж становішча зафіксаваў перапісчык маёнтка Забельшына Клімавіцкага павята, у якім сяляне захапілі «па рэвалюцыйнаму праву» больш за 40 дзес. лугоў [12]. Але ў цэлым для Магілёўшчыны гэта не стала масавай з'явай. Невыпадкова 30 красавіка на губернскім сялянскім з'ездзе галоўная ўвага была нададзена харчовай праблеме і зямельным камітэтам.

У маі стаўленне сялян да памешчыцкіх лясных угоддзяў, як да сваёй уласнасці, якая мусіла перайсці да іх пасля Устаноўчага сходу разам з землямі, набыло непажаданы для ўлад размах, калі вяскоўцы сталі забараняць прамысловыя і камерцыйныя лесанарыхтоўкі. Так, 3 мая сяляне в. Крычкі Заслаўскай воласці

звярнуліся да мінскага камісара з просьбай забараніць уласнікам мясцовага фальварка прадаваць прамыславікам 14 дзес. лесу.

У пачатку чэрвеня ў маёнтку Язвіна Віцебскага павета лесапрамысловец Лерман Э. сіламі 150 рабочых вёў нарыхтоўку лесу для патрэб Рыга-Арлоўскай чыгункі. На агульным сходзе Лескавіцкага валаснога камітэта пад пагрозай арышту яго вымусілі даць падпіску аб спыненні далейшай высечкі [13]. У гэты ж час у Магілёўскі губернскі камісарыят звярнуліся лесапрамыслоўцы Аршанскага павета са скаргай на вяскоўцаў Нова-Гухінскай воласці, якія не дазвалялі ім праводзіць высечкі, маўляў, «зямля будзе наша і лес будзе наш». Прычым на сялянскім сходзе сумежных вёсак была вынесена пастанова аб выдачы на патрэбы тутэйшага жыхарства галля па цане 10 кап. за воз. У далейшым галлё прадавалася ў бліжэйшых гарадах і мястэчках, але ўжо па 10 руб. [14].

Неўзабаве сялянскі «мараторый» на лесанарыхтоўкі закрануў і інтарэсы дзяржавы. Невыпадкова ў зваротах Міністэрства земляробства і Петраградскага Савета да сялянства тлумачылася, што ва ўмовах вайны Расія не магла разлічваць на імпортныя каменныя вугаль, таму яго дэфіцыт неабходна было ўстараніць за кошт дрывянога паліва. Адозвы аб тым, што лесанарыхтоўка «патрабавалі інтарэсы радзімы і інтарэсы абароны краіны» накіроўваліся і на Беларусь, дзе сяляне перапынялі «нарыхтоўку дроў і лясных матэрыялаў для патрэб насельніцтва і арміі». Так, валасныя камітэты Мазырскага павета не давалі секчы лес для вырабу шпалаў.

У ліку асоб, якія ініцыявалі правапарушэнні, былі салдаты, асабліва дзэзерціры. Так, Віцебскі губернскі камісар адзначаў, што ў Дрысенскім павеце арганізатарамі парушэнняў з'яўляліся «прамоўцы з прышлых і адпускных салдат, якія распаўсюджвалі ленінскія погляды і дастаўлялі прадстаўнікам улады Часовага ўрада шмат клопатаў» [15].

Як вынікала з тэлеграны Б. М. Самойленкі ад 12 мая ў Петраград, «аграрныя беспарадкі» ў губерні не мелі «абвостранага характару», а ў чэрвені яны істотна зменшыліся. Але падобная

сітуацыя не магла быць нязменнай. Часам самі памешчыкі стваралі глебу для канфліктаў, бо не жадалі ісці на кампраміс нават у выкананні дзяржаўнай задачы па павелічэнні пасяўных плошчаў. «У нашай воласці застаецца каля 400 дзес. пустуючай зямлі памешчыкаў, – пісалі сяляне Таболкаўскай воласці на адрас Часовага ўрада і Петраградскага Савета, – якую мы ахвотна ўзаралі б, але ўладальнікі не робяць нам ніякіх уступак, ставяць нам высокія цэны на зямлю, наогул не жадаюць, каб мы аралі іх зямлю» [16].

Вядома, незаконныя пастановы валасных, у тым ліку харчовых камітэтаў, не заставаліся паза ўвагай камісарыятаў. Большасць падобных пастановаў скасоўвалася або разглядалася ў судовых інстанцыях. Таксама з аграрнымі парушэннямі вялі барацьбу праз тлумачальна-асветніцкую работу савецкія структуры. Старшыні выканкама губернскага Савета сялянскіх дэпутатаў Міхайлаву М. В. (Фрунзе) давялося асабіста гутарыць з сялянамі Мінскага і Навагрудскага паветаў аб шкоднасці незаконных пастановаў. На думку М. В. Міхайлава (Фрунзе), прычынай узнікнення «лясных беспарадкаў» з'яўлялася «адсутнасць у многіх месцах зямельных камітэтаў і якіх бы то ні было судаў» [17].

Заклучэнне. Такім чынам, фактычнае захаванне ў непарушнасці памешчыцкага землеўладання вычарпала ўладныя рэсурсы органаў Часовага ўрада, якія ўсімі сродкамі імкнуліся прадухіліць аграрны рух. Нават у тых умовах магчымасці рэалізацыі сялянамі сваіх эканамічных інтарэсаў толькі павялічваліся. Значную дапамогу ў гэтым адыгрывалі харчовыя і, асабліва, зямельныя камітэты. Паспрыяла таксама канфліктная ўстаноўка землеўласнікаў, якія не жадалі здаваць пустуючыя землі на льготных умовах вясковай грамадзе.

Разам з тым аграрны рух вясной 1917 г. не набыў масавага характару і значнай небяспекі для дзяржавы не ўяўляў. Сяляне засталіся прыхільнікамі вайны да пераможнага канца, працягвалі аказваць дапамогу арміі, удзельнічаць у хлебнай манаполіі і іншых урадавых ініцыятывах.

Літаратура

1. Рыжанкоў І. М. Беларускае сялянства ва ўмовах падрыхтоўкі да аграрнай рэформы (сакавік – лістапад 1917 г.) // Весті Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта. Сер. 2, Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, культуралогія. 2006. № 1. С. 8–12.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 640. Воп. 2. Спр. 26. Л. 189.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь (НГАРБ). Інвентарны № 15301. Загады Галоўнакамандуючага Заходнім фронтам. № 2005.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 297. Л. 2.
5. НАРБ. Ф. 640. Воп. 2. Спр. 26. Л. 189.
6. Рогожин Н. По деревням и сёлам // Земля и Воля. 1917. 3 мая. С. 3.
7. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 296. Л. 46.

8. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 127.
9. Аграрное движение // Народное слово. 1917. 11 июня. С. 4.
10. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 158–159.
11. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 123.
12. НГАБ. Ф. 2084. Воп. 1. Спр. 677. Л. 6.
13. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 139.
14. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 225.
15. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 171.
16. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 154. Л. 8.
17. Разные известия // Народное слово. 1917. 24 июня. С. 4.

References

1. Ryzhankou I. M. Belarusian peasantry in preparation for agrarian reform (March-November 1917) *Vesti Belaruskaga dzyarzhavnaga pedagagichnaga universiteta* [Vesti of the Belarusian state pedagogical University], series 2, History, Philosophy, Political Science, Sociology, Economics, Cultural Studies, 2006, no. 1, pp. 8–12 (In Belarusian).
2. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 2. F. 26. P. 189.
3. National historic archive of Belarus (NHARB). Inventory number 15301. Orders of the chief commander of the Western front August 8, no. 2005.
4. State archive of the Russian Federation (SARF). Fund 1779. I. 1. F. 297. P. 2.
5. NARB. Fund 60. I. 2. F. 26. P. 189.
6. Rogozhin N. At the villages. *Zemlya i volya* [Land and Will], 1917, 3 May, p. 3 (In Russian).
7. SARF. Fund 1779. I. 1. F. 296. P. 46.
8. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 127.
9. Agrarian movement. *Narodnoye slovo* [People's word], 1917, 11 June, p. 4 (In Russian).
10. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 158–159.
11. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 123.
12. NHARB. Fund 2084. I. 1. F. 677. P. 6.
13. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 139.
14. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 225.
15. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 171.
16. NARB. Fund 60. I. 3. F. 154. P. 8.
17. Different news. *Narodnoye slovo* [Folk word], 1917, 24 June, p. 4 (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Ihar Mikhaylavich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Пасцупіў 23.03.2019

УДК 94(470)(476):323.1

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

**ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1919–1921 гг.**

В данной статье исследуется проблема реализации идеи белорусской государственности в ходе Советско-польской войны 1919–1920 гг. Рассматриваются подходы польской стороны к решению национального вопроса на восточных территориях и существовавшие у нее сценарии. Указывается, что окончательное решение не создавать буферных государств, а также национальных автономий на собственной территории, а равно отказ от идеи федерации происходили непосредственно во время конфликта, что в итоге привело к игнорированию права белорусской нации на самоопределение. Рассматривается эволюция идеи провозглашения белорусской государственности на советской основе – от идеи провозглашения независимой белорусской советской республики к идее о создании совместной белорусско-литовской республики и снова возврата к самостоятельному национально-государственному строительству Беларуси на советской основе. Рассматриваются позиции основных политических сил Беларуси по отношению к целям и задачам второго провозглашения БССР и сущность расхождений по данному вопросу. Предпринимается попытка анализа причин, по которым реализация права белорусского народа на самоопределение в данный период произошло не в полном объеме, и геополитических проблем, к которым оно привело впоследствии.

Ключевые слова: государственность, БССР, Советско-польская война, Вторая Речь Посполитая, суверенитет, нация.

A. A. Raichonak

Belarusian State Technological University

**THE PROBLEM OF THE BELARUSIAN STATEHOOD
IN THE CONDITIONS OF THE SOVIET-POLISH WAR OF 1919–1921**

This article explores the problem of implementing the idea of Belarusian statehood during the Soviet-Polish war of 1919–1920. We consider the approaches of the Polish side to the solution of the national question in the Eastern territories and the scenarios that existed in it. It is stated that the final decision not to create buffer states, as well as national autonomies on its own territory, as well as the rejection of the federation idea, took place directly during the conflict, which ultimately led to ignoring the right of the white-Russian nation to self-determination. We consider the evolution of the idea of proclaiming Belarusian statehood on a Soviet basis, from the idea of proclaiming an independent Belarusian Soviet republic to the idea of creating a joint Belarusian-Lithuanian republic and again returning to the independent national-state construction of Belarus on a Soviet basis. The positions of the main political forces of Belarus in relation to the goals and objectives of the second declaration of the BSSR and the nature of the differences on this issue are considered. An attempt is made to analyze the reasons why the implementation of the law of the Belarusian people in this period did not take place in full, and to which geopolitical problems this later led.

Key words: statehood, BSSR, Soviet-Polish war, Second Polish republic, sovereignty, nation.

Введение. 1919 г. стал решающим в деле самоопределения белорусского народа и создания его государственности на советской основе. События развивались стремительно и в основном шли в фарватере резко меняющейся внешнеполитической обстановки.

БССР буквально через месяц после ее провозглашения была объединена с Литовской советской республикой, однако это происходило на фоне фактически начавшейся Советско-польской войны, основной причиной которой было определение восточной границы восставшего польского государства.

Накануне Советско-польской войны у руководства Польши, а точнее у Ю. Пилсудского, фактически было два плана в отношении «восточных территорий». Первый из них предусматривал создание широкой конфедерации всех народов бывшего Великого княжества Литовского и Польши против большевиков. Второй – создание буферного государства на границе Польши и Советской России. Значительная часть польской правящей элиты, чья позиция со временем станет доминирующей, вообще считала нецелесообразным создание белорусской государственности, в какой бы то ни

было форме. На решение данного вопроса значительно влияло соотношение политических сил между лагерем Пилсудского и польскими национальными демократами – доминирующей на тот момент политической силой.

Но на первом этапе войны Пилсудский еще колебался, все зависело от дальнейшего развития событий. По сути все зависело от того, насколько Польше хватило бы сил на самостоятельное ведение войны и насколько серьезной была бы помощь стран Антанты.

Основная часть. В течение 1919 г. правительство Польши пытается выступить в качестве опекуна белорусского движения, оставляя надежду на помощь в деле национально-государственного строительства.

Но, как показали дальнейшие события, настоящим желанием руководства Польши было то, чтобы представители белорусского национального движения фактически передали бы польскому правительству полномочия на инкорпорацию белорусских земель в состав Польши.

По этому поводу между поляками и белорусами состоялись многочисленные встречи, но фактически они так ничем и не закончились, поскольку представители даже пропольских настроенных партий и группировок не хотели отказываться от суверенитета и соглашались, самое меньшее, на широкую политическую автономию. В то же время поляки хотели получить поддержку белорусов в деле переговоров с большевиками, но взамен не хотели обременять себя даже малейшими обещаниями в деле решения белорусского вопроса.

Все это усиливалось еще и взаимным недоверием. В результате договориться так и не удалось, а возрастающий шовинизм поляков толкнул белорусских деятелей к поиску других союзников. Часть из них пыталась установить отношения со странами Антанты, а другие обратили свой взор к большевикам, которые в условиях партизанской борьбы, начавшейся против польской оккупации, выглядели как естественные союзники.

Литовско-Белорусская республика показала свою нежизнеспособность как во внешнеполитическом, так и в военном плане, хотя именно этими целями было продиктовано ее образование. Поэтому она не получила дипломатического признания ни со стороны стран Антанты, ни со стороны Польши, несмотря на то, что СНК республики дал согласие на участие в конференции на Принцевых островах с целью избежать войны с Польшей. В военных делах успехи были также более чем скромные. Мужественное сопротивление белорусского народа и все усилия руководства организовать оборону Беларуси не принесли успеха, польским вой-

скам к осени 1919 г. удалось захватить две трети территории Беларуси. Это привело к фактической ликвидации Литбела.

3 июля 1920 г. начинается новый этап становления белорусской советской государственности, чему способствовали успехи Красной Армии в борьбе с польскими оккупантами. В этой связи с новой силой встает вопрос о формах реализации белорусской государственности. На этот счет существовало три различных мнения: восстановление Литбела, отказ от идеи самоопределения Беларуси, восстановление ССРБ. В результате борьбы победило последнее, окончательное решение о возобновлении ССРБ, которое было принято 16 июля 1920 г. на пленуме ЦК РКП(б). В постановлении пленума говорилось: «Оказать содействие белорусскому народу в создании белорусского ревкома, подчинив на ближайший период времени вопросы организации правительственной власти в пределах Беларуси военным потребностям фронта» [1, с. 308]. Само провозглашение республики произошло 31 июля 1920 г. на торжественном заседании в городском театре.

Победа данного мнения, с нашей точки зрения, объясняется двумя основными причинами. Во-первых, 12 июля между Советской Россией и Литовской Тарибой был подписан договор о признании независимости Литвы, что делало невозможным восстановление Литбела. По этому же соглашению к Литве отходили Вильно, Гродно, Лида и другие территории. Взамен буржуазная Литва должна оказать военную помощь против Польши. Во-вторых, более важное – это широкое партизанское движение, которое развернулось в Беларуси против польской оккупации. После событий гражданской войны и польской оккупации в белорусском народе все большую популярность приобретает идея о необходимости национального самоопределения.

Но акт второго провозглашения ССРБ не решил всех противоречий в этом вопросе. Для подготовки декларации о провозглашении ССРБ была создана комиссия, в которую вошли четыре представителя от Белорусского партии социалистов-революционеров, два – от КП(б) ЛиБ, один – от Белорусского коммунистической организации и один – от Бунда. На первом собрании были поставлены на повестку дня вопросы: 1) Беларусь и ее пределы; 2) отношения к соседям; 3) государственно-политический строй в Беларуси и кто имеет право принимать участие в государственном строительстве; 4) земельные, экономические и военные дела; 5) железная дорога, почта и телеграф.

Фактически по каждому из указанных вопросов представители БПС-Р имели свою точку

зрения, которая не совпадала с позициями коммунистов. Их требования сводились к следующему: созыв Всебелорусского рабочего съезда, который должен был решить государственный строй Беларуси; формирование коалиционного правительства левых партий; включение в состав БССР всех белорусских этнографических земель; образование белорусской армии. Все эти предложения были отклонены ЦК КП(б)Б. Данные противоречия привели к тому, что в конце концов представители БПС-Р отказались подписать декларацию о независимости ССРБ, а республика провозглашалась только в пределах Минской и Гродненской губерний. Вскоре продвижение Красной Армии было остановлено, и польские войска перешли в наступление. Беларусь снова оказалась в чрезвычайно неблагоприятных внешнеполитических условиях, которые поставили ее перед угрозой разделения. Линия фронта подошла к Минску, но продолжать войну ни одна, ни другая сторона уже не имели сил. 12 октября Польшей и Россией был подписан прелиминарный мирный договор и начались переговоры о мире.

По сути, ситуацию с обстоятельствами заключения мира прояснил Нарком иностранных дел РСФСР Чичерин Г. В., делая отчет на VIII съезде Советов, который состоялся 22–29 декабря 1920 г. В частности, он сказал: «21 сентября началась в Риге мирная конференция между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. Как только произошел первый контакт наших делегатов с польскими и выяснилась возможность мирного исхода, ВЦИК 23 сентября обратился к Польше с предложениями в целях скорейшего заключения мира оставить в стороне то различное толкование принципов самоопределения народов, в связи с чем дебаты могут отсрочить заключение мира, и надолго отдалить его, и ограничиться определением восточной границы Польши. Причем значительно восточней той, которую зафиксировал в декабре Верховный союзный совет... Этот исторический шаг ВЦИК сыграл решающую роль в ходе наших переговоров с Польшей. Мы предложили территориальное приращение взамен отказа Польши от политики создания буферных государств, якобы самостоятельных, но в действительности прикрывающих собой польское господство на Украине и в Белоруссии» [2, с. 715].

Фактически, это соглашение ставило точку в надежде на создание независимого белорусского государства, но белорусская карта продолжала разыгрываться, и в первую очередь – поляками.

Не имея возможности непосредственно вмешаться в дела в Беларуси, польское руко-

водство сделало ставку на военные формирования Булак-Балаховича. По сути, оно пыталось повторить сценарий «Средней Литвы», разыгранный корпусом Желиговского. Правда, если судить по заявлениям самого Булак-Балаховича, то в результате успеха его экспедиции могло быть образовано белорусское государство. Так, например, после захвата Мозыря планировалось восстановить БНР и объявить Булак-Балаховича главой государства. Но вряд ли Пилсудский согласился бы на что-то более, чем создание буферной республики.

Надо отметить, что на то время акция Булак-Балаховича рассматривалась довольно серьезно всеми сторонами. Именно поход Булак-Балаховича заставил руководство КПБ отказаться от планов постановки вопроса о расширении границ советской Беларуси. На заседании ЦБ КПБ 11 ноября 1920 г., посвященном вопросу «О территории Беларуси», Червяков отметил: «Поскольку только Пилсудский кричит об этой афере Балаховича с уже готовым кандидатом на пост главы Белорусского правительства, это, очевидно, дело рук Пилсудского. Среди населения замечается, правда, неясно тенденция к независимости Беларуси. Население не терпит поляков, но особой любви не испытывает и к коммунистам. На этом могут сыграть Савинков и белорусские эсеры... но сейчас, по моему мнению, в вопросе о территории нужно воздержаться. Население местностей, которые могут быть присоединены к Беларуси, привыкло к РСФСР, присоединением к Беларуси население этих местностей будет препятствовать построению Советской власти. Кроме того, расширенная самостоятельная республика Беларусь разлагает аппетит у Балаховича» [3, л. 50]. Исходя из этого, ЦБ решило вопрос о расширении территории Беларуси считать преждевременным.

Тем не менее, несмотря на поражение, акция Булак-Балаховича оказала значительное влияние на развертывание дальнейших событий. Во-первых, узнав обо всех обстоятельствах этого похода, правительство БНР порывает с ним. Во-вторых, он активизировал деятельность «зеленых», которая не затихала в течение следующих трех лет.

Из событий, которые оказали влияние на процесс становления белорусского государства, следует отметить и Слуцкое восстание, хотя в тех международных и внутривнутриполитических обстоятельствах это выступление не имело шансов на успех.

Но все-таки главным событием, определившим на то время ход исторического развития, было подписание Рижского соглашения и осуществление его условий.

Сложилось довольно интересное положение. Сам советско-польский конфликт разворачивался на фоне национального движения в бывших европейских империях. Сутью этого движения было утверждение в Европе вместо многонациональных империй – национальных государств, при этом ставилась цель создать систему коллективной безопасности, чтобы избежать этнических конфликтов в будущем. Именно к такому состоянию должна была привести Версальская система, по мнению ее создателей. Но непоследовательность в осуществлении принципов и желание использовать положение для осуществления своих собственных интересов за счет более слабых на тот момент соседей привело почти к противоположным результатам. По сути, под Европой была заложена бомба, которая взорвалась в 1939 г.

Возвращаясь к событиям советско-польской войны, следует отметить следующее. Каждая из враждующих сторон апеллировала к мировому сообществу, ссылаясь на право наций на самоопределение. В общем, само создание польского государства базировалось на этом принципе. Но, как только дело доходило до права белорусов на самоопределение своей судьбы, здесь две противоборствующие стороны действовали одинаково. С одной стороны, они признавали за Беларусь право на независимость, а с другой, считали возможным решать ее судьбу без ее участия. Эти противоречия нашли свое отражение в тексте советско-польского договора. Так, в статье II говорится: «Обе договаривающиеся стороны согласно принципу самоопределения народов признают независимость Украины и Белоруссии...» [4, с. 520]. Далее идет перечень населенных пунктов, которые составляли границу между Польшей и Беларусью, но данная граница, очевидно, не совпадала с этнографической границей расселения поляков и белорусов. Между тем, когда российская делегация обратила на это обстоятельство внимание поляков, те заявили, что в 1920 г. данное же обстоятельство не помешало советской власти передать значительную часть белорусской территории Литве, чтобы заручиться ее поддержкой для борьбы с Польшей.

Согласно условиям Рижского договора, Западная Беларусь отходила к Польше, а на востоке ССРБ фиксировалось в пределах шести уездов Минской губернии. Таким образом, долгожданный мир не решал проблему, а переводил ее в латентное состояние. Понятно, что это не могло удовлетворить широкие белорусские круги. В феврале 1922 г. правительство БНР направляет меморандум в адрес Генуэзской конференции с требованием отмены Рижского

мира. Понятно, что эти меры остались безрезультатными ввиду незаинтересованности в этом главных сторон.

Рижский договор не только вызвал многочисленные протесты, но и всколыхнул волну вооруженного сопротивления. Партизанская борьба с советской властью, которая продолжалась с разной степенью интенсивности, стала затихать только в конце 1922 г., хотя отдельные отряды действовали до 1925 г.

Ненормальность ситуации понимало и правительство Советской Беларуси, которое для стабилизации обстановки не только проводило карательные мероприятия, но и пыталось вернуть восточные земли. Так, 15 сентября 1922 г. Наркоматом иностранных дел БССР была подана записка о необходимости урегулирования вопроса о восточных границах, в которой при перечислении оснований для такого шага, в частности, говорилось: «Та часть белорусского населения, которая даже не сочувственно относится к Советской власти с чисто политических соображений, видя, что Белорусская Советская Республика крепнет и что другой белорусской государственности при современном положении вещей не может быть создано, присоединится к движению в пользу вхождения западных окраин этнографической Беларуси, которые отошли к Польше, к уже объединенной по тому же принципу БССР. Наоборот, политика дальнейшего раздробления этнографической Беларуси между БССР и РСФСР значительно ослабит эту тягу среди заграничного белорусского населения, а с другой стороны, разжигая шовинизм части белорусской интеллигенции Витебщины и Гомельщины, может привести ее на путь поиска решения национального вопроса без контакта с Советской властью» [5, л. 61]. Поэтому предлагалось заключить соглашение в виде международного договора о присоединении к БССР Витебской, Гомельской и части Смоленской областей.

Но эти планы пришлось отложить на некоторое время, поскольку положение в основном стабилизировалось, а на повестку дня встал вопрос о создании СССР.

Выводы. Подводя итоги, следует отметить, что в данный период события разворачивались для Беларуси не лучшим образом, а сценарий, который осуществился, был не лучшим из возможных. В этот период БССР существовала в пределах шести уездов Минской губернии. К положительному моменту можно отнести, во-первых, сам факт наличия хоть какой государственности, во-вторых, борьба за консолидацию Беларуси не была прекращена, что в дальнейшем дало свои положительные результаты.

Литература

1. Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1918–1920 гг: сб. докл. и материалов: в 2 т. Минск: Беларусь, 1968. Т. 2. 604 с.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958. 778 с
3. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 433.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1965. Т. 3: Апрель 1920 г. – март 1921 г. 607 с.
5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 37.

References

1. *Bor'ba za sovetskuyu vlast' v Belorussii. 1918–1920 gg: v 2 t.* [The struggle for Soviet power in Belarus. 1918–1920: in 2 vol.]. Minsk, Belarus Publ., 1968, vol. 2. 604 p.
2. *Dokumenty vneshney politiki SSSR.* Т. 2. 1 yanvarya 1919 g. – 30 iyunya 1920 g. [Documents of the USSR foreign policy. Vol. 2. 1 January 1919 – 30 June 1920]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 778 p.
3. NARB. Fund. 60. I. 3. F. 433.
4. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnosheniy* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Vol. 3. April 1920 – March 1921]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1965. 607 p.
5. NARB. Fund. 4 . I. 1. F. 4.

Информация об авторе

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: raichonak@belstu.by

Information about the author

Raichonak Aliaksandr Aliaksandravich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichonak@belstu.by

Поступила 11.03.2019

УДК 378-057.875«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ФАРМИРОВАНИЕ СТУДЕНЦКИХ АСЯРОДКАЎ
БЕЛАРУСКОЙ ДЫАСПАРЫ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД**

Артыкул прысвечаны пытанням фарміравання асноўных студэнцкіх асяродкаў беларускіх эмігрантаў у Чэхаславакіі, Італіі, Германіі, Злучаных Штатах Амерыкі, Латвіі, Літве ў міжваенны перыяд. Найбольш значным студэнцкім цэнтрам беларускай дыяспары стала Чэхаславакія. Адным з асноўных фактараў, які ўплываў на дзейнасць беларускай эміграцыі ў Чэхаславакіі, была «руская акцыя». У даследаванні асабліва ўвага нададзена пытання ўзаемадзеяння беларускай дыяспары з метраполіяй. Аўтар прыходзіць да высноў, што беларускія студэнты замежжа адрозніваліся высокім узроўнем арганізацыйнай актыўнасці. На аснове сучасных навуковых поглядаў можна сцвярджаць, што фарміраванне студэнцкіх асяродкаў замежжа стала важным механізмам для развіцця нацыянальнай ідэнтычнасці беларускай эміграцыі. Артыкул прадстаўляе беларускі студэнцкі рух як частку развіцця міжнародных студэнцкіх арганізацый у кантэксце сусветных маштабаў. Сродкі масавай інфармацыі ў Вільні і за мяжой апісвалі асноўныя падзеі студэнцкага жыцця. Грамадская актыўнасць беларускіх студэнтаў была важным фактарам іх адаптацыі да новых умоў побыту.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, беларуская эміграцыя, студэнцкі асяродак, нацыянальная ідэнтычнасць, Чэхаславакія, Італія, Германія, Злучаныя Штаты Амерыкі.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**FORMATION OF THE STUDENT'S CENTERS OF THE BELARUSIAN
DIASPORA DURING THE INTER-WAR PERIOD**

The article dwells on the formation of the main student's centers of the Belarusian emigrants in Czechoslovakia, Italy, Germany and the United States of America, Lithuania, Latvia during the inter-war period. Czechoslovakia was the most considerable student's center of the Belarusian diaspora. One of the important factors changing the structure of the Belarusian emigration in Czechoslovakia was "Rusian action". Special emphasis is made on the cooperation between the Belarusian diaspora and mother country. The author comes to the conclusion about the high level of the organization activity of the Belarusian students. According to the contemporary view, the formation of the student's centers abroad has become an important mechanism for the development of the national identity of the Belarusian emigration. The research presents the Belarusian student's movement as a part of the international development in the context of the general world scale. The printed mass media in Wilno and abroad depicted the most important events of student's life. The public activity of Belarusian student's was the main factor for their adaptation to the new condition of the life.

Key words: Belarusian diaspora, Belarusian emigration, student's center, national identity, Czechoslovakia, Italy, Germany, United States of America.

Уводзіны. Асноўным крытэрыем для фарміравання дыяспары з'яўляецца працэнт інтэлектуальнай эліты эміграцыі, якая аказвае ўплыў на магчымасць самаідэнтыфікацыі эмігрантаў у новых умовах прымаючага грамадства. У працэсе даследавання асяродкаў замежжа важнае месца адводзіцца этнічным інстытутам і арганізацыям, асноўнай мэтай якіх было фарміраванне групавой нацыянальнай салідарнасці, калектыўных сувязей і нацыянальнай самасвядомасці.

Асобнай тэмай вывучэння спадчыны міжваеннай беларускай дыяспары з'яўляецца развіццё студэнцкага руху і станаўленне асноўных студэнцкіх асяродкаў замежжа. Беларуская моладзь,

як найбольш актыўная і дынамічная частка эміграцыі, аказвала непасрэдны ўплыў на станаўленне нацыянальнай свядомасці дыяспары, садзейнічала ўнутрыгрупавому ўзаемадзеянню, развівала духоўную культуру беларускага народа за мяжой.

Асноўная частка. Асноўнай прычынай фарміравання беларускіх студэнцкіх асяродкаў у міжваенны перыяд стала дыскрымінацыйная палітыка польскага ўрада ў дачыненні да беларусаў у Другой Рэчы Паспалітай. Ствараліся абмежаванні для моладзі Заходняй Беларусі ў набыцці вышэйшай адукацыі, пра што рэгулярна пісала беларускамоўная перыёдыка. Газета «Сялянская ніва» падкрэслівала: «Як ведама,

польскі ўрад увесь час імкнецца да таго, каб у Заходняй Беларусі не тварыліся свае кадры інтэлігенцыі і такім чынам спрыяе ўсялякай беларускай эміграцыі за межы Польшчы» [1, с. 1]. Па сутнасці, парушаліся грамадскія свабоды нацыянальных меншасцей у Другой Рэчы Паспалітай.

Фарміраванне і развіццё беларускай дыяспары ў Чэхаславацкай Рэспубліцы (ЧСР) было звязана з этапамі правядзення дзяржаўнай праграмы пад назвай «Руская акцыя дапамогі», якая распачалася ў 1921 г. Мерапрыемствы акцыі складалі праграму падтрымкі эмігрантаў з тэрыторыі былой Расійскай імперыі, накіраваныя на развіццё палітычнага, адукацыйнага, навуковага і культурнага патэнцыялу дыяспар. За рэалізацыю праграмы адказвала Міністэрства замежных спраў ЧСР. Дзяржаўныя органы кантралявалі колькасць эмігрантаў, працэдуру іх легалізацыі ў краіне-рэцыпіенце, адсочвалі вылучэнне фінансавых сродкаў на патрэбы дыяспар, займаліся пытаннямі арганізацыі навуковых і вучэбных устаноў, сачылі за дзейнасцю аб'яднанняў і саюзаў эмігрантаў.

Асноўная частка беларускай моладзі набывала адукацыю ў чэшскіх навучальных установах, беларусы вучыліся ў Празе, Брно, Падэбрадах, Браціславе. Большасць беларускіх студэнтаў вучылася ў Карлавым універсітэце і Чэшскім вышэйшым тэхнічным вучылішчы (Пражская палітэхніка).

Адзін з самых вядомых у Еўропе Карлаў універсітэт уяўляў сабой вядучую адукацыйную ўстанову ў Чэхаславацкай Рэспубліцы. Замежныя студэнты набывалі вышэйшую адукацыю на юрыдычным, філасофскім, медыцынскім, тэалагічным і прыродазнаўчым факультэтах. Пражская палітэхніка мела лесатэхнічны, хіміка-тэхналагічны, электратэхнічны, машынабудаўнічы, архітэктурны і будаўнічы факультэты.

Гістарычнай ілюстрацыяй жыцця і дзейнасці беларускіх студэнтаў у Чэхаславакіі з'яўляецца біяграфія Івана Пятровіча Геніюша (1902–1979). Іван Геніюш выехаў у Чэхаславакію ў 1922 г. з мэтай атрымаць там вышэйшую адукацыю. Згодна з інфармацыяй яго асабістага лістка па ўліку кадраў, вучыўся ў Карлавым універсітэце з 1922 г. па 1936 г. на лекарскім факультэце [2, л. 92]. Неабходна падкрэсліць, што беларус адразу паступіў у вядучы чэшскі ўніверсітэт, што было зусім няпроста зрабіць.

Пра дакладную прычыну эміграцыі Івана Геніюша напісала віленская беларускамоўная перыёдыка. «Студэнт Праскага ўніверсітэту Геніюш, родам з Горадзеншчыны, шле з Прагі прывітаньне сваім родным і знаёмым. Варта заўважыць, што Геніюш у свой час быў ня прыняты “Кваліфікацыйнай Камісіяй” да Віленскага

універсітэту» [3, с. 3], – пазначалася ў газеце «Беларускі Звон». Нягледзячы на несправядлівае стаўленне да беларускай моладзі ў Другой Рэчы Паспалітай, прыклад Івана Геніюша мог даць надзею чытачам газеты на магчымасць атрымаць вышэйшую адукацыю за мяжой.

Біяграфія Івана Геніюша дэманструе той факт, што беларускія студэнты ў міжваеннай Празе актыўна супрацоўнічалі з установамі і арганізацыямі расійскай дыяспары. Сярод значных адукацыйных і навуковых цэнтраў расійскай эміграцыі ў Празе варта вылучыць Рускі педагогічны інстытут імя Я. А. Каменскага, Рускі юрыдычны факультэт, Рускі народны ўніверсітэт, Рускі інстытут сельскагаспадарчай кааперацыі, Рускі інстытут камерцыйных ведаў.

У дакументах Івана Пятровіча Геніюша захоўваецца студэнцкае пасведчанне Рускага юрыдычнага факультэта ў Празе, куды ён паступіў таксама ў 1922 г. [4, л. 54]. Здольны беларус стаў адным са студэнтаў юрыдычнага факультэта з моманту яго заснавання. І. Геніюш не атрымаў спецыяльнасці юрыста, бо ўстанову не скончыў. Цяжка цяпер сцвяржаць, па якой прычыне студэнт не працягнуў навучанне далей, бо не хапае дакументальных гістарычных крыніц. Хутчэй за ўсё ў маладога чалавека не хапіла грошай на атрыманне прэстыжнай юрыдычнай спецыяльнасці, бо Рускі юрыдычны факультэт быў створаны як прыватная вучэбная ўстанова. Плата за навучанне была высокай – 60 чэшскіх крон за семестр, там выкладалі вядучыя прафесары Маскоўскага, Пецярбургскага, Харкаўскага, Растоўскага, Кіеўскага ўніверсітэтаў [5, с. 197]. Відавочна, што ўвесь свой час Іван Геніюш прысвяціў заняткам на медыцынскім факультэце Карлавага ўніверсітэта.

Варта падкрэсліць, што супрацоўніцтва І. Геніюша з рускай дыяспарай было свядомым, бо пры запаўненні афіцыйных дакументаў ён дакладна пазначаў у графе нацыянальнасць – беларус. Пражскі інтэлектуальны цэнтр расійскай эміграцыі ў міжваенны час аказваў значны ўплыў на іншыя славянскія дыяспары.

Студэнт Іван Геніюш браў актыўны ўдзел у палітычным і грамадскім жыцці беларускай дыяспары. Значную дапамогу ў арганізацыйнай рабоце беларусу аказвала яго жонка. У 1935 г. Іван Пятровіч пабраўся шлюбам з Ларысай Антонаўнай Міклашэвіч (Ларысай Геніюш), якая ў 1937 г. прыехала да мужа ў Прагу. Нягледзячы на легальную працу Івана Пятровіча ў Празе, сям'я Геніюшаў да Другой сусветнай вайны так і не атрымала чэшскага грамадзянства. І. П. Геніюш пачаў сваю кар'еру ў якасці дэртавенеролага, а пасля ўжо стаў заводскім урачом. Геніюшы пражылі ў Празе да 1948 г., да моманту іх арышту і высылкі ў Савецкі Саюз.

Значная частка беларускіх студэнтаў набыла адукацыю ва ўкраінскіх вышэйшых школах Чэхаславакіі. Студэнты-беларусы вучыліся ва Украінскім вольным універсітэце (складаўся з філасофскага і юрыдычнага факультэтаў), Украінскім вышэйшым педагагічным інстытуце імя М. Драгаманава (меў літаратурна-гістарычны, матэматычна-прыродазнаўчы і музычна-педагагічны факультэты), Украінскай гаспадарчай акадэміі (у склад якой уваходзілі эканоміка-кааператыўны, аграрна-лясны і інжынерны факультэты) і Украінскім тэхніка-гаспадарчым інстытуце, які стаў паслядоўнікам гаспадарчай акадэміі.

Навучанне ва ўкраінскіх вышэйшых школах для беларускіх студэнтаў у асноўным было бясплатным. Заняткі праводзіліся на ўкраінскай мове вядучымі педагогамі, якія мелі стаж працы ў аўстрыйскіх, расійскіх, польскіх і чэшскіх вышэйшых навучальных установах. Некаторыя беларусы атрымоўвалі адукацыю паралельна ў Карлавым універсітэце і ва ўкраінскай вышэйшай навучальнай установе.

Асобным аспектам даследавання беларускага студэнцтва з'яўляюцца сувязі эмігрантаў з метраполіяй. Складанымі і супярэчлівымі былі адносіны большасці беларускіх студэнтаў-эмігрантаў да БССР. Прагрэсіўная беларуская моладзь у Чэхаславакіі рэгулярна адсочвала падзеі ў Савецкай Беларусі, па-рознаму ўспрымала і аналізавала іх. Дакладна можна сцвярджаць, што адукаваным беларусам замежжа былі вядомыя імёны паэтаў, пісьменнікаў і вучоных БССР. Асабліваю цікаvasць выклікалі відзіты выбітных прадстаўнікоў навукі і культуры ў Прагу, пра што пісала не толькі савецкая прэса, але і перыядычныя выданні Заходняй Беларусі і беларускай эміграцыі.

Актыўныя кантакты з беларускімі эмігрантамі падтрымліваў і развіваў вядомы мовазнаўца і гісторык акадэмік Карскі Я. Ф. У рамках даследаванняў беларускай лінгвістыкі, этнаграфіі і этналогіі акадэмік веў ліставанне з беларускімі арганізацыямі ў ЗША. Вучоны звяртаўся ў сваіх лістах да амерыканскіх беларусаў з просьбай лінгвістычнага аналізу для распрацоўкі навішай народназнаўчай карты [6, с. 4]. Ініцыятыва даследчыка супала з перыядам ажыўлення палітычнага жыцця беларускай дыяспары ў Злучаных Штатах, які назіраўся ў пачатку 1920-х гг.

Міжнародныя кантакты акадэміка былі значна шырэйшымі. Газета «Сын Беларусы» апісвала супрацоўніцтва Я. Ф. Карскага з беларусамі ў Празе, куды яго накіравала на 3'езд славянскіх этнографіаў і географіаў Пецябургская акадэмія навук. У рамках сваёй камандзіроўкі вучоны правёў сход студэнтаў-беларусаў, які доўжыўся больш за чатыры гадзіны, бо шчыра зацікавіў удзельнікаў. На сходзе,

ініцыяваным Я. Ф. Карскім, распавядалася пра стан культуры і адукацыі ў БССР. Газетны матэрыял перадае эмацыйнае напаўненне сустрэчы, уражанне самога вучонага і педагога Карскага Я. Ф.: «Студэнтамі тутэйшымі астаўся здаволены, дзівіўся выяўленай на сходзе сьвядомасці іх. Адыходзячы сказаў: “Пацешылі старога, пацешылі!”» [7, с. 4]. Прыведзеныя факты толькі часткова дэманструюць шырокія міжнародныя сувязі Я. Ф. Карскага, які займаўся лінгвістычна-этнаграфічным аналізам і меў сьветную вядомасць. Вучонага накіроўвалі ў працяглыя замежныя камандзіроўкі, праз якія пашыраліся яго знаёмствы і кантакты з беларускімі эмігрантамі. Відавочна, што асоба Я. Ф. Карскага мела палітычную вагу для беларускага грамадства, выбітны мовазнаўца і гісторык заслужыў рэальны аўтарытэт у асяродку беларускай інтэлігенцыі замежжа.

Частка беларусаў у Чэхаславакіі таксама цёпла сустрэла ў Празе чэхага рэктара Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Пічэту У. І. Выступленне рэктара перад беларускімі студэнтамі доўжылася пяць гадзін, на якім вучоны дакладна акрэсліў мэту свайго візіту ў Прагу: «Я вязу за межы Беларусі, пачаў Рэктар – еду казаць аб Беларусі, аб якой свет так мала ведае» [8, с. 2]. Афіцыйна прадстаўнік беларускай савецкай вышэйшай школы на сходзе намагаўся акрэсліць планы нацыянальнага будаўніцтва ў 1927 г., спрабаваў падключыць беларускую эміграцыю да праектаў БССР, аднак яго разлікі былі занадта аптымістычнымі. Рэктар БДУ Пічэта У. І. перадаў беларускім студэнтам падручнікі і мастацкую літаратуру, што з удзячнасцю было ўспрынята эмігрантамі.

Асобным фрагментам фарміравання беларускай дыяспары з'яўляецца дзейнасць студэнтаў-беларусаў у Італіі, якія набывалі там рэлігійную адукацыю. У Рыме будучыя ксяндзы праводзілі руплівую грамадскую працу, якая аказвала ўплыў на нацыянальную сьвядомасць беларускага народа. Беларусы вучыліся ў Грыгарыянскім і Арыентальным універсітэтах Рыма [9, л. 9]. Пра поспехі ксяндзоў-беларусаў рэгулярна публікавалі матэрыялы асобныя перыядычныя выданні, некаторыя газеты нават мелі спецыяльную рубрыку «Беларусы ў Рыме» (віленскія газеты «Biełaruskaŭa Krunica» і «Сын Беларусы»).

Будучыя ксяндзы на міжнародным узроўні выступалі з дакладамі пра свой народ. Адною з найбольш значных арганізацый беларускай моладзі ў 1920-я гады стала Аб'яднанне беларускіх студэнцкіх арганізацый (АБСА), якое дастаткова хутка выйшла на міжнародны ўзровень. Сярод заснавальнікаў Аб'яднання беларускіх студэнцкіх арганізацый былі прадстаўнікі студэнцтва Італіі [10, л. 2]. Цэнтральны орган

арганізацыі знаходзіўся ў Празе, аб'яднанне развівала міжнародныя кантакты са студэнтамі ЗША, Францыі, Германіі, Латвіі, Літвы. Нягледзячы на тое, што беларусаў у Рыме было мала (каля дзесяці чалавек), яны адрозніваліся ў перыяд станаўлення АБСА асаблівай матываванасцю ў сваёй арганізацыйнай рабоце, актыўнай грамадскай пазіцыяй. Найбольш здольным беларускім студэнтам у Рыме быў Ст. Хлакоўскі, пра поспехі якога нават пісала прэса Ватыкана.

Беларускія ксяндзы ў Італіі актыўна супрацоўнічалі з беларускай каталіцкай моладдзю Чэхаславакіі. Каталіцкае студэнцтва ў Празе ўзначальваў Ф. Грыцкевіч. Беларусы пэўны час абмяркоўвалі праект стварэння адмысловага часопіса для каталіцкага студэнцтва замежжа. Каталіцкая студэнцкая моладзь мела сталыя кантакты з Югаслаўскай каталіцкай лігай і харвацкімі каталікамі.

Важнай старонкай рэлігійнай гісторыі беларускай дыяспары сталі ўзаемаадносіны беларусаў у Рыме і Папы Рымскага Пія XI (Pius XI). У гады пантыфікату Пія XI была ўстаноўлена дзяржава Ватыкан, яго ўплыў на развіццё міжнародных адносін у міжваенны час спецыялісты ацэньваюць дастаткова высока.

Цікавымі гістарычнымі фрагментамі былі ініцыятывы беларускіх студэнтаў у Італіі. У 1924 г. беларускія ксяндзы ў Рыме пры падтрымцы нямецкага пасольства ў Ватыкане выступілі з прапановай адкрыць беларускую духоўную семінарыю [11, с. 1]. Гэта была ідэя арганізаваць нацыянальную навучальную ўстанову, якая б рыхтавала духавенства для беларускіх каталікаў. У асяродку беларускай дыяспары ў міжваенны перыяд рэгулярна ўздымалася пытанне адкрыцця беларускай вышэйшай навучальнай установы за мяжой. У выніку дыскусій беларуская семінарыя ў Рыме так і не была створана. Польскія ксяндзы выказалі свой афіцыйны пратэст, што спыніла арганізацыйную працу. Нягледзячы на прынцыповую пазіцыю палякаў, беларускае пытанне зацікавала Папу, да яго зноў вярнуліся ў 1926 г. Да Папы Рымскага Пія XI на прыём, дзе абмяркоўваліся праблемы беларускіх каталікоў, былі запрошаны беларускія студэнты.

Беларускія ксяндзы ў Італіі актыўна развівалі кантакты з каталіцкім цэнтрам у Злучаных Штатах Амерыкі, дзе прадстаўнікі касцёла таксама прымалі актыўны ўдзел у палітычным жыцці дыяспары. Адною з важных ініцыятыў беларускіх эмігрантаў у ЗША стала ідэя стварэння касцёла ў Чыкага спецыяльна для каталікоў-беларусаў. Праект рэалізаваць не змаглі. Падобныя рэлігійныя ініцыятывы сведчаць аб тым, што беларускія эмігранты спадзяваліся вылучыцца з ліку каталікоў-палякаў, абаранялі

сваю этнічную самасвядомасць ад уплываў больш колькаснай польскай дыяспары.

Чарговым еўрапейскім цэнтрам студэнцкага руху беларусаў замежжа стала Германія. Найбольш важным кірункам дзейнасці беларускіх эмігрантаў у Германіі была работа на легалізацыі дзеячоў эміграцыі ў розных краінах свету. Нямецкія марскія парты нярэдка станавіліся транспартным вузлом для падарожжа беларусаў у ЗША, Аргенціну і Канаду. Найбольш актыўная частка беларускай эміграцыі ў Германіі пражывала менавіта ў Берліне. Беларускія палітычныя арганізацыі намагаліся выкарыстоўваць магчымасці беларусаў у Берліне для дапамогі ў час падарожжа моладзі на вучобу ў Чэхаславакію. Звыклым маршрутам будучых студэнтаў у Прагу з тэрыторыі Заходняй Беларусі было падарожжа праз Коўна і Берлін.

Асноўная частка беларускіх эмігрантаў набывала адукацыю ў вышэйшых навучальных установах Берліна. Найбольшай папулярнасцю ў студэнтаў-замежнікаў карысталіся Берлінскі ўніверсітэт, Лесагаспадарчая вышэйшая школа і Гандлёвая вышэйшая школа ў Берліне.

У манаграфіі ўкраінскага эмігранта С. Нарыжнага «Українская эміграція, Культурная праца ўкраінскай эміграцыі паміж сусветнымі войнамі» падкрэсліваецца, што беларуская моладзь у Германіі актыўна супрацоўнічала з грузінскімі і ўкраінскімі студэнтамі [12, с. 88]. Эмігрантамі ствараліся фонды дапамогі і камітэты, якія размяркоўвалі паміж лепшымі студэнтамі матэрыяльныя сродкі, дапамагалі вопраткай і прадуктамі. Неабходна падкрэсліць, што становішча студэнцтва ў Германіі пасля Першай сусветнай вайны было нялёгкім, матэрыяльная дапамога мела абмежаваны і нерэгулярны характар.

З 1932 г. у Берліне актыўную грамадскую працу разгарнуў Саюз беларускіх студэнтаў у Германіі. На старонках беларускамоўнай прэсы ў артыкуле пра дзейнасць саюза былі апублікаваны прозвішчы актывістаў арганізацыі: «У склад ураду яго ўвайшлі: Анатоль Шкутка – старшыня, Міхась Маскалік – сэкрэтар, Алесь Крыт – скарбнік, Расьціслаў Каплінскі – вольны сябра і Андрэй Бяроўскі – пачэсны сябра» [13, с. 6]. Саюз беларускіх студэнтаў у Германіі быў уключаны ў міжнародныя праекты, арганізацыя стала членам Цэнтральнага саюза замежных студэнтаў у Германіі.

Асобныя беларусы набывалі вышэйшую адукацыю ва ўніверсітэтах ЗША, аднак колькасць беларускіх студэнтаў у Злучаных Штатах Амерыкі была нязначнай. Для супольнасці замежжа паступленне беларусаў у амерыканскія навучальныя ўстановы з'яўлялася важнай падзеяй, пра якую нават размяшчалі інфармацыю ў прэсе.

Напрыклад, у газеце «Змаганне» за 25 лістапада 1923 г. апублікаваны артыкул «Беларус здабывае вышэйшую навуку», у якім распавядаецца пра поспех беларускага эмігранта Я. Чарапука, які быў залічаны на юрыдычны факультэт Чыкагскага ўніверсітэта. З матэрыялу становіцца зразумела, што на перспектываўнага беларускага студэнта разлічвалася ўся нацыянальная дыяспара ў Чыкага, у артыкуле падкрэсліваецца: «Праз 3 гады мыйсцовая беларуская калёнія будзе мець ужо свайго феховага беларускага амэрыканскага адваката» [14, с. 4]. Газетны матэрыял заканчваецца словамі спадзявання, што яшчэ некалькі беларусаў змогуць паступіць у амэрыканскія ўніверсітэты.

Асноўная маса прадстаўнікоў беларускай дыяспары ў ЗША была эканамічнымі эмігрантамі. Нацыянальнай супольнасці ў Злучаных Штатах патрэбна было развіваць кадры інтэлігенцыі, пра што рэгулярна публікавалі матэрыялы самі эмігранты. Праблемамі для павелічэння колькасці беларускіх студэнтаў у Амерыцы стала высокая плата за навучанне і недастатковы адукацыйны ўзровень большасці беларускіх эмігрантаў.

Разам з тым у другой палове 1920-х гг. існавалі асобныя праграмы падтрымкі моладзі для навучання ў ЗША, але іх было вельмі мала. На старонках газеты «Сялянская ніва» за 1927 г. сустракаецца матэрыял пад назвай «Да ведама беларускай вучнёўскай і студэнцкай моладзі», у якім падкрэсліваецца: «Ёсць магчымасць паехаць на навукі ў Амэрыканскія сярэднія і вышэйшыя школы для хлапцоў. Моладзь наша будзе прынята на поўнае ўтрыманне» [15, с. 3]. Аб'ява для беларускай моладзі ў газету была зроблена Віленскім аддзелам Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры, інфармацыя паўтаралася некалькі разоў у розных нумарах газеты «Сялянская ніва» (№ 37, 38 за 1927 г.). З артыкула вынікае, што для навучання ў сярэдняй школе ЗША беларускім юнакам неабходна было мець пэўны ўзровень адукацыі: 4 класы гімназіі ці 7 класаў пачатковай школы, а для залічэння ў студэнты патрэбна было здаць выпускныя экзамены, якія ў Польшчы мелі назву «матура». У газетным матэрыяле пералічваюцца спіс дакументаў для ўдзелу ў конкурсе. Тыповы для эміграцыі ў ЗША пералік дакументаў быў дастаткова доўгі і складаны ў падрыхтоўцы: заява, біяграфія, метрыка, пасведчанне аб адукацыі, пасведчанне аб стане здароўя, пасведчанне аб маральнасці, якое неабходна было падпісаць у святара ці ў афіцыйнай грамадскай установе.

Складана разважаць пра поспехі адукацыйнай праграмы ў ЗША, якую прапаноўваў Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры, бо не хапае гістарычных крыніц. Дзейнасць беларус-

кай дыяспары ў ЗША ў канцы 1920-х гг. губляе сваю дынаміку, што можна патлумачыць наступствамі сусветнага эканамічнага крызісу і эміграцыйнымі квотамі, якія мелі афіцыйную заканадаўчую базу.

Як ужо адзначалася, беларускімі эмігрантамі актыўна абмяркоўвалася пытанне адкрыцця нацыянальнай навучальнай установы за мяжой. На старонках прэсы дастаткова эмацыйныя, з пэўным энтузіязмам падобныя дыскусіі праводзіліся ў 1920-я гг. Асноўныя надзеі беларусаў замежжа былі звязаны з праектам адкрыцця Беларускага народнага ўніверсітэта ў Коўна і Беларускага настаўніцкага інстытута ў Празе. На вялікі жаль, пералічаныя адукацыйныя праекты не былі рэалізаваны. Настаўніцкі інстытут у Празе адкрыць не змаглі, бо не хапіла кваліфікаваных выкладчыцкіх кадраў і фінансавай падтрымкі. Беларускі народны ўніверсітэт у Літве, які працаваў пад кіраўніцтвам Беларускага культурна-асветніцкага таварыства, праводзіў дадатковыя заняткі толькі ў выглядзе кароткатэрміновых курсаў для дарослых. Установа не дала сваім слухачам вышэйшай адукацыі.

Значнымі палітычнымі цэнтрамі беларускай дыяспары ў міжваенны перыяд сталі Літва і Латвія. Развіццё беларускай нацыянальнай сістэмы адукацыі ў Латвіі пачалося з арганізацыі курсаў для настаўнікаў у Дзвінску. Нацыянальныя школы і гімназіі спрыялі развіццю культурна-асветніцкай работы сярод беларускага насельніцтва ў Латвіі, якое кампактна пражывала ў правінцыі Латгалія.

Асноўная частка беларускай моладзі ў Літве набывала вышэйшую адукацыю ў Ковенскім універсітэце. Варта падкрэсліць, што ўніверсітэцкая бібліятэка (якую ўзначальваў Вацлаў Біржышка) мела багатую калекцыю беларускіх кніг, падрыхтаваную да друку Беларускім выдавецтвам у Літве [16, с. 191]. У 1937 г. больш за 15 000 экзэмпляраў беларускіх выданняў было перададзена студэнтам-беларусам Ковенскага ўніверсітэта.

Заклучэнне. Такім чынам, эмігранцкі асяродак развіваў інтэлектуальны патэнцыял беларускай нацыі з ліку тых асоб, якія хацелі здабыць адукацыю, але былі абмежаваны ў правах па нацыянальнай прыкмеце ў Другой Рэчы Паспалітай. Уплывовыя студэнцкія асяродкі беларускай дыяспары былі створаны ў Чэхаславакіі, Італіі, Германіі, ЗША, Літве, Латвіі. Арганізацыі беларускай моладзі вызначаліся значным культурным патэнцыялам для нацыянальнай дыяспары, высокай ініцыятыўнасцю ў прымаючым грамадстве, шырокімі міжнароднымі кантактамі. Моладзь замежжа была накіравана на міжкультурны дыялог, актыўна ўдзельнічала ў міжнародных арганізацыях і праектах.

Літаратура

1. Доля матурыстых // Сялянская ніва. 1927. № 40. С. 1.
2. ЦНБ імя Я. Коласа НАНБ. Ф. 31. Воп. 1. Адз. зах. 967. Арк. 92.
3. Прывітаньне з Прагі // Беларускі Звон. 1922. № 13. С. 3.
4. ЦНБ імя Я. Коласа НАНБ. Ф. 31. Воп. 1. Адз. зах. 967. Арк. 54–55.
5. Сабеннікова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002. 431 с.
6. Акад. А. Карскі і амэрыканскія беларусы // Змаганьне. 1924. № 7. С. 4.
7. Студэнт. Беларусы ў Чэхіі // Сын Беларуса. 1924. № 10. С. 4.
8. Hryškiewiç F. Z gruçyny byćcia ũ Prazie Rektara Mienskaha Ŭniwersytetu, praf. Piçety / F. Hryškiewiç // Biełaruskaja Krynica. 1927. № 29. S. 1–2.
9. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 184. Арк. 9.
10. НАРБ. Ф. 459. Воп. 1. Спр. 5. Арк. 2.
11. Беларуская духоўная семінарыя ў Рыме // Сын Беларуса. 1924 г. № 35. С. 1.
12. Наріжний С. Українська еміграція. Культурна праця української еміграції між двома світовими війнами. Прага: Музеї визвольної боротьби України, 1942. 372 с.
13. Студэнцкая арганізацыя // Родны край. 1933. № 15. С. 6.
14. Беларус здабывае вышэйшую навуку // Змаганьне. 1923. № 9. С. 4.
15. Беларускі Інстытут Гаспадаркі і Культуры. Да ведама беларускай вучнёўскай і студэнскай моладзі // Сялянская ніва. 1927 г. № 37. С. 3.
16. Універсытэцкая бібліятэка ў Коўне // Калосьсе. 1935. Кн. 3. С. 191.

References

1. Fate of graduates. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 31, p. 3 (In Belarusian).
2. Yakub Kolas Central Scientific Library of NASB. Fund 31. I. 1. F. 967. L. 92.
3. Greeting from Prague. *Belaruski Zvon* [The Belarusian Ring], 1922, no. 13, p. 3 (In Belarusian).
4. Yakub Kolas Central Scientific Library of NASB. Fund 31. I. 1. F. 967. L. 54–55.
5. Sabennikova I. V. *Rossiyskaya emigratsiya (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoye issledovaniye* [Russian emigration (1917–1939): the comparative and typological research]. Tver, Zolotaya bukva Publ., 2002. 431 p.
6. Academician A. Karsky and American Belarusians. *Zmagan'ne* [The Struggle], 1924, no. 7, p. 4. (In Belarusian).
7. Student. Belarusian in Czech. *Syn Belarusa* [The Son of Belarusian], 1924, no. 10, p. 4 (In Belarusian).
8. Hryshkevish F. By the visit of rector of the Minsk University professor Picheta to Prague. *Belaruskaya krynitsa* [The Belarusian Source], 1927, no. 29, pp. 1–2 (In Belarusian).
9. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 184. L. 9.
10. NARB. Fund 459. I. 1. F. 5. L. 2.
11. The Belarusian theological seminary in Rome. *Syn Belarusa* [The Son of Belarusian], 1924, no. 35, p. 1 (In Belarusian).
12. Narizhny S. *Ukrayin'ska emigratsiya. Kul'turna pratsya ukrayin'skoyi emigratsiyi mizh dvoma svitovymy viynamy* [Ukrainian emigration. Cultural work of the Ukrainian emigration between two World wars]. Prague, Muzeji wizvolnoyi borot'by Ukrayiny Publ., 1942. 372 p.
13. Student's organization. *Rodnyiy Kray* [The Native Land], 1933, no. 15, p. 6 (In Belarusian).
14. The Belarusian gets higher education. *Zmagan'ne* [The Struggle], 1923, no. 9, p. 4 (In Belarusian).
15. The Belarusian Institute of Economy and Culture. For the Belarusian pupils and student's youth. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 31, p. 3 (In Belarusian).
16. University library in Kovno. *Kalos'se* [Ears], 1935, book. 3, p. 191 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Senior Lecturer, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Пасмуніў 14.03.2019

УДК 821.161.3 «1920/1930»

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**КУЛЬТУРНА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ БЕЛАРУСІЗАЦЫ
(1920-Я ГАДЫ)**

У артыкуле разглядаюцца пытанні правядзення нацыянальнай палітыкі, вядомай як беларусізацыя, прычыны з'яўлення да яе, асноўныя накірункі, адносіны да гэтай з'явы насельніцтва. Вытокі беларусізацыі – у разгортванні беларускага нацыянальнага руху, які пачынаўся як культурна-этнаграфічны, у праграмных палажэннях нацыянальных партый, у пошуку форм нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, што адбываўся ў сутыкненні розных поглядаў і меркаванняў. Сваю ролю тут адыграла і з'яўленне беларускага перыядычнага друку, дзейнасць урада БНР, абвясчэнне БССР. У 1920-я гады беларусізацыя набыла статус дзяржаўнай палітыкі.

Ключавыя словы: палітыка беларусізацыі, беларускі нацыянальны рух, перыядычны друк, дзяржаўная палітыка, нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва, беларускае насельніцтва.

I. U. Kolyada

Belarusian State Technological University

CULTURAL-POLITICAL PRECONDITIONS BELARUSIZATION (1920S)

The article deals with the issues of the national policy known as Belarusization, the reasons for the appeal to it, the main directions, the attitude to this phenomenon of the population. The origins of Belarus-in the deployment of the Belarusian national movement, which began as a cultural and ethnographic, in the program provisions of national parties, in the search for forms of national-state construction, taking place in a clash of different views and opinions. The appearance of the Belarusian periodical press, the activities of the BNR government, the proclamation of the BSSR also played a role here. In the 1920s, Belarus acquired the status of a state policy.

Key words: policy of Belarusization, Belarusian national movement, periodicals, state policy, national-state construction, Belarusian population.

Уводзіны. Беларусізацыя – палітыка нацыянальна-дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага будаўніцтва, што праводзілася ў 1920-я гады ў БССР. У сваім асноўным змесце яна з'явілася вынікам разгортвання беларускага нацыянальнага руху, які пачынаўся як культурна-этнаграфічны, калі пераважалі разрозненыя праявы навуковай, літаратурнай, культурна-асветніцкай дзейнасці сярод дробнай шляхты, уніяцкага духавенства, студэнтаў і выкладчыкаў Віленскага ўніверсітэта па вывучэнні мовы, культуры, звычайў, гістарычнага мінулага беларусаў. Гэтая дзейнасць была накіравана супраць афіцыйнай палітыкі самадзяржаўя, за змаганне з пагарднымі адносінамі да беларускай мовы, за аднаўленне культурных і гістарычных традыцый беларускага народа, супраціўленне наступствам паланізацыі і русіфікацыі, – усё гэта было своеасаблівым стыхійным пратэстам супраць ігнаравання самабытнасці беларускага этнасу, служыла абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці.

У канцы XIX ст. беларускі нацыянальна-вызваленчы рух дасягнуў новай якасці ў дзейнасці групы «Гоман». Беларускія студэнты, што ўваходзілі ў групу, спрабавалі тэарэтычна абгрунтаваць існаванне беларускай нацыі, патрабавалі

сацыяльнага і нацыянальнага разняволення беларускага народа, ажыццяўленне якога звязвалі з утварэннем федэрацыі свабодных раўнапраўных аўтаномных абласцей.

Асноўная частка. З'яўленне легальных беларускіх газет «Наша доля» і «Наша ніва», якія выступалі за нацыянальнае раўнапраўе беларускага народа, свабоднае развіццё яго культуры, стала буйной заваёвай на шляху росту нацыянальнай самасвядомасці, развіцця духоўнасці беларускага насельніцтва. Тут працавалі В. Ластоўскі, М. Багдановіч, Я. Колас, Я. Купала і іншыя, якія «выраслі ў народзе, ад народа не адарваліся, ім вядомы народныя патрэбы... яны ведаюць народ, і народ ведае іх, – ведае і верыць ім» [1, с. 158]. Дзякуючы працы гэтых людзей ўсё больш шырокія колы грамадства Беларусі разумелі неабходнасць самастойнага развіцця, дзяржаўнага самавызначэння беларускага народа.

У першай Першай сусветнай вайны, Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі беларуская нацыянальная ідэя была канкрэтызавана ў праграмных палажэннях нацыянальных партый, што актыўна ўключыліся ў барацьбу за стварэнне беларускай дзяржаўнасці. Трэба адзначыць, што пошук форм нацыянальна-дзяржаўнага

будаўніцтва праходзіў у становішчы сутыкнення поглядаў і меркаванняў. Так, кіраўнікі Паўночна-Заходняга абкама РКП(б) Мяснікоў А., Кнорын В., Ландэр К., Рагазінскі І. і іншыя лічылі, што беларускія губерні павінны ўвайсці ў склад РСФСР як Заходняя вобласць Расіі. Кіраўнік Часовага ўрада Беларусі, сакратар ЦК КП(б)Б Кнорын В., адстойваючы гэтую думку, напіша наступнае: «Мы лічым, што беларусы не з'яляюцца нацыяй, і што тыя этнічныя асаблівасці, якія іх аддзяляюць ад астатніх рускіх, павінны быць забытыя. Нашай задачай з'яўляецца не стварэнне новых нацый, а знішчэнне старых нацыянальных рагатак» [2, с. 13–14].

Такія погляды былі абумоўлены ідэяй адзінай і непадзельнай Расіі, адзінага народа, у склад якога павінны былі ўвайсці ўсе суседнія народы. І зразумела, што пакуль такая думка заставалася пануючай у кіруючых колах, усялякія спробы беларусізацыі былі асуджаны на правал.

Спадзеючыся пабудаваць самастойную Беларусь у згодзе з «Дэкларацыяй правоў народаў Расіі», дзеячы беларускага нацыянальнага руху робяць спробы стварыць свае органы ўлады, якія б абаяліся на самыя шырокія масы працоўных. У лістападзе 1917 г. выканкамы Вялікай Беларускай Рады, Цэнтральная Белвайскарады выдалі адозву «Да ўсяго народа беларускага», у якой прапанавалі праграму нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва. Прадугледжвалася, у прыватнасці, абвясчэнне Беларусі дэмакратычнай рэспублікай і яе федэрацыя з Расіяй і іншымі суседнімі рэспублікамі, з адпаведным размежаваннем правоў краёвых і федэральных улад, перадача ўлады на Беларусі Краёвай радзе; фарміраванне беларускага нацыянальнага войска і інш. Вялікая Беларуска Рада звярталася да ўсяго народа з заклікам узяць у свае рукі кіраванне краем. А для арганізацыі такой улады адозва аб'яўляла скліканне з'езда прадстаўнікоў беларускага народа (Першы Усебеларускі з'езд працаваў у Мінску ў снежні 1917 г.).

Незалежніцкія тэндэнцыі ў беларускім руху ўзмацніліся пасля падпісання Савецкай Расіяй Брэсцкага міру (1918 г.), падзелу Беларусі ў выніку якога завяршылася канчатковае выспяванне і самавыяўленне ідэі суверэннай Беларускай дзяржавы. Зразумела, што дасягнуць рэальнай незалежнасці, калі тэрыторыя краіны знаходзілася пад акупацыяй нямецкіх войскаў, было немагчыма. Тым не менш акупацыйныя ўлады перадалі ў распараджэнне Рады БНР пытанні гандлю, прамысловасці, знешняй палітыкі і культуры.

Адразу ж пасля абвясчэння БНР Народны сакратарыят прыняў пастанову аб дзяржаўным статусе беларускай мовы. Вельмі важным было

адраджэнне беларускай школы (у 1918 г. беларускіх пачатковых школ налічвалася ўжо 350 [3, с. 227]). Адбывалася развіццё сярэдняй і вышэйшай школы. Дзейнічала гімназія ў Слуцку, у Мінску была адчынена Вышэйшая музычная школа (у далейшым пераўтвораная ў Беларускаю кансерваторыю), створана камісія па падрыхтоўцы адкрыцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на чале з М. Доўнар-Запольскім.

Першачарговай задачай была падрыхтоўка педагагічных кадраў для школ.

І красавіка 1918 г. пачалі дзейнічаць курсы беларусазнаўства, дзе чыталіся лекцыі па гісторыі Беларусі, беларускай літаратуры, географіі, гісторыі беларускага права, беларускай мове.

Важную ролю ў справе культурнага адраджэння выконваў перыядычны друк. На старонках «Вольнай Беларусі», «Беларускага шляху» і іншых газет і часопісаў, якіх у 1918 г. выходзіла каля 20, адлюстроўваліся найважнейшыя падзеі грамадскага жыцця, друкаваліся творы Ф. Багушэвіча, Я. Купалы, А. Гаруна, Л. Лёсіка, А. Луцкевіча.

У маі 1917 г. па ініцыятыве А. Лявіцкага было створана Першае Таварыства Беларускай драмы і камедыі, якое ўзначаліў Ф. Ждановіч, і якое праз год было рэарганізавана ў Беларускі дзяржаўны тэатр.

Такім чынам, дзейнасць БНР з'явілася важным этапам культурна-нацыянальнага адраджэння. Бясспрэчны ўклад дзеячоў БНР у развіццё беларускай мовы, культуры, асветы, падрыхтоўку беларускіх нацыянальных кадраў, у фарміраванне нацыянальнай свядомасці беларусаў. Культурная спадчына БНР у значнай сваёй частцы была ўключана ў працэс будаўніцтва Савецкай Беларусі, у палітыку беларусізацыі 1920-х гг., у ажыццяўленні якой самы актыўны ўдзел прымуць былія дзеячы БНР, такія як М. Доўнар-Запольскі, А. Смоліч, Я. Лёсік, А. Цвікевіч, С. Некрашэвіч.

За межамі Беларусі, на тэрыторыі Расіі значную падрыхтоўчую працу па ўтварэнні Беларускай дзяржавы веў Беларускі нацыянальны камісарыят пры Народным камісарыяце па справах нацыянальнасцяў РСФСР. Дзейнасць яго пад кіраўніцтвам А. Чарвякова, З. Жылуновіча разгорталася больш у культурна-асветніцкім і агітацыйным накірунку. Белнацкам разгарнуў актыўную работу сярод беларусаў-бежанцаў, стварыў у іх асяроддзі розныя культурна-асветніцкія ўстановы, клубы, гурткі, курсы (Беларускае навукова-культурнае таварыства, клуб «Беларус» у Маскве, Беларускае вольна-эканамічнае таварыства, «Беларуская хатка» ў Петраградзе).

Па ініцыятыве Белнацкама з ліпеня 1918 г. у Маскве працаваў Беларускі народны ўніверсітэт, заняткі якога наведвалі пераважна школьныя

настаўнікі Беларусі. Была заснавана першая савецкая газета на беларускай мове – «Дзяніца», на старонках якой друкаваліся беларускія мастацкія творы, матэрыялы, якія асвятлялі дзейнасць Белнацкама, дакументы пра палітычную і культурна-асветніцкую работу ўрада БНР.

Пасля ўтварэння Беларуска-Літоўскай рэспублікі ў 1919 г. З. Жылуновіч, А. Чарвякоў і іх прыхільнікі, абураныя абкарнаннем тэрыторыі Беларусі, наравілі ў ЦК РКП(б) пісьмо, у якім выказалі пратэст супраць тэрытарыяльнага падзелу рэспублікі, вынікам чаго стала абвінавачванне на I Усебеларускім з'ездзе Саветаў у несвачасовай пастаноўцы пытання аб утварэнні Беларускай савецкай дзяржаўнасці і выключэнне са складу ўрада БССР.

Аднак абысці, замаўчаць беларускае пытанне ўжо было немагчыма. Гэта добра разумелі і ва ўрадзе Літоўска-Беларускай ССР, пацвярджэннем чаго стаў Дэкрэт аб дзяржаўных мовах, згодна з якім мовы беларуская, літоўская, польская, руская і яўрэйская аб'яўляліся агульнадзяржаўнымі. Тады ж Наркамат асветы прыступіў да беларусізацыі школ.

Пасля паўторнага абвясчэння ССРБ у ліпені 1920 г. хутка высветлілася, што рэспубліка ўзнаўляецца толькі на базе шасці паветаў Мінскай губерні, і, фактычна, беларусам была прадстаўлена культурна-нацыянальная аўтаномія ў межах гэтай губерні. З гэтага моманту пытанне аб пашырэнні тэрыторыі рэспублікі становіцца адным з галоўных у дзейнасці камуністаў-беларусаў, дзеячоў культуры і беларускага нацыянальнага руху.

Настойлівыя патрабаванні кіраўніцтва Беларусі вымусілі Прэзідыум ЦВК РСФСР прыняць пастановы (у 1924 г. і ў 1926 г.) аб перадачы БССР тэрыторыі, дзе пражывала пераважна беларускае насельніцтва (шэраг паветаў Віцебскай, Гомельскай і Смаленскай губерняў). У выніку ўзбуйнення тэрыторыі Беларусі перавысіла 125 тыс. км², на якой жыло каля 5 млн чалавек. Такая колькасць насельніцтва давала ўжо падставы лічыць сябе немалой нацыяй, ставіць перад сабой вяліка-маштабныя задачы па эканамічным і культурным развіцці, ад паспяховага рашэння якіх залежаў і рост нацыянальнай свядомасці беларусаў.

Такім чынам, уз'яднанне Беларусі стала адной з галоўных перадумоў беларусізацыі, падмурак якой быў створаны у працэсе разгортвання беларускага нацыянальнага руху. Практычныя вынікі дзейнасці ўрада БНР па культурна-нацыянальным адраджэнні і дзейнасць Белнацкама ў гэтым накірунку фактычна стварылі першапачатковую базу, на аснове якой і будзе разгортвацца беларусізацыя.

У выніку абвясчэння Беларусі суверэннай дзяржавай адна з асноватворных ідэй

нацыянальнага самавызначэння атрымала практычнае ўвасабленне, што адкрыла шырокае магчымасці для самастойнага развіцця народа, яго эканомікі і культуры. Кіраўніцтва БССР разумела, што ўсе праблемы – і эканамічныя, і сацыяльныя, і нацыянальныя – трэба вырашаць у комплексе, паколькі абстрактнае адных вяло да абстрактнага другіх.

На ўзровень дзяржаўнай палітыка беларусізацыі фактычна была ўзнята пасля рашэнняў X і XII з'ездаў РКП(б) (1921 г., 1923 г.) з дакладным замацаваннем у адпаведных законах. Асноўныя канцэптуальныя падыходы і кірункі гэтай палітыкі былі вызначаны яшчэ беларускім нацыянальным рухам, і многія з ідэй беларусізацыі ўжо тады пачалі ажыццяўляцца.

У снежні 1920 г. па ініцыятыве загадчыка аддзела Наркамата асветы Іллючонка П. былі адкрыты курсы беларусазнаўства для падрыхтоўкі настаўнікаў беларускіх пачатковых школ. Загадчыкам курсаў быў Я. Лёсік, у мінулым адзін з актыўных дзеячоў Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі. Пад яго рэдакцыяй у Мінску ў 1917–1918 гг. выходзіла газета «Вольная Беларусь» на беларускай мове, на старонках якой ён выступаў за адраджэнне нацыянальнай свядомасці, роднай мовы і Беларускага краю. Ужо ў 1920-я гг. Я. Лёсік чытаў лекцыі ў БДУ, друкаваўся шмат у якіх часопісах, стаў аўтарам граматыкі і правапісу беларускай мовы («Практычная граматыка беларускай мовы», «Беларуская мова. Правапіс»).

Яшчэ адзін дзеяч гэтай партыі – У. Ігнатоўскі (са снежня 1920 г. – народны камісар асветы БССР) ужо ў канцы 1920-га года прапанаваў перавесці справаводства свайго наркамата на беларускую мову, што ў хуткім часе і было зроблена.

Найбольш далёка ў гэтай справе пайшоў намеснік наркама замежных спраў А. Бурбіс, які стаў ініцыятарам беларусізацыі ў сваім наркамате. Там ужо ў 1921 г. усё справаводства было пераведзена на беларускую мову.

У лютым 1921 г. на II сесіі ЦВК БССР быў прыняты шэраг пастаноў, якія шмат у чым прадвызначылі ўвесь наступны ход беларусізацыі. Так, быў пацверджаны дэкрэт урада Беларуска-Літоўскай ССР аб раўнапраўі ў якасці дзяржаўных беларускай, рускай, яўрэйскай і польскай моў, намечаны меры па стварэнні сістэмы дашкольнага выхавання і школьнай адукацыі, прафесійна-тэхнічных вучылішчаў і тэхнікумаў. Ставіліся практычныя пытанні аб выдавецтве, аб падтрыманні літаратураў і вучоных, што працавалі на мясцовых мовах Беларусі [4, с. 78–79].

Але такія справы былі больш цікавымі эпізодамі, вынікам уласнай ініцыятывы асобных людзей, чым мэтанакіраванай палітыкай

улады на Беларусі. Ва ўмовах савецкай сістэмы, якая характарызувалася выключнай кіруючай пазіцыяй камуністычнай партыі, мясцовыя ініцыятывы толькі тады маглі мець поспех, калі яны адпавядалі канкрэтным цэнтральным партыйным дырэктывам.

Прынцыпы палітыкі беларусізацыі фактычна былі сфармуляваны ў 1923 г. на VII з'ездзе КП(б)Б (у сакавіку) і на пленуме ЦБ КП(б)Б (у ліпені), дзе вызначаўся комплекс мер па гаспадарчым адраджэнні краю, тэрытарыяльным самавызначэнні беларускага народа, развіцці беларускай мовы і нацыянальнай культуры, вылучэнні і выхаванні кадры партыйнага, дзяржаўнага, прафсаюзнага апаратаў, што адкрывала шырокія магчымасці для ажыццяўлення ідэй беларускага адраджэння.

Пры распрацоўцы і ажыццяўленні беларусізацыі неабходна было ўлічваць шматнацыянальны склад насельніцтва Беларусі, яго своеасаблівае рассяленне на тэрыторыі рэспублікі. Па перапісе 1926 г. доля беларусаў складала 80,6%, яўрэяў – 8,2%, рускіх – 7,7%, палякаў – 2%, украінцаў – 0,7% і інш. [5, с. 60]. Трэба было ўлічваць і тое, што беларусы галоўным чынам пражывалі ў вёсках, яўрэі, у сілу існаваўшай пры царызме рысы аселасці, – у мястэчках і гарадах і складалі часам да 40–60% колькасці іх жыхароў. У гарадах у большасці пражывалі і рускія, хаця нямала іх было і ў сёлах. Астатнія нацыянальныя меншасці жылі як у гарадах, так і ў вёсках, утвараючы нярэдка даволі кампактныя групы.

Такое рассяленне стварала свайго роду нацыянальны разрыў паміж горадамі і вёскамі, а таксама ўносіла спецыфіку ў моўнае становішча – рускамоўны горад і беларускамоўная вёска.

Неабходна адзначыць таксама нізкі эканамічны ўзровень развіцця Беларусі, павялічаны вайной і разрухай, якому спадарожнічаў жабрацкі ўзровень дабрабыту народа. Гаспадарчая адсталасць Беларусі і русіфікатарская палітыка царскага ўрада адбілася на культурным развіцці беларусаў. Падняць культурны ўзровень жыхароў, а тым самым павысіць сацыяльную актыўнасць насельніцтва было адной з асноўных задач нацыянальнай палітыкі.

Яшчэ адной асаблівасцю ажыццяўлення нацыянальнай палітыкі на Беларусі была непарцыянальна нізкая доля беларусаў у партыйных, савецкіх, гаспадарчых органах улады і кіравання, што па-свойму ўскладняла выпрацоўку і правядзенне нацыянальнай палітыкі. Беларусізацыя пачыналася тады, калі гэтая доля не дасягала і паловы. Такія суадносіны ў кіруючых органах тлумачацца ў першую чаргу тым, што яўрэі і рускія, якія пражывалі ў асноўным у гарадах і мястэчках, мелі больш магчымасцей атрымліваць добрую адукацыю. Невыпадкова

пагодле перапісу 1926 г. самая значная колькасць пісьменных сярод розных нацыянальнасцей Беларусі была ў яўрэяў – 70%, трохі менш у палякаў і рускіх – 50% і 49% адпаведна, у беларусаў – 36% [6, с. 60–61]. Пры распрацоўцы палітыкі беларусізацыі на кадраве пытанне будзе звернута асабліва ўвага.

Афіцыйны статус дзяржаўнай палітыка беларусізацыі атрымала з прыняццем на II сесіі ЦВК БССР (у ліпені 1924 г.) пастановы «Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі», згодна з якой раўнапраўнымі на тэрыторыі Беларусі абвешчаны беларуская, руская, яўрэйская і польская мовы [7, с. 7–8]. Да гэтага часу на Беларусі ўжывалася пераважна руская мова. Беларуская мова выконвала мізэрны аб'ём сацыяльных функцый, нягледзячы на тое, што карэннае насельніцтва складала 80%. Для ўжывання яўрэйскай і польскай моў таксама не знаходзілася месца ў грамадскім жыцці, хаця на іх носьбітаў прыпадаў значны працэнт у агульным складзе насельніцтва Беларусі.

Палітыка беларусізацыі складалася з дзвюх узаемазалежных частак – нацыяналізацыі і карэнізацыі. Першая азначала шырокае развіццё беларускай культуры (школы, ВНУ на беларускай мове, выданне кніг, навукова-даследчая работа па ўсебаковым вывучэнні Беларусі і г. д.), увядзенне беларускай мовы практычна ў кожную галіну грамадска-палітычнага і эканамічнага жыцця (перавод на беларускую мову партыйнага, дзяржаўнага, прафсаюзнага, кааператыўнага апаратаў і часцей Чырвонай арміі). А другая – вылучэнне прадстаўнікоў карэннага насельніцтва на партыйную, савецкую, прафсаюзную і грамадскую работу, прычым такое вылучэнне адбывалася не па нацыянальнай прыкмеце (беларус – не беларус), а па дзелавых якасцях, веданні ўмоў і асаблівасцей Беларусі, дасканальным валоданні беларускай і рускай мовамі. Адсюль і назва гэтага накірунку – карэнізацыя, якая датычылася не толькі беларусаў, але і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей.

Яшчэ адна характэрная рыса беларусізацыі – тое, што не засталіся без увагі інтарэсы тых нацыянальных меншасцей, якія жылі на тэрыторыі Беларусі. Іх патрэбам надавалася значная ўвага ў шматлікіх пастанавах і рашэннях, што прымаліся адносна беларусізацыі. Беларускія нацыянальна-дэмакратычныя дзеячы, у т. л. і савецкага перыяду, добра разумелі, што поспехі на шляху нацыянальнага адраджэння будуць залежаць ад таго, як успрымуць палітыку беларусізацыі іншыя этнічныя супольнасці Беларусі: не можа быць свабоднай і паважанай нацыя, якая сама не паважае правоў іншых народаў, тым больш калі апошнія з'яўляюцца нацыянальнымі меншасцямі. Адносіны да іх мовы і культуры былі аналагічнымі адносінам да беларускай мовы

і культуры. Іх развіццё падтрымлівалася, забяспечвалася матэрыяльна і арганізацыйна. І дзякуючы гэтаму некарэннае насельніцтва ў аснове сваёй прыхільна ставілася да беларусізацыі.

Заклучэнне. На працягу 1924–1925 гг. распрацоўка праграмы беларусізацыі ў цэлым была завершана. У далейшым яна неаднаразова ўдакладнялася і дапаўнялася. Але асновы беларусізацыі, яе галоўныя напрамкі былі распрацаваны да 1925 г. Гэты першы этап беларусізацыі амаль цалкам быў адданы ідэалагічнай падрыхтоўцы, тлумачэнню ў шырокіх колах насельніцтва мэтай і задач беларусізацыі.

У гэты час праз газеты і часопісы даволі абгрунтавана і канкрэтна тлумачылася неабходнасць беларусізацыі. Каб лепш падрыхтаваць разнамоўных людзей да гэтай падзеі, у

рускіх перыядычных выданнях, якія павінны былі перайсці на беларускую мову, напрыклад, загадзя пачалі друкаваць на ёй матэрыялы, каб людзі паступова авалодвалі родным словам карэннага насельніцтва.

Такім чынам, палітыка беларусізацыі была добра распрацавана і разлічана на доўгі перыяд. Маючы сваёй мэтай развіццё беларускай культуры, адраджэнне нацыянальнай мовы, яна стала вызначальнай рысай усяго грамадскага развіцця БССР 1920-х гг. У яе ажыццяўленні ўдзельнічалі тысячы людзей: партыйных, камсамольскіх, прафсаюзных дзеячаў, настаўнікаў, прадстаўнікоў інтэлігенцыі. Беларусізацыя дала вялікую надзею на рэалізацыю ідэй нацыянальна-культурнага будаўніцтва, якія ў другой палове 1920-х гг. знайшлі сваё ўвасабленне на практыцы.

Літаратура

1. Лыч Л. Беларуская нацыя і мова. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. 227 с.
2. Асіноўскі С. Кнорын: «Мы лічым, што беларусы не з'яўляюцца нацыяй...» // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 4. С. 12–15.
3. Мазец В. За сваё кроўнае // Маладосць. 1994. № 5. С. 224–231.
4. Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск: Беларускае выд-ва, 1927. 137 с.
5. Будзін Ш. А. Нацыянальнае пытанне. Мінск: Дзяржаўнае выд-ва Беларусі, 1932. 392 с.
6. Два гады нацыянальнай работы ў БССР: збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальнаму пытанню. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР, 1929. 167 с.
7. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР: у 2 ч. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР, 1928. Ч. 1: Беларусізацыя. 152 с.

References

1. Lych L. *Belaruskaya natsyya i mova* [Belarusian nation and language]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1994. 227 p.
2. Asinouski S. Knorin: “We believe that the Belarusians do not zyavdyayutstva nation...”. *Belaruskaya minuushchyna* [Belarusian history], 1995, no. 4. pp. 12–15 (In Belarusian).
3. Mazets V. During his blood. *Maladosts'* [Youth. Number], 1994, no. 5, pp. 224–231 (In Belarusian).
4. Charvyakou A. *Za Savetskuyu Belarus'* [For Soviet Belarus]. Minsk, Belaruskaye vydavetstva Publ., 1927. 137 p.
5. Budzin Sh. A. *Natsyyanal'naye pytanne* [The national question]. Minsk, Dzyarzhhaunaye vydavetstva Belarusi Publ., 1932. 392 p.
6. *Dva gady natsyyanal'nay raboty u BSSR: zbor pramou, artykulau i rezalyutsyy pa natsyyanal'namu pytanju* [Two years of national work in the BSSR: the collection of speeches, articles and resolutions on the national question]. Minsk, Vydavetstva Natskamisii TsVK BSSR Publ., 1929. 167 p.
7. *Praktychnaye vyrashenne natsyyanal'naga pytan'nya u BSSR. U 2 ch. Ch. 1. Belaruszatsyya* [The practical solution of the national question in the Byelorussian SSR. In 2 parts. Part 1. Belarusization]. Minsk, Vydavetstva Natskamisii TsVK BSSR Publ., 1928. 152 p.

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь).

Information about the author

Kolyada Ina Uladzimiraua – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Паступіў 12.03.2019

УДК 341.222(476)«1920/1921»

Л. И. Шанец

Институт пограничной службы Республики Беларусь

**СОЗДАНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ В БССР В 1920–1921 ГГ.**

В статье на основе нормативных правовых документов, а также архивных источников рассматриваются вопросы создания и становления пограничной охраны на территории БССР. Автор анализирует вопросы поиска оптимальной системы охраны государственной границы в условиях борьбы за политические, экономические и военные интересы советского государства в 1920-х гг. Сделан вывод, что передача пограничной охраны в военное ведомство или полное ее расформирование в тех условиях способствовали выполнению задачи, которая стояла перед советским руководством – защитить страну от вторжения крупных бандитских формирований.

Ключевые слова: пограничная охрана, Западный фронт, Особый отдел ВЧК, государственная граница.

L. I. Shanets

The Institute of Border Guard Service of the Republic of Belarus

**CREATION AND IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF THE PROTECTION
OF THE STATE BORDER IN THE BSSR IN 1920–1921**

The establishment and developing state border protection system of BSSR. In the article, based on regulatory and legal acts and archive sources examines issues establishment and developing state border protection system of BSSR. Author addresses issues finding an optimal system state border protection when competing for political, economic and military interests of Soviet State in 1920. It was considered that transference of Frontier Guard into the military establishment or its complete dissolution in the conditions facilitate the tasks, that faced the Soviet leadership – protecting the country from large bands invasion.

Key words: border security, Western Front, Special Department of the Cheka, the state border.

Введение. Западный фронт в 1920 г. стал главным фронтом Красной Армии. Именно ему высшее руководство большевиков поручило нанести основной удар по противнику, разгромить польские войска, занять Варшаву и нести дальше в европейские страны знамена пролетарской революции. Однако битва за Варшаву показала, что большевики переоценили собственные силы и недооценили национальный патриотизм поляков. В результате заключения договора о предварительных условиях мира и перемирия была установлена государственная граница между Россией, Белоруссией и Украиной с одной стороны, и Польшей, с другой стороны. По мере отхода польских войск от границы на ее охрану вставали части Красной Армии.

Основная часть. На польском фронте боевые действия были прекращены 18 октября 1920 г., и войска Западного фронта взяли под охрану государственную границу с Латвией от деревни Вупули Себежского уезда Витебской губернии и далее на юг линию границы с Польшей. Северный участок государственной границы с Польшей в своей зоне ответственности с 4 ноября 1920 г. был принят под охрану 5-й стрелковой дивизий 16-й армии Западного

фронта. Штаб 5-й дивизии размещался в Полоцке, 13-я бригада в местечке Камень, 14-я – в Шелково и 15-я – в местечке Паульин [1, с. 86].

Но следует отметить, что такая система охраны границы существовала всего несколько месяцев. В связи с тем, что приграничные районы сразу же оказались охвачены бандитизмом, одним из направлений которого было проведение шпионажа в интересах иностранных приграничных государств, на первый план была выдвинута политическая охрана границ.

Опыт охраны границ, накопленный в годы гражданской войны, показал, что успешно охранять границу без проведения агентурно-оперативных мероприятий по борьбе с бандитами, шпионами и контрабандистами невозможно, а данного опыта у полевых частей Красной Армии не было. Поскольку агентурно-оперативную работу в то время проводили органы чрезвычайных комиссий, встал вопрос о необходимости передачи охраны государственных границ Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Также одним из факторов передачи границы в ведение ВЧК была внешняя политика РСФСР, а впоследствии и СССР. Преследуя цель распространения мировой революции, партийное и

советское руководство оказывало революционным организациям в сопредельных странах помощь деньгами и нередко оружием. Через границу на территорию сопредельных государств нелегально переправлялись сотрудники ВЧК, военные разведчики, агенты Коминтерна, засылалась коммунистическая литература. В начале 20-х годов на границе открыто велась коммунистическая пропаганда среди пограничников сопредельных государств, беженцев и военнопленных, возвращавшихся из России на родину.

Ввиду вышесказанного, постановлением Совета труда и обороны (СТО) от 24 ноября 1920 г. отменялось его постановление от 14 июля 1920 г. и охрана всех границ РСФСР возлагалась на Особый отдел ВЧК по охране границ, который, несмотря на данное постановление, в структуре ее центрального аппарата создан не был. Особые отделы охраны отдельных границ подчинялись особому отделу ВЧК, возглавляемому с 20 июля 1920 г. В. Р. Менжинским. В ведении Наркомвнешторга остались только таможенный надзор за экспортом, импортом и провозом багажа пассажиров через границу.

Войска внутренней службы (ВНУС), обслуживающие Особый отдел по охране границ и таможи Наркомвнешторга, несли службу по Гарнизонному и Полевому уставам Красной Армии, а также на основании совместно вырабатываемых на этот предмет заинтересованными ведомствами специальных инструкций. Особые отделы по охране границ осуществляли возложенную на них охрану путем выставления в пограничной полосе заградительных постов. Заградительные посты особого отдела объединялись в пограничные участки, при которых находились воинские части войск ВНУС, выполнявшие оперативные задания постов [2, с. 1].

На основании постановления СТО от 24 ноября 1920 г. и в соответствии с приказом ВЧК «О реорганизации охраны границ РСФСР» от 27 декабря 1920 г. охрана всей границы с Польшей возлагалась на Особый отдел Западного фронта, который стал именоваться как Особый отдел охраны польской границы. Район охраны польской границы имел протяженность от озера Освея в Витебской губернии (исключительно) до села Гусятин в Украине (включительно), т. е. практически до границы с Румынией. Охрана Северного пограничного участка возлагалась на Особый отдел 16-й армии, который должны были переформировать для этой цели. Для охраны Южного пограничного участка необходимо было сформировать районный особый отдел из особых отделов 3-й и Запасной армий Западного фронта. Также предписывалось Особому отделу 12-й армии для

охраны границ с Польшей сформировать два пограничных участков особотделения, которые передать Особотделу охраны польской границы.

Особый отдел охраны западной границы был переименован в Особый отдел охраны эстонско-латвийской границы. Район охраны протяженностью от деревни Ропша (включительно) до озера Освея (включительно) [3, с. 167].

30 ноября 1920 г. был издан совместный приказ Народного комиссара внешней торговли и начальника Особого отдела ВЧК о приеме охраны границ от Внешторга и о передаче войск, несущих охрану границ, в распоряжение командующего войсками ВНУС БССР.

Также в целях реализации постановления СТО от 24.11.1920 в соответствии с приказом начальника Особого отдела ВЧК от 01.12.1920 «О реорганизации охраны границ РСФСР» всем особым отделам предписывалось обследовать и изучить характерные особенности, политическое и территориальное значение вверенной их охране пограничной полосы. В соответствии с результатами обследования пограничные районы разбивались на пограничные участки. Руководство охраной каждого участка возлагалось на пограничное участковое отделение. Пограничные участки, в свою очередь, разбивались на пограничные заградительные посты [3, с. 166].

На западной границе начали формироваться подразделения ВЧК для охраны границы с Польшей. Так, с декабря 1920 г. в местечке Житковичи начало функционировать Пограничное особое отделение № 5 с приданными ему 160-м, 161-м пограничными батальонами ВЧК и командами всего около 2000 чел. [4, с. 10]. Обстановка в батальонах была сложной. Голодные и раздетые красноармейцы творили беззакония, командный состав также не отставал, был груб по отношению к красноармейцам, забирал, что только можно из их скудного, до 40% не получаемого пайка. Разгул красноармейцев не пресекался ни политической, которая не проводилась, ни командным составом. Местное население было отдано на произвол. Задержанные нарушители границы избивались, а контрабанда присваивалась [5, с. 79].

В целях сокращения численности Красной армии и сосредоточения всей вооруженной силы БССР в одном ведомстве, постановлением СТО от 19 января 1921 г. войска ВНУС, за исключением войск Чрезвычайной комиссии, а также железнодорожной и водной милиции, передавались в Военное ведомство. Этим же постановлением все части и отряды, состоящие в ведении ВЧК, сводились в особый вид войск – войска Всероссийской чрезвычайной комиссии. На войска ВЧК были возложены, кроме всего, и обязанности охраны границы РСФСР [6, с. 93].

Исходя из Основных положений организации войск ВЧК от 29 января 1921 г., войска ВЧК обслуживали особые отделы по охране границ, в порядке управления объединялись по каждой границе и подчинялись начальнику особого отдела Западного фронта, который управлял войсками подведомственной ему границы через начальника войск ВЧК этой границы. Ввиду того, что Особый отдел ВЧК по охране границ в структуре центрального аппарата создан не был, а организованные особые отделы охраны отдельных границ подчинялись Особому отделу ВЧК, 5 февраля 1921 г. приказом по войскам ВЧК «Об изменениях в организации охраны границы» во изменение приказа ВЧК № 182, § 1 охрана границ с Польшей была возложена на Особый отдел Западного фронта. Особому отделу Западного фронта для охраны границ приказывалось выделить пять пограничных особых отделений в городах Полоцке, Лепеле, Минске, Слуцке и Житковичах [3, с. 466].

В декабре 1920 г. по рекомендации Ф. Э. Дзержинского начальником войск и комиссаром ВЧК по охране западных границ был назначен П. М. Борович, который в годы Гражданской войны командовал 15-й и 7-й кавалерийскими дивизиями. Участвуя в боях против интервентов и белогвардейцев на Восточном, Южном и Юго-Западном фронтах, П. М. Борович отличался выдающейся храбростью, за что был награжден орденом Красной Звезды и золотыми часами [7, с. 162].

Новый этап по формированию Западной границы начался с подписанием Рижского мирного договора между РСФСР и УССР (БССР делегировала свои права делегации РСФСР), с одной стороны, и Польшей – с другой, 18 марта 1921 г. Начало формироваться Управление войск ВЧК Западной границы БССР под руководством начальника войск Боровича П. М. Этот процесс носил затяжной характер, так как первый приказ по управлению вышел лишь 21 июня 1921 г. Штаб управления дислоцировался в Смоленске [8, с. 162]. Части, которые должны были стать на охрану границ, также передавались из Военного ведомства очень медленно. На 21 апреля 1921 г. на охрану границ переданы были полностью только части, предназначенные для охраны границ Западного фронта и Украины.

Было издано Положение об организации войск ВЧК от 10 июля 1921 г., на основании которого переданные особым отделам границ части объединялись для лучшего их использования в бригады, подчиненные начальнику войск границы.

Непосредственную войсковую охрану государственной границы с Польшей на территории

Витебской губернии РСФСР и Белоруссии осуществляли подразделения 20-й и 21-й отдельных пограничных бригад.

Управлениям войск ВЧК подчинялись также внутренние отдельные батальоны. Управлению войск ВЧК Западной границы, помимо 20-й и 21-й пограничных бригад, подчинялись 39, 40, 41, 42-й отдельные батальоны войск ВЧК, которые располагались в Гомеле, Минске, Витебске и Смоленске соответственно.

Передача охраны границ в ведение ВЧК открывала новый этап в становлении и развитии пограничной охраны. Это также давало возможность ВЧК лучше координировать деятельность своих органов по борьбе с контрреволюцией и шпионажем на всей территории страны. Поскольку Ф. Э. Дзержинский являлся Председателем ВЧК и Народным комиссаром внутренних дел, осуществлялось четкое взаимодействие между особыми отделами ВЧК по охране границ и войсками ВЧУС, находившимися в ведении НКВД и являвшимися войсковой составляющей по охране границ.

Подразделения 20-й пограничной бригады охраняли государственную границу с Польшей и частично с Латвией, проходящую по территории Витебской губернии РСФСР. Управление 20-й пограничной бригады дислоцировалось в г. Полоцке. По штату бригада состояла из шести батальонов (150–155-го), одного кавалерийского полка и двух эскадронов. В состав бригады входило Управление военно-продовольственного снабжения, которое занималось продовольственно-фуражным и хозяйственным снабжением частей бригады. 21-я пограничная бригада под руководством командира и военкома бригады Ведерникова (с 07.10.1921 Спиркова – Ордынского) охраняла государственную границу с Польшей, проходившую по территории Белоруссии, с местом дислокации штаба бригады под руководством Политого в Слуцке. Приказ по бригаде № 1 вышел 1 июня 1921 г. Приказом № 1с от 18.08.1921 она была из Отдельной переименована в пограничную и стала называться «21-я пограничная бригада войск ВЧК». В состав бригады входило шесть батальонов – 156–161-й, три кавалерийских эскадрона, один полк и школа. 20-й кавалерийский полк в состав бригады был принят 3 августа 1921 г. По состоянию на 19 мая 1921 г. общая численность двух бригад составляла 6279 человек, из которых 804 были кавалеристами.

Частые боевые столкновения с бандами происходили в нейтральной зоне, созданной между Белоруссией и Польшей на основании Договора о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, от 12 октября

1920 г. [9, с. 755]. В первые месяцы 1921 г. бандитизм в Белоруссии не имел широкого распространения (на территории Польши тогда еще формировались и готовились к засылке через границу бандитские шайки) и носил в целом неорганизованный характер. Погромные налеты отмечались прежде всего в районах, где отступали к польской границе недобитые осенью 1920 г. балаховцы, и особенно в Мозырском уезде. Из 40 бандитских вылазок, совершенных в то время в пределах Белорусской Республики, 30 приходилось на этот уезд. 29 из них были организованы бандами Балаховича.

Однако уже в марте 1921 г. на территории Польши, недалеко от границы с Белоруссией, были сформированы значительные антисоветские силы. В Докшицах, например, находилось около 6 тыс. бандитов, у Свенцяна – до 2500 человек, у Лунина – более 4000 человек, несколько сот бандитов насчитывалось в других пограничных районах. Эти банды совершали убийства, грабежи и диверсии. Во второй половине марта они сожгли в Минске мельницу и лесопильный завод. В пограничных районах Белоруссии тоже велась нелегкая борьба с бандитами. Крупная шайка грабителей и убийц во главе с Галаком свирепствовала в Чериковском уезде. Банда Котова сожгла и разграбила местечко Краснополье. Пограничники настигли и полностью разгромили их. В июле 1921 г. в Игуменском уезде бесчинствовали более 1000 бандитов [10, с. 95]. Обстановка по борьбе с бандитизмом в Белоруссии изучалась и центральными органами страны, так, в начале июля 1921 г. с этой целью в Минске находился Главнокомандующий Вооруженными силами Российской Советской Республики Каменев С. С.

В республике проводилась огромная агитационно-пропагандистская работа среди населения, направленная на борьбу с бандитизмом. Наряду с партийными и советскими органами многочисленные митинги и собрания в деревне организовывали политработники пограничных воинских частей. Только с 10 по 15 июля политсоставом 156, 157, 158, 160-го батальонов 21-й пограничной бригады войск ВЧК был проведен в уездах Минской губернии ряд митингов на тему «Бандитизм и его цели» [10, с. 104]. Несмотря на все предпринимавшиеся действия, направленные на ликвидацию бандитизма в Белоруссии, осенью 1921 г. организаторы контрреволюционного бандитизма с территории Польши пытались развернуть новые широкие погромы на территории ССРБ. Разведанные подтверждали, что в конце августа или в начале сентября 1921 г. они намеревались поднять антисоветское восстание в Минске, Бобруйске, Слуцке, Речице и Гомеле. С этой целью в погранич-

ной полосе спешно сосредоточивались вооруженные бандитские формирования [11, с. 107].

Советское руководство потребовало от правительства Польши в ноте от 22 сентября 1921 г. выполнения Рижского договора «...с требованием о фактической ликвидации деятельности бандитских организаций Савинкова, Балаховича, Петлюры и других, нашедших гостеприимство и поддержку в Польше, и об удалении из Польши главарей этих организаций» [11, с. 366].

Антисоветский бандитизм на территории Белоруссии не утихал. За девять месяцев 1921 г. зарегистрировано 244 бандитских нападения, в результате которых погибло более 1000 человек [10, с. 113]. 22 ноября 1921 г. народный комиссар по военным делам ССРБ Адамович И. А. на заседании СНК ССРБ после поездки по пограничной полосе докладывал: «...Настроение крестьянства в этих местах определялось какой-то неуверенностью и некрепостью Советской власти... Население... находилось под давлением той мысли, что Советская власть может уйти оттуда, и отсюда то отношение к работникам местной власти и, наоборот, отношение работников власти к крестьянству...» [12, с. 47]. Сложная политическая обстановка также была в Витебской и Гомельской губерниях, входивших тогда в состав РСФСР. С середины 1921 г. действия крупных вооруженных банд Савинкова, Петлюры, Махно и других на западной границе, басмачества на Юге, Унгерна в Сибири, нашедших приют в соседних государствах, приняли широкий размах. Небольшие пограничные гарнизоны не имели возможности успешно вести с ними вооруженную борьбу. В данных условиях на первое место выдвигалась не охрана, а оборона государственной границы. В этой связи 19 октября 1921 г. СТО вновь принимает постановление о расформировании пограничных войск и выделении для охраны границы частей Красной Армии, которые передавались в распоряжение органов ВЧК. Ответственность за организацию охраны границы несли особые отделы ВЧК, а за несение службы войсками отвечало военное ведомство [6, с. 115].

Заключение. Передача войсковой охраны государственной границы в ведение Красной Армии в дальнейшем позволила в короткое время разгромить крупные вооруженные закордонные банды. Но враги Советской власти вовсе не отказывались от планов борьбы против первого в мире социалистического государства. Они лишь изменяли тактику и методы враждебных действий, переходили к шпионажу, диверсиям и подрыву экономики. На западной границе на смену политическому бандитизму приходил экономический – контрабанда.

Литература

1. Попович В., Гнусин И. Путь борьбы. Краткая история 5-й стрелковой дивизии. Л.; М.: Гос. изд-во. Оtd. воен. лит. тип. «Красный пролетарий», 1929. 130 с.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 18417. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
3. Пограничные войска СССР 1918–1928: сб. документов и материалов. М.: Наука, 1973. 927 с.
4. НАРБ. Ф. 35п. Оп. 2. Д. 3. Л. 10.
5. НАРБ. Ф. 35п. Оп. 2. Д. 8. Л. 79.
6. В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР : сб. документов и статей / ред. кол.: ген.-полк. П. И. Зырянов (отв. ред.) [и др.]. М.: Воениздат, 1970. 392 с.
7. Летопись пограничных войск КГБ СССР. М.: Воениздат, 1981. 576 с.
8. РГВА. Ф. 18231. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: Управделами Совнаркома СССР, 1943. 818 с.
10. Хохлов А. Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 годах. Минск: Беларусь, 1981. 176 с.
11. Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 4. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. М.: Госполитиздат, 1960. 836 с.
12. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 489. Л. 47.

References

1. Popovich V., Gnusin I. *Put' bor'by. Kratkaya istoriya 5-y strelkovoy divizii* [The path of struggle. A brief history of the 5th Infantry Division]. Leningrad; Moscow, Gos. izd-vo. Otd. voyen. lit. tip. Krasnyy proletariy Publ., 1929. 130 p.
2. Russian State Military Archive (RSMA). Fund 18417. I. 1. F. 1. L. 1.
3. *Pogranichnyye voyska SSSR 1918–1928: sbornik dokumentov i materialov* [Border troops of the USSR 1918–1928: a collection of documents and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 927 p.
4. NARB. Fund 35p. I. 2. F. 3. L. 10.
5. NARB. Fund 35p. I. 2. F. 8. L. 79.
6. *V. I. Lenin i okhrana gosudarstvennoy granitsy SSSR: sbornik dokumentov i statey* [V. I. Lenin and the protection of the state border of the USSR: a collection of documents and articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1970. 392 p.
7. *Letopis' pogranychnykh voysk KGB SSSR* [Chronicle of the border troops of the KGB of the USSR]. Moscow, Voenizdat Publ., 1981. 576 p.
8. RSMA. Fund 18231. I. 1. F. 3. L. 1.
9. *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1920 g.* [Collection of Laws and regulations of the Government for 1920]. Moscow, Upravdelami Sovnarkoma SSSR Publ., 1943. 818 p.
10. Khokhlov A. G. *Krakh antisovetskogo banditizma v Belorussii v 1918–1925 godakh* [The collapse of anti-Soviet banditry in Belarus in 1918–1925]. Minsk, Belarus' Publ., 1981. 176 p.
11. *Dokumenty vneshney politiki SSSR. V 24 t. T. 4. 19 marta 1921 g. – 31 dekabrya 1921 g.* [Documents of the USSR foreign policy. In 24 vol. Vol. 4. March 19, 1921 – December 31, 1921]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. 836 p.
12. NARB. Fund. 4p. I. 1. F. 489. L. 47.

Информация об авторе

Шанец Леонид Игоревич – старший преподаватель кафедры управления органами пограничной службы. ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (220103, г. Минск, ул. Калиновского, 4, Республика Беларусь). E-mail: shanes@tut.by

Information about the author

Shanets Leonid Igorevich – Senior Lecturer, the Department of Border Guard Management. State-owned Educational Establishment “The Institute of Border Guard Service of the Republic of Belarus” (4, Kalinowskiy str., 220103, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: shanes@tut.by

Поступила 11.03.2019

УДК 321.1(476)(470):94

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В РОССИЮ
В 20–30-Х ГГ. XX ВЕКА (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

Миграционные процессы из Беларуси в Россию являлись составной частью внутренней политики СССР, которая имела своей главной целью решение вопросов, связанных с аграрным перенаселением деревни, и обеспечение трудовыми ресурсами промышленных центров страны.

Изучение переселенческих мероприятий Советского государства началось еще в 20-х гг. и продолжается по сегодняшний день. В историографии данной проблемы можно выделить пять этапов, каждый из которых имел свои отличительные черты.

Статья посвящена изучению государственной переселенческой политики в 1921–1941 гг. в отечественной историографии в каждом из выделенных этапов.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, переселение, миграция, историография.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**MIGRATION PROCESSES FROM THE TERRITORY
OF BELARUS TO RUSSIA IN THE 20–30S OF THE 20 CENTURY
(HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM)**

Migration processes from Belarus to Russia were an integral part of the internal policy of the USSR and had its main purpose to address issues related to the agricultural migration of the village and the provision of human resources to the industrial centers of the country.

The study of resettlement activities of the Soviet state began in the 20s and continues to this day. In the historiography of this problem, there are five stages, each of which had its own distinctive features.

The article is devoted to the study of the state resettlement policy in 1921–1941 in the national historiography in each of the selected stages.

Key words: Russia, Belarus, resettlement, migration, historiography.

Введение. Переселенческая политика Советского государства в 20–30-х гг. XX века являлась важнейшей составной частью внутренней политики страны и была направлена на создание благоприятных условий для построения в СССР социалистической системы. Решить аграрный вопрос только за счет ликвидации помещичьего землевладения и его перераспределения среди крестьян было невозможно, так как крестьянский земельный надел в Беларуси увеличился только на 10–11%, чего было недостаточно для создания даже середняцких хозяйств. Поэтому ликвидация малоземелья при помощи переселений на свободные земли являлась одной из важнейших социально-экономических задач Советской власти.

Кроме этого, необходимость миграции населения стала вызываться также и потребностями экономического развития страны – развитием индустрии и последовавшим за этим процессом ростом городов.

Урбанизация республики и всей страны потребовала значительного притока трудовых ресурсов в города из сельской местности. Однако, несмотря на достаточно высокие темпы индустриализации БССР, масштабы аграрного

перенаселения были настолько велики, что развивающаяся промышленность не могла поглотить избыточное сельское население.

Таким образом, главными целями переселенческой политики в СССР являлось решение вопросов, связанных с аграрным перенаселением деревни, и обеспечение трудовыми ресурсами промышленных центров страны.

Основная часть. Переселенческие мероприятия Советского государства стали объектом научных исследований уже в 20-х гг. XX века. С началом формирования советской переселенческой политики перед учеными стал вопрос о том, что такое колонизация и переселение в новых социально-экономических и общественно-политических условиях. Для решения этой задачи в 1922 г. в Москве был открыт Государственный колонизационный научно-исследовательский институт, переименованный в 1926 г. в Государственный научно-исследовательский институт землеустройства и переселения. Институт стал центром формирования и развития исследований по проблемам переселений. Его сотрудники разрабатывали методологические подходы к проблеме организации переселений, занимались практическим изучением земельных

фондов в центральных и западных регионах СССР с целью выяснения масштабов аграрного перенаселения, а также исследованием колониционных возможностей южных, восточных и северных территорий страны. Кроме того, определялась эффективность проводимых в стране переселенческих мероприятий.

Проанализировав состояние дел в экономике страны, работники института пришли к выводу, что Октябрьская революция, несмотря на передачу крестьянам земли, не решила проблему аграрного «голода» в европейской части СССР. Причиной аграрного перенаселения, по их мнению, явились быстрый рост сельского населения и отстающее развитие агрокультуры.

Количество излишних трудовых резервов в СССР оценивалось примерно в 13,5 млн чел. При этом в БССР эта цифра составила 1,4 млн человек [1, с. 346].

Большой вклад в изучение переселений и связанных с ним вопросов внес сотрудник Главколонита, уроженец Беларуси Минц Л. Е. В качестве основных причин аграрной перенаселенности он назвал низкие темпы развития сельского хозяйства и промышленности страны. Но, в отличие от предыдущих исследователей, Л. Е. Минц при подсчете избыточных трудовых ресурсов ориентировался не на количество земли у крестьян, а на общий доход крестьянского хозяйства. Поэтому общее количество избыточного населения в СССР автор оценивал в 9,1 млн человек [2, с. 236].

Проблемы переселений затронуты и в работе заведующего Переселенческим отделом Наркомзема РСФСР Большакова М. А. В качестве главной причины аграрной перенаселенности он видел не нехватку свободных земель, а низкий уровень аграрной культуры крестьян. Только по Могилевской губернии он насчитывал 1 722 000 дес. неиспользуемой земли. Поэтому первостепенными задачами М. Большаков считал не переселение крестьян на окраины страны, а внедрение современных приемов обработки земли, вовлечение в сельскохозяйственный оборот неудобных земель и активное развитие городской промышленности. При этом М. А. Большаков подчеркивал необходимость проводить переселения только в небольших размерах [3, с. 23–26].

Вопросы аграрного перенаселения Беларуси и связанные с ним проблемы крестьянских переселений затронул в своей работе, посвященной экономическому развитию западных районов СССР, известный белорусский историк Довнар-Запольский М. В. Ученый отмечал, что экономика БССР носит аграрный характер и ее дальнейшему развитию мешает прежде всего перенаселенность деревни.

Главной причиной нехватки земли в белорусской деревне он считал опережающий рост численности населения по сравнению с общим развитием экономики БССР, что объясняло стремление белорусского крестьянства к переселению в другие регионы СССР [4, с. 20].

В конце 20-х гг. в историографии переселенческого движения начался второй этап. В это время в исторической науке окончательно закрепились марксистско-ленинская методология.

Теоретической базой исследований становятся труды классиков марксизма-ленинизма и решения партии. Позиции и взгляды историков старой школы начали подвергаться резкой критике. Начало этого этапа совпало и с изменениями во внутренней политике СССР, где на смену НЭПу был взят курс на индустриализацию промышленности и массовую коллективизацию в деревне. Соответственно изменились и подходы к проблемам миграции. Ученые в СССР стали видеть решение аграрного вопроса и крестьянского малоземелья в организации колхозного производства.

Считалось, что с началом сплошной коллективизации аграрное перенаселение было ликвидировано. В связи с этим отпал практический и исследовательский интерес к данному вопросу. Сужается проблематика исследований, и до конца 1950-х гг. работ, посвященных миграционной ситуации в стране в 1920-х гг., не выходило.

С 1960-х гг. начинается третий период в изучении переселенческой политики в СССР в межвоенный период.

Исследования этого периода характеризуются большим объемом теоретического и фактического материала по миграции населения. Особенно ценными в этом плане являются работы российских исследователей Рыбаковского Л. А. [5] и Переведенцева В. И. [6]. В своих трудах на примерах Сибири, Дальнего Востока авторы показали, что только с помощью плановых переселений возможно обеспечить трудовыми ресурсами отдаленные районы СССР. Они также отмечали вклад выходцев из БССР в освоение природных богатств восточных регионов.

Миграции населения с территории Беларуси посвящена работа А. Н. Пешковой [7]. В ней автор отмечала, что БССР являлась одной из наиболее перенаселенных республик СССР, что определяло массовые переселения из Беларуси в Сибирь, на Дальний Восток и т. д. По ее мнению, отрицательное сальдо миграции из БССР в этот период составило более полумиллиона человек [7, с. 5–6].

Большой вклад в историографию переселений внесла фундаментальная монография Н. И. Платунова «Переселенческая политика Советского

государства и ее осуществление в СССР (1917 – июль 1941 г.)» [8]. В работе подробно рассматриваются содержание и организационные формы переселенческой политики в межвоенный период.

Автор выделил несколько этапов сельскохозяйственного переселения в 20–30-х гг. Первый этап – до открытия массового планового переселения в СССР (ноябрь 1917–1924 гг.), когда государство стремилось ограничить самовольное переселение и одновременно проводило работы по подготовке переселенческих фондов. Второй этап – плановое переселение до проведения коллективизации (1925–1930 гг.), когда руководство страны, учитывая обострившуюся аграрную перенаселенность, открыло массовое переселение. Третий этап – переселение в период развернутого социалистического строительства (1931–1941 гг.), когда государство перешло от индивидуальной формы переселения к переселению коллективами.

При этом Н. И. Платунов писал, что многоплановость и обширность темы исследования не дали ему возможности подробно осветить реализацию переселенческой политики в отдельных регионах, в том числе и в БССР. В то же время он отметил, что Беларусь являлась одним из регионов активного выхода переселенцев [8, с. 18].

Следует сказать, что работа Н. И. Платунова базируется исключительно на марксистской методологии. Автор считал, что главной причиной аграрного перенаселения являлось наличие элементов капиталистических отношений в советской деревне периода НЭПа, которые привели к классовому расслоению и усиливали аграрную перенаселенность. Желание крестьян переселяться он рассматривал как проявление классовой борьбы, поэтому только через коллективизацию можно было решить данную проблему [8, с. 61–63]. Переселенческую политику советского государства автор рассматривает исключительно с положительной стороны, а недостатки и породившие их причины излагает поверхностно.

Вопросы аграрного перенаселения белорусской деревни и связанные с этим переселенческие мероприятия Советского государства затронуты в кандидатской диссертации С. В. Селемнева [9]. По мнению исследователя, основными механизмами борьбы с перенаселением в деревне были индустриализация, кооперирование сельского хозяйства и культурная революция. Однако он также отмечает важную роль переселенческой политики в смягчении земельного голода в 1920-х гг. [9, с. 13, 15].

Проблема сельскохозяйственных переселений в БССР затронута и в коллективной монографии «Победа колхозного строя в Белорус-

ской ССР». Авторы отмечали существующую в БССР аграрную перенаселенность и попытки решить ее с помощью переселений. По их мнению, политика сельскохозяйственного переселения в 1920-х гг. как механизм борьбы с решением земельного вопроса себя не оправдала, а развернувшееся в республике промышленное строительство сняло с повестки дня необходимость переселений. Сельскохозяйственные переселения из БССР середины 1930-х гг. авторы объясняют недостатками в колхозном строительстве и организационно-хозяйственной слабостью многих артелей [10, с. 269].

Деятельность партийных и советских органов по плановому распределению трудовых ресурсов в рамках ликвидации социально-экономического и культурного неравенства республик СССР рассматривалась в монографии Л. М. Лыча. Автор отмечает, что миграция населения из БССР в 1920-х гг. была вызвана потребностями экономического развития страны. В монографии приводятся сведения о количестве переселившихся из БССР в 1920-х гг., определяются основные регионы вселения и социальный состав переселенцев. По мнению автора, правительство республики в целом успешно проводило работу по преодолению аграрного перенаселения, несмотря на низкое финансирование и недостаточное выделение нарядов на переселение [11, с. 61–63].

Таким образом, историография конца 1950–1980-х гг. сделала большой шаг в изучении переселенческой политики СССР в 1920–1941 гг., заложила основы для дальнейшего ее изучения, накопила значительный объем фактического материала. Однако авторы не могли воспользоваться частью архивных документов, которые были засекречены, поэтому многие проблемы остались нераскрытыми.

В начале 90-х гг. начался четвертый период в изучении миграционных проблем 1920-х – начала 1940-х гг., который продолжался до начала XXI века. В этот период исследователям стали доступны многие ранее засекреченные материалы, что позволило во многом по-новому взглянуть на процессы, происходящие в СССР в 20–30-х гг. XX века. Так, в начале 1990-х гг. впервые были опубликованы основные результаты переписи 1937 г. и другие засекреченные материалы, касающиеся данного периода. Это позволило пересмотреть и по-новому охарактеризовать многие аспекты переселенческой политики в СССР [12].

Исследователи стали уделять большее внимание недостаткам и просчетам в организации и проведении переселений, анализу роли административного и идеологического факторов в переселенческих мероприятиях.

Важное место в исследованиях данного периода стали занимать вопросы насильственного переселения, связанные с политикой раскулачивания и принудительной депортацией народов. В частности, в монографии П. М. Поляна подчеркивается, что вся переселенческая политика, проводимая в СССР, была основана на принуждении. Он утверждает, что «СССР – страна традиционно высокой мобильности населения. Однако в ее основе – не простой и свободный выбор гражданами своего местожительства, обусловленный их индивидуальными предпочтениями и особенностями факторов рынков труда и жилья, но совершенно иной тип мобильности, носящей плановый, массовый и приказной – одним словом, принудительный – характер». По мнению автора, попытки «добровольного» планового переселения в межвоенный период провалились [13, с. 12, 60].

Таким образом, ученые 1990-х гг. при исследовании переселенческих мероприятий Советского государства в 20–30-х гг. XX века. делали акцент исключительно на отрицательные моменты, свершенные игнорируя несомненные достижения.

Ситуация несколько изменилась в начале XXI в., когда начался пятый этап в историографии миграционных процессов межвоенного периода. В работах данного периода предприняты попытки осветить различные аспекты государственной переселенческой политики, показать не только ее недостатки, но и позитивные стороны. В этом плане особый интерес вызывает коллективная монография «Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве», в которой подробно рассматриваются миграционные процессы между Россией с одной стороны, и Беларусью, Украиной, государствами Закавказья, Центральной Азии и Балтии – с другой. Специальный раздел монографии посвящен миграционным процессам в 20–30-х гг. При этом авторы приводят большой статистический материал, касающийся как добровольных переселенцев, так и жертв вынужденных переселений. В частности, опираясь на материалы архивов пенитенциарной системы СССР, содержащие данные о количестве заключенных с 1934 по 1953 г., в том числе и осужденных по политическим мотивам, авторы показывают, что наибольшее количество заключенных белорусов в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) по политическим мотивам относится к началу 1938 г. – 49 818 человек. Кроме того, из Западной Беларуси после присоединения к СССР было депортировано в Сибирь, Поволжье, Казахстан, Коми. 177 тыс. человек [14, с.143].

Вопросы переселений красноармейцев из Беларуси на Юг России затронул в своей статье В. Н. Рокачев. Автор отметил, что главной

причиной переселений было стремление заселить опустевшие в ходе голода 1932–1933 гг., а также депортаций и бегства населения территории, важные для власти с точки зрения производства товарного зерна как для внутреннего, так и для внешнего рынка политически лояльным населением. Этим критериям отвечали военнотруженики Красной Армии, за годы службы получившие соответствующую политическую и идеологическую подготовку. Был в этом и стратегический интерес – регион относился к приграничным территориям, и такое переселение в условиях противостояния СССР и западных стран способствовало обеспечению безопасности государства [15, с. 51].

В начале 2000-тысячных годов появились два издания, посвященные переселениям из Беларуси в Сибирь, которые стали результатом совместной работы сибирских и белорусских историков [16, 17].

В этих трудах исследователи рассматривали не только вопросы переселений белорусского населения в Сибирь и формирование там белорусской диаспоры с конца XVI в. по советское время, но и вклад белорусов в формирование этнического пространства региона.

Среди работ последних лет можно отметить совместную монографию белорусских и российских ученых «Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания». В монографии среди прочих рассматриваются вопросы переселений из Беларуси на Юг России и проблемы адаптации переселенцев на новых землях [18].

Кроме того, необходимо отметить работу белорусского исследователя Йоцюса В. А., который на основе анализа разнообразных опубликованных документальных материалов, документов из архивов Беларуси, законодательных актов Советского государства провел системное исследование переселений трудовых ресурсов из БССР в 1921–1941 гг. [19].

Заключение. Таким образом, изучение миграционных процессов из Беларуси в Россию в 1921–1941 гг. занимало значительное место в трудах белорусских и российских исследователей. В историографии данной проблемы можно выделить пять этапов, каждый из которых имел свои специфические особенности. При этом большинство опубликованных работ носят односторонний характер и акцентируют внимание либо на положительных, либо на отрицательных аспектах государственной переселенческой политики.

Лишь в начале 2000-тысячных годов стали появляться исследования в которых предприняты попытки дать объективную оценку причинам и результатам государственной переселенческой политики в межвоенный период.

Литература

1. Турчанинов Н. В. Потребность в миграциях сельского населения в связи с его дифференциацией в Центрально-земледельческом, Западном, Центрально-промышленном и Северо-Западном районах // Труды ГКНИИ. М., 1926. Т. 3. С. 327–528.
2. Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда СССР. М.: Гос. изд-во, 1929. 470 с.
3. Большаков М. А. Современное переселение. М.: Новая деревня, 1924. 52 с.
4. Довнар-Запольский М. В. СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР). М.: Гос. изд-во, 1928. 107 с.
5. Рыбаковский Л. Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М.: Наука, 1969. 183 с.
6. Переведенцев В. И. Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М.: Наука, 1978. 142 с.
7. Пешкова А. Н. Миграция населения Белорусской ССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д: Ростовский-на-Дону гос. ун-т, 1968. 26 с.
8. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск: Из-во Том. ун-та, 1976. 283 с.
9. Селеменев В. Д. Аграрное перенаселение в БССР и его ликвидация в годы первой пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск: Белорус. гос. ун-т, 1979. 23 с.
10. Победа колхозного строя в Белорусской ССР / М. П. Костюк [и др.]; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории. Минск: Наука и техника, 1981. 448 с.
11. Лыч Л. М. Ликвидация экономического и социально-культурного неравенства союзных республик: на примере Белорусской ССР (1917–1941 гг.). Минск: Наука и техника, 1987. 287 с.
12. Жиромская В. Б. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 г. М.: Наука, 1996. 152 с.
13. Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001. 328 с.
14. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / Л. Л. Рыбаковский [и др.]. М.: Academia, 2009. 431 с.
15. Ракачев В. Н. К вопросу об организации переселения красноармейцев белорусского военного округа на Кубань и Ставрополье в 1930-е гг. // Труды БГТУ. 2014. № 5 (187): История, философия, филология. С. 51–55.
16. Белорусы в Сибири: сб. науч. ст. / Ин-т истории СО РАН, Ин-т истории НАН Беларуси; отв. ред.: В. А. Ламин, Н. С. Сташкевич. Новосибирск: Ин-т истории, 2000. 160 с.
17. Костюк М. Р., Ламин В. А., Бочанова Г. А. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 237 с.
18. Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания: монография / В. Е. Козляков [и др.]. Минск: БГТУ, 2017. 218 с.
19. Йоцюс В. А. Государственная политика по переселению трудовых ресурсов из БССР (1921–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск: Белорус. гос. пед. ун-т. 2017. 24 с.

References

1. Turchaninov N. V. The need for migration of the rural population due to its differentiation in the Central agricultural, Western, Central industrial and North-Western regions. *Trudy GKNII* [Proceedings of GKNII], 1926, vol. 3, pp. 327–528 (In Russian).
2. Mintz L. E. *Agrarnoye perenaseleniye i rynek truda SSSR* [Agrarian overpopulation and the labour market of the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1929. 470 p.
3. Bol'shakov M. A. *Sovremennoye pereseleniye* [Modern resettlemen]. Moscow, Novaya derevnya Publ., 1924. 52 p.
4. Dovnar-Zapol'skiy M. V. *SSSR po rayonam. Zapadnyy rayon (Belorusskaya SSR i Zapadnaya oblast' RSFSR)* [Union areas. Western region (Belarusian SSR and Western region of the RSFSR)]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1928. 107 p.
5. Rybakovskiy L. L. *Narodonaseleniye Dal'nego Vostoka za 100 let* [Population of the Far East for 100 years]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 183 p.
6. Perevedentsev V. I. *Sotsial'nyye faktory i osobennosti migratsii naseleniya SSSR* [Social factors and characteristics of migration of population of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 142 p.

7. Peshkova A. N. *Migratsiya naseleniya Belorusskoy SSR. Autoref. dis. kand. ist. nauk* [Migration of the population of the Belarusian SSR. Abstrakt of thesis kand. of hist. sci.]. Rostov-on-Don, 1968. 26 p.

8. Platonov N. I. *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i eye osushchestvleniye v SSSR (1917 – iyun' 1941 g.)* [Resettlement policy of the Soviet state and its implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk, Tomskiy universitet Publ., 1976. 283 p.

9. Selemenev V. D. *Agrarnoye perenaseleniye v BSSR i ego likvidatsiya v gody pervoy pyatiletki. Autoref. dis. kand. ist. nauk* [Agrarian overpopulation in the BSSR and its liquidation during the first five-year plan. Abstrakt of thesis kand. of hist. sci.]. Minsk, 1979. 23 p.

10. Kostyuk M. P., Poluyan V. A., Sorokin A. N., Streltsov M. E., Filimonov A. A. *Pobeda kolkhoznogo stroya v Belorusskoy SSR* [Kolhoznogo victory building in the Belarusian SSR]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1981. 448 p.

11. Lych L. M. *Likvidatsiya ekonomicheskogo i sotsial'no-kul'turnogo neravenstva soyuznykh respublik: na primere Belorusskoy SSR (1917–1941 gg.)* [Elimination of economic and socio-cultural inequality of the allied republics: on the example of the Belarusian SSR (1917–1941)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1987. 287 p.

12. Zhiromskaya V. B. *Polveka pod grifom "sekretno". Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.* [A half-Century classified as "secret". All-Union census of population 1937]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 152 p.

13. Polyan P. M. *Ne po svoey vole. Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not on their own. History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow, Memorial Publ., 2001. 328 p.

14. Rybakovskiy L. L., Yemel'yanova A. A., Rakov A. A., Vorob'yeva O. D., Lezhenkina O. N., Mazhinov I. B., Gornuhova A. V. *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve* [Transformation of migration processes in the post-Soviet space]. Moscow, Academia Publ., 2009. 431 p.

15. Rakachev V. N. On the question of the organization of resettlement of red army soldiers the Belarusian military district in the Kuban and Stavropol in the 1930s. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2014, no. 5: History, Philosophy, Philology, pp. 51–55 (In Russian).

16. *Belorusy v Sibiri: sb. nauch. st.* [Belarusians in Siberia: collection of scientific works. art.]. Ed. by: V. A. Lamin, N. S. Stashkevich. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2000. 160 p.

17. Kostyuk M. P., Lamin V. A., Bochanova G. A. *Ocherki istorii belorusov v Sibiri v XIX–XX vv.* [Essays on the history of Byelorussians in Siberia in 19–20 centuries]. Novosibirsk, Institut istorii Publ., 2001. 237 p.

18. Kozlyakov V. E., Matveev O. V., Rakachev V. N., Kryuchek P. S., Sergeev V. N. *Narody Rossii i Belarusi: istoricheskiy opyt i sovremennyye problemy vzaimopoznaniya* [The peoples of Russia and Belarus: historical experience and modern problems of mutual learning]. Minsk, BSTU Publ., 2017. 218 p.

19. Yotsyus V. A. *Gosudarstvennaya politika po pereseleniyu trudovy'kh resursov iz BSSR (1921–1941 gg.)*. Autoref. dis. kand. ist. nauk [State policy on the relocation of labor resources of the Byelorussian SSR (1921–1941). Abstrakt of thesis kand. of hist. sci.]. Minsk, 2017. 24 p.

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 25.03.2019

УДК 94(476)«1927/1929»+323.23

А. В. Денисов

Белорусский национальный технический университет

**ПОДГОТОВКА ПЕРВОЙ ВСЕБЕЛОРУССКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
И ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ В БССР В 1927–1929 ГГ.
ОФОРМЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПЛАНИРОВАНИЕ**

В статье рассматриваются основные мероприятия по подготовке Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в Минске. Первая Всебелорусская выставка планировалась как масштабное мероприятие экономического и политического характера, на котором будут продемонстрированы достижения государственного, экономического и научно-культурного строительства в БССР за 10 лет ее существования. Созданные при правительстве БССР структуры в 1927–1929 гг. занимались разработкой концепции выставки, выбором территории, формированием бюджета.

Ключевые слова: Первая Всебелорусская сельскохозяйственная и промышленная выставка, БССР, белорусская советская государственность, народное хозяйство, политика, агитация и пропаганда в БССР, Совет Народных Комиссаров (СНК) БССР, Главный выставочный комитет.

A. V. Denisov

Belarusian National Technical University

**PREPARATION OF THE FIRST ALL-BELARUSIAN AGRICULTURAL
AND INDUSTRIAL EXHIBITION IN THE BSSR IN 1927–1929.
FORMING CONCEPT AND PLANNING**

The article discusses the main activities for the preparation of the First All-Belarusian Agricultural and Industrial Exhibition in Minsk. The first All-Belarusian exhibition was planned as a large-scale event of an economic and political significance, which will demonstrate the achievements of state, economic, scientific and cultural construction in the BSSR over 10 years of its existence. Created under the government of the BSSR, the Main Exhibition Committee and its departments in the period 1927–1929 were engaged in developing the concept of the exhibition, choosing the territory, and forming the budget for the construction of exhibition pavilions, the selection of exhibits for the exhibition and the organization of mass excursions of citizens from all regions of the BSSR.

Key words: First All-Belarusian Agricultural and Industrial Exhibition, BSSR, Belarusian Soviet statehood, economics, politics, agitation and propaganda in the BSSR, Council of People's Commissars of the BSSR, Main Exhibition Committee.

Введение. Первая Всебелорусская сельскохозяйственная и промышленная выставка 1930 г. в Минске явилась знаковым событием в жизни Советской Беларуси. Необходимо заметить, что в БССР мероприятия подобного масштаба и уровня больше не проводились в довоенный период.

До сегодняшнего дня феномен Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки (далее – Всебелорусская выставка) остается практически не исследованным, отсутствуют серьезные комплексные работы. Рассматривались лишь некоторые аспекты, связанные с подготовкой и проведением Всебелорусской выставки [1].

Основная часть. Сельскохозяйственные выставки в дореволюционной Российской империи устраивались в интересах крупных землевладельцев и потребителей сельскохозяйственного сырья, акционерных компаний, крупных земельных арендаторов. С установлением советской власти и относительной нормализации

экономической жизни сельскохозяйственные выставки стали открываться вновь. Вместе с тем они утратили коммерческий потенциал и лишились рыночной составляющей. Их основной целью стала пропаганда достижений сельского хозяйства и промышленности, а также обмен опытом.

В 1920-х и 1930-х гг. в СССР сельскохозяйственные выставки имели четкую классификацию. По территориальному признаку они подразделялись на внутривладельческие, районные, областные (краевые), республиканские и всесоюзные. По тематике они делились на общие и отраслевые.

Наиболее значительной в 1920-х гг. была Первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, которая прошла в Москве в 1923 г. На выставке достижениям народного хозяйства ССРБ был выделен отдельный павильон [2].

Активное государственное и экономическое строительство в 1920-х в Беларуси, создание

систем науки и образования, политика белорусизации и коренизации, укрупнение территории Беларуси в 1924 и 1926 гг. стимулировали проведение специализированных выставок регионального масштаба [3, 4]. Во второй половине 1920-х гг. в БССР возникает потребность в проведении сельскохозяйственной выставки республиканского масштаба. Решение о проведении Первой Всебелорусской сельскохозяйственной выставки было принято Центральным исполнительным комитетом БССР в ноябре 1927 г. [5, л. 37–38]. Было определено время проведения – лето–осень 1930 г.

Первоначально выставка именовалась как «Первая Всебелорусская выставка сельского и лесного хозяйства», но позже было принято решение изменить официальное название на «Первая Всебелорусская выставка сельского хозяйства и промышленности» [6, л. 2]. Подготовка и проведение Всебелорусской выставки было поручено СНК БССР и Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) БССР. 22 декабря 1928 г. был утвержден состав Главного выставочного комитета (далее – Главвыстком) [7, л. 1–2]. В него вошел 41 человек. Председателем был избран председатель СНК БССР Голодод Н. Н., его заместителями народный комиссар земледелия БССР Прищепов Д. Ф. и председатель Госплана БССР Карп С. Б. В комитет вошли представители от Народного комиссариата земледелия, Академии наук, БГУ, ЦК ЛКСМБ, Белорусского сельскохозяйственного банка и других структур. Помимо Главвысткама была сформирована дирекция Всебелорусской выставки. Председателем дирекции был назначен А. В. Дубина, заместителем – Л. В. Толкач [7, л. 4].

На первом заседании Главвысткама 10 января 1929 г. было определено место проведения выставки. С учетом масштаба запланированного мероприятия решено было провести Всебелорусскую выставку под Минском в урочище Большая Слепянка по Борисовском тракту (северо-восточное направление) (район современных проспекта Независимости, улиц Калинина, Мержинского, Кузьмы Чорного, улицы и бульвара Толбухина). Выделенная территория выставки составила 75 га, позволяла построить на ней павильоны с экспонатами, а климатические условия и почва способствовали размещению образцовых севооборотов. На выбор повлияло и относительно близкое расположение важных научно-исследовательских организаций (Научно-исследовательский институт сельского и лесного хозяйства имени Ленина, Центральная опытная картофельная станция, Минская опытная болотная станция, Опытная свиноводческая станция в Малой Слепне). Кроме этого, к общей территории относилось сосновое Слепян-

ское лесничество, рыбное хозяйство с четырьмя прудами. Этот состав территории обеспечивал возможность представить почти все отрасли сельского хозяйства и сельскохозяйственные объекты в натуральных условиях [7, л. 14].

Дирекции выставки было поручено составить проект положения выставки, план территории и размещения на ней построек, организовать архитектурный конкурс проектов застройки. Было принято решение об отселении с выбранной территории нескольких крестьянских хозяйств и поднят вопрос о подведении к территории выставки дороги, трамвайных путей, прокладке электричества и канализации [7, л. 14]. Также дирекции было поручено составить план и бюджет Всебелорусской выставки (первоначально в пределах 700 000 руб.). [7, л. 16]. Для подготовки экспонатов при выставочном комитете было образовано 11 специальных отделов: 1) научный отдел (председатель Б. С. Бойко); 2) отдел лесного хозяйства и полеводства (С. П. Мельник); 3) земледелия (Ф. Г. Некрасов); 4) мелиорации и культуры болот (А. Д. Дубах); 5) объединенный сектор сельского хозяйства (И. Н. Смирнов); 6) отдел рыбоводства (П. А. Тарасов); 7) животноводства (Н. В. Найденов); 8) механизации и электрификации сельского хозяйства (Ю. А. Вейс); 9) домоводства и быта (М. В. Мелешко); 10) экспорта, импорта и торговли (М. Е. Абрамсон); 11) отдел промышленности (С. В. Скандраков) [7, л. 17].

Главной задачей в конце 1928–1929 гг. для главного выставочного комитета стала разработка генерального плана выставки и проектов павильонов. В начале 1929 г. Московским архитектурным обществом (МАО) по поручению главного выставочного комитета был объявлен Всесоюзный конкурс на составление проекта застройки участка для Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в Минске [8].

Условия конкурса были изданы отдельной брошюрой. После подачи проектов жюри конкурса из представителей МАО должно было выбрать лучшие проекты и наградить участников премиями (первая премия – 2500 руб.). Награжденные премиями проекты поступали в собственность Главного выставочного комитета Всебелорусской выставки. Здания павильонов на выставке делились на несколько типов: капитальные здания, деревянные постоянные здания и временные строения легкого типа. Большинство объектов планировались как здания второго и третьего типов. К первому типу относилось только здание главного павильона (позже – здание павильона механизации и электрификации сельского хозяйства) [8, с. 3–6].

Первоначальная сумма расходов на основные строительные работы была запланирована в размере 600 000 руб. Но уже на втором заседании комитета 28 февраля 1929 г. стало ясно, что масштаб строительства требует гораздо больших сумм [7, л. 32–34]. Средства должны были поступать из государственного бюджета, Белорусского сельскохозяйственного банка, Минского исполнительного комитета и других организаций. При более детальных расчетах дирекция выставки вместе с сельскохозяйственной секцией Госплана БССР под руководством Р. А. Бонч-Осмоловского 15 мая 1929 г. направила в СНК БССР заключение о том, что планируемая сумма на строительство и проведение Всебелорусской выставки – 3 050 000 руб. (1 400 000 руб. за счет специальных средств государственного бюджета и 1 650 000 из средств наркоматов и учреждений). Причем минимальная сумма составила 1 200 000 руб. [7, л. 66]. Также в заключении говорилось, что существует опасность не успеть в срок (лето 1930 г.). Однако СНК БССР постановил ограничить расходы суммой в 1 000 000 руб. (600 000 руб. из государственного бюджета и 400 000 из средств ведомств и организаций, которые принимали участие в выставке). Для сокращения расходов было предложено отказаться от постройки главного павильона капитального типа, от постройки театра на территории выставки и от прокладки образцово-показательной дороги «Автотор» к территории выставки [9, л. 15–16]. Из этой суммы СНК постановил 300 000 руб. потратить на строительство в 1929 г., а остальные средства освоить в первой половине 1930 г. [9, л. 16].

Помимо финансовых и технических вопросов, в конце 1928 и 1929 гг. шла активная разработка концепции Всебелорусской выставки, которая должна была выполнить идеологическую и пропагандистскую функцию. Один из вариантов этой концепции гласил: «Всебелорусская сельскохозяйственная и промышленная выставка будет во многом отличаться от обычного типа выставок. Выставка имеет цель коллективной школы, которая в короткое время в наиболее ярких примерах показывает достижения нашего строительства, дает новый стимул к коллективному соревнованию отдельных районов и организаций БССР в их работе по осуществлению социалистического переустройства и подъема народного хозяйства и белорусской культуры...» [10, л. 90–94].

Окончательный вариант Положения о Первой Всебелорусской выставке сельского хозяйства и промышленности был принят СНК БССР 12 июля 1929 г. [11, с. 67–71]. В нем говорилось об основных целях и задачах выставки, ее управлении, функциях и полномочиях отделов.

Положением учреждались местные выставочные комитеты, которые действовали при окружных, районных и сельских исполнительных комитетах. В их задачи входили разработка местных планов участия в выставке, формирование местного бюджета, отбор и отправка необходимых данных и экспонатов на выставку, информирование населения о выставке, отправка экскурсантов и прочее [11, с. 68–69]. Из анализа документа видно, что при его подготовке за основу было взято Положение ВЦИК РСФСР о Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 9 марта 1922 г. [2].

Именно для реализации просветительско-агитационных целей выставки было принято решение о централизованной организации экскурсий со всей территории БССР с охватом не менее 12% от всех крестьянских дворов. Первоначально было запланировано задействовать в экскурсиях 80 000 человек. Расходы на проезд (при условии 50%-ной скидки), проживание и питание экскурсантов на протяжении трех дней были рассчитаны в размере 10 руб. на одного человека. Кроме этого, для размещения экскурсантов было предложено построить несколько просторных барачков и столовых [7, л. 189–191]. Но Народный комиссариат финансов посчитал итоговую сумму (880 000 руб.) неподъемной и предложил сократить количество участников до 60 000, с условием, что большую часть расходов возьмут на себя колхозы, совхозы и предприятия (полная оплата – только на «бедняцкую» часть – не более 15 000 чел.) с расчетом расходов 5 руб. на проезд в обе стороны и 1 руб. на питание. Общая сумма расходов должна была составить не более 100 000 руб. [7, л. 206].

Тем временем Всесоюзный архитектурный конкурс показал очень малую степень заинтересованности московских архитекторов в работе над проектом застройки территории Всебелорусской выставки. В итоге функция разработки была передана одному из проектных бюро государственного строительного треста ВСНХ Беларуси «Белгосстрой». Автором генерального плана застройки территории, а также проектов 12 главных павильонов стал известный белорусский архитектор А. А. Денисов. Этот план с некоторыми дополнениями был утвержден строительной комиссией при Главвысткоме 13 мая 1929 г. [7, л. 157–160].

Важной проблемой стало переселение жителей поселка Комзоновка с территории будущей выставки, часть крестьян отказалась покидать свои дома в установленный срок и для их выселения пришлось привлекать органы правопорядка. В июле – августе 1929 г. была начата подготовка территории к стройке, а также проводились некоторые строительные работы.

Вместе с тем выставочный комитет вынужден был констатировать, что строительство осуществляется медленно, ощущается нехватка техники, строительные материалы не доставляются вовремя, большинство народных комиссариатов ограничиваются формальным участием в вопросах строительства, а большинство проектов павильонов еще не были закончены [7, л. 157].

Из-за затягивания сроков строительства конкретная дата открытия Всебелорусской выставки долгое время оставалась неясной. Одним из вариантов был «Праздник урожая» в БССР – 14 октября 1930 г. [5, л. 37–38.]. Но эту дату посчитали неудачной, поскольку похолодание и дожди в это время года могли осложнить работу выставки. Первоначально проведение выставки было связано с годовщиной освобождения Беларуси [12, л. 33–34]. Поэтому открытие было назначено к 11 июля 1930 г. Эта дата являлась главным праздником в БССР в 1920–1930-х гг., к ней приурочивалось открытие новых учреждений, домов и больниц. Вместе с тем летом – осенью 1929 г. Главвыстком и СНК не были уверены том, что к 11 июля 1930 г. удастся полностью завершить все подготовительные работы.

Выводы. Таким образом, период подготовки Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки можно разделить на два этапа. На первом этапе (1927–1929 гг.) происходило формирование концепции, выбор территории, создание руководящих органов, разработка планов и бюджета выставки, принятие необходимых документов. На втором этапе (начало 1930 г. – вплоть до момента открытия в 1930 г.) осуществлялось основное строитель-

ство, выбор и размещение экспонатов, художественное оформление территории выставки.

Первая Всебелорусская выставка планировалась как мероприятие республиканского масштаба общего типа. Ее главной задачей была всесторонняя демонстрация достижений сельского хозяйства и промышленности за 10 лет существования Советской Беларуси, демонстрация природных богатств республики, ознакомление с результатами социалистического строительства как граждан БССР, так и гостей из других союзных республики и зарубежных стран, обмен опытом и установление хозяйственных связей с другими республиками СССР, осуществление масштабной просветительской, агитационно-пропагандистской работы среди населения БССР. Выставка должна была продемонстрировать триумф молодого белорусского государства.

Для реализации этой задачи руководством республики был организован Главный выставочный комитет, Дирекция выставки и специализированные отделы. На местах были сформированы местные выставочные комитеты. Средства на организацию и проведение выставки выделялись из государственного и местных бюджетов, а также профильных организаций. После проведения выставки ее территория с павильонами передавалась научно-исследовательским институтам и хозяйственным организациям.

Вместе с тем при подготовке Всебелорусской выставки на первом этапе организаторы столкнулись с рядом проблем: ограниченность в средствах, сложности организационного характера, затягивание сроков выполнения проектных работ и строительства.

Литература

1. Зыбин С. Ю. Подготовка Витебщины к Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставке в Минске в 1930 г. // Пути, тенденции и направления развития социальной сферы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23 мая 2008 г. Витебск, 2008. С. 84–86.
2. Материалы к Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Омск: Омское губернское земельное управление, 1922. 28 с.
3. Программа и правила Борисовской окружной сельскохозяйственной, лесной и кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в гор. Борисове (Старо-Борисов) Окружным земельным отделом с 12 по 19 сентября 1926 г. Борисов, 1926. 15 с.
4. Программа и правила Бобруйской окружной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в гор. Бобруйске Окружным земельным отделом с 10 по 20 сентября 1926. Бобруйск, 1926. 18 с.
5. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1277.
6. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 423.
7. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 576.
8. Московское архитектурное общество по поручению Главного выставочного комитета 1-й Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в городе Минске объявляет Всесоюзный открытый конкурс (при свободном участии в соревновании всех желающих) на составление проекта зданий застройки участка для 1-й Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в гор. Минске. М., 1929. 20 с.
9. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2027.

10. НАРБ Ф. 48. Оп. 1. Д. 3659.
11. Сяргейчык М. П. Першая Усебеларуская выстаўка сельскае гаспадаркі і прамысловасці. Менск: БДВ, 1930. 70 с.
12. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1459.

References

1. Zybin S. Y. Preparation of Vitebsk region for the First All-Belarusian Agricultural and Industrial Exhibition in Minsk in 1930. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Puti, tendentsii i napravleniya razvitiya sotsialnoy sfery"* [Materials of the international scientific-practical conference "Ways, trends and directions of development of the social sphere"]. Vitebsk, 2008, pp. 84–86 (In Russian).
2. *Materialy k Vserossiyskoy selskokhozyaystvennoy i kustarno-promyshlennoy vystavke* [Materials for the All-Russian Agricultural and Handicraft Industrial Exhibition]. Omsk, Omskoye gubernskoye zemel'noye upravleniye Publ., 1922. 28 p.
3. *Programma i pravila Borisovskoy okruzhnoy selskokozyaystvennoy, lesnoy i kustarno-promyshlennoy vystavki, ustraivayemoy v gor. Borisove (Staro-Borisov) Okruzhnym zemelnym otdelom s 12 po 19 sentyabrya 1926 g.* [Program and rules of the Borisov District Agricultural, Forestry and Handicraft Industrial Exhibition arranged in the mountains. Borisov (Staro-Borisov) by the district land department from September 12 to 19, 1926]. Borisov, 1926. 15 p.
4. *Programma i pravila Bobruyskoy okruzhnoy sel'skokhozyaystvennoy i kustarno-promyshlennoy vystavki, ustraivaemoy v gor. Bobruyske Okruzhnym zemel'nym otdelom s 10 po 20 sentyabrya 1926* [Program and rules of the Bobruisk District Agricultural and Handicraft Industrial Exhibition arranged in the mountains. The Bobruisk District Land Office from September 10 to September 20, 1926]. Bobruisk, 1926. 18 p.
5. NARB. Fund 6. I. 1 F. 1277.
6. NARB. Fund 7. I. 1 F. 423.
7. NARB. Fund 7. I. 1 F. 576.
8. *Moskovskoye arkhitekturnoye obshchestvo po porucheniyu Glavnogo vystavochnogo komiteta 1-y Vsebelorusskoy sel'skokhozyaystvennoy i promyshlennoy vystavki v gorode Minske ob'yavlyayet Vsesoyuznyy otkrytyy konkurs (pri svobodnom uchastii v sorevnovanii vseh zhelayushchikh) na sostavleniye proyekta zdaniy zastroyki uchastka dlya 1-y Vsebelorusskoy sel'skokhozyaystvennoy i promyshlennoy vystavki v gor. Minske* [The Moscow Architectural Society, on behalf of the Main Exhibition Committee of the 1st All-Belarusian Agricultural and Industrial Exhibition in Minsk, announces an All-Union open competition (with free participation in the competition of all comers) for the design of buildings for the 1st All-Belarusian Agricultural and Industrial Exhibition in the mountains. Minsk]. Moscow, 1929. 20 p.
9. NARB. Fund 6. I. 1 F. 2027.
10. NARB. Fund 48. I. 1. F. 3629.
11. Syarheychyk M. P. *Pershaya Usebelaruskaya vystauka sel'skaye gaspadarki i pramylovastsi* [The first All-Belarusian Exhibition of Agriculture and Industry]. Mensk, BDV Publ, 1930. 70 p.
12. NARB. Fund. 6. I. 1. F. 1459.

Информация об авторе

Денисов Антон Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории белорусской государственности. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр-т. Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: dzianisau_s@tut.by

Information about the Author

Denisov Anton Vladimirovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of the Belarusian Statehood. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: dzianisau_s@tut.by

Поступила 31.01.2019

УДК 356.13:355.75(476)

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

**ФОРМЕННАЯ ОДЕЖДА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В статье рассматривается эволюция форменной одежды белорусских таможенников на протяжении почти тысячелетия. Раскрываются значение и функции форменной одежды. Даются сведения об одежде мытников Древней Беларуси и Великого княжества Литовского. Отмечена дата первого появления таможенной формы одежды на белорусских землях в 1768 г. Характеризуется униформа таможенников императорской России и Советского Союза. Детально представлена форменная одежда должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь. Делается вывод, что на сегодня она представляет собой один из лучших образцов ведомственной форменной одежды в Беларуси.

Ключевые слова: таможенная служба, форменная одежда, таможенные символы, таможенник, специальные звания, знаки различия, перечень форменной одежды

V. A. Ostroga

Belarusian State University

**UNIFORM OF THE OFFICIALS THE CUSTOMS AUTHORITIES
OF THE REPUBLIC OF BELARUS. THE ORIGINS AND MODERNITY**

The article deals with the evolution of uniforms of Belarusian customs officers for almost a thousand years. Conveys a sense of the meaning and function of uniforms. Information is given about the clothes of publicans of Ancient Belarus and the Grand Duchy of Lithuania. The date marked the first appearance of a customs attire in the Belarus lands in 1768. The uniform of customs officers of Imperial Russia and the Soviet Union is characterized. The uniform of customs officials of the Republic of Belarus is presented in detail. It is concluded that today it is one of the best examples of departmental uniforms in Belarus.

Key words: customs service, uniform, customs symbols, customs officer, special ranks, insignia, list of uniforms.

Введение. Форменная одежда – это одежда, созданная по единому образцу, материалам, цвету. Форменная одежда должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь относится к категории ведомственной одежды, по характеру близкой к военной форме. Форма одежды для должностного лица таможенных органов Республики Беларусь имеет особое воспитательное и практическое значение. Таможенник в мундире олицетворяет собой власть и силу государства. Форма дисциплинирует, способствует повышению организованности и строгому выполнению служебных обязанностей. Это отмечено и в «Кодексе чести должностного лица таможенного органа» (2013 г.), где указывается, что он должен «иметь опрятный внешний вид, содержать в чистоте форменную одежду и носить ее в соответствии с установленным порядком» [1]. Историческая униформология один из малоисследованных разделов в отечественной историографии. Что касается исторического анализа эволюции таможенной форменной одежды на белорусских землях, то это почти «белое пят-

но» нашей истории. На сегодня эту проблему в различной степени затрагивали в своих публикациях фактически только В. Ю. Саяпин, И. В. Денисов и автор данной статьи. Но исследования истории форменной одежды таможенного ведомства Республики Беларусь имеют перманентную актуальность и важность, так как форменная одежда продолжает свое развитие, она совершенствуется и при этом должна иметь связь с историческими традициями, что повышает престиж службы как среди самих таможенников, так и окружающих.

Основная часть. Если проследить исторический путь развития таможенной форменной одежды на землях Беларуси, то нужно отметить, что до конца XVIII в. никакой специальной формы, отличительных знаков таможенники не имели, хотя история таможенного дела начинается еще в древнебелорусских княжествах. Как свидетельствуют источники, мытники Древней Беларуси внешне походили на обычных горожан.

Поборцы мыт ВКЛ получили свою форменную одежду лишь в 1760-х гг. До этого времени

они никакой специально установленной униформы не имели и одевались как горожане. Единственными мытными служителями, кто имел подобие мундира, были господарские дворяне, которые носили шляхетскую одежду согласно цветам воеводств и поветов – кунтуши и жупаны, а также были вооружены саблей-корабелой. Лишь согласно «Таможенному уставу», утвержденному Экономическим советом Скарба 11 января 1768 г., таможенным официалистам стали выдавать специальные головные уборы и мундиры, а также саблю с геральдической эмблемой таможенной службы ВКЛ – государственный герб «Погоня» на фоне двух скрещенных ключей. Это были первые таможенная униформа и геральдика на белорусских землях [2, с. 281].

После включения белорусских территорий в состав Российской империи, таможенные учреждения в Беларуси функционировали лишь до 1851 г. Впервые вопрос о специальном обмундировании для таможенных чиновников был поставлен в 1827 г. в связи с принятием «Положения об устройстве таможенной стражи». Министерство финансов, куда входило таможенное ведомство, предложило ввести для чинов таможен мундир темно-зеленого цвета. Знаков различия предусмотрено не было [3, с. 82]. Таможенные стражники получили серые шинели с темно-зеленым воротником, темно-зеленые фрачные мундиры со светло-зелеными кантами по воротнику, борту, обшлагом и отворотам фалд. Для объездчиков были установлены серо-синие брюки навыпуск со светло-зеленым кантом. На голове был высокий кожаный пехотный кивер с медным налобником с буквами «ТС» (таможенная стража). Имелась и серая фуражка с темно-зеленым околышем и светло-зелеными кантами. Через некоторое время головные уборы были заменены на черкесскую папаху. С этого времени зеленый цвет становится отличительным для российского таможенника.

В первой половине XIX в. таможенный досмотрщик во время службы носил на груди специальный служебный знак из латуни. На его лицевой стороне в центре шла надпись: «ДОСМОТРИЦКЪ – ТАМОЖЕННЫЙ». Следующие изменения форменного мундира пришлось на 1849 г. Для военных отставников, служивших таможенными досмотрщиками, введены погоны с начальными буквами названий таможен и названий таможенных округов (на территории Беларуси до 1851 г. – «Гр» (Гродненский)) [4, с. 431].

В Советской России с 1918 г. воспрещалось ношение служащими таможенного ведомства кокард и петлиц с обозначением отмененных чинов Российской империи. До конца 1920-х гг.

таможенники СССР не имели особой формы. В таможнях носили гражданскую одежду. Единственно разрешалось носить «старорержимные» черные фуражки с зеленой выпушкой с вышитой кокардой в виде двух перекрещенных «меркуриевых жезлов» (кадуцеев), эмблемой бывшей императорской таможни. После принятия Таможенного кодекса СССР 1928 г. оперативный состав таможенных учреждений получил форменную одежду. Она представляла собой мундир темно-синего цвета (закрытый китель, брюки), того же цвета фуражки (летом с белым верхом), черная обувь. В качестве знаков различия на манжетах обоих рукавов нашивались суконные пятиугольники. Ниже их имелся золотой галун, широкий – для старшего начсостава, узкий – для младшего. Над ним размещались в зависимости от должности, вышитые пятиконечные звезды – от одной до трех (контролер, инспектор, старший инспектор, начальник поста, заместитель начальника таможни, начальник таможни). На левом рукаве нашивался ромбовидный знак из сукна с вышитыми скрещенными кадуцеями. На фуражку крепилась вышитая кокарда.

В период войны имела место попытка модернизации форменной одежды таможенной службы СССР. Советские таможенники, выполнявшие ответственные задания правительства, представляли лицо государства и должны были выглядеть презентабельно, не уступая своим коллегам-пограничникам, перешедшим на новую форму одежды и знаки различия с 1943 г. С этой целью к середине 1943 г. были разработаны проекты нового форменного обмундирования на основе костюма черного цвета военно-морского образца [5, с. 94–95]. Предлагались цветной зеленый околыш фуражки, кокарда и эмблема-кадуцей на тулью. Была разработана и новая система знаков различия на основе погон. Погоны предлагались также армейского образца с зелеными таможенными просветами на серебряном поле и золотистыми звездами вдоль просвета. Но сложные экономические условия не позволили реализовать эти проекты. Таможенная форма еще долгие годы оставалась одной из самых архаичных в СССР. В послевоенный период униформа советских таможенников претерпела несколько изменений. До начала 1950-х гг. они носили костюм военно-морского образца: черного цвета шинель, китель с брюками (летний – серого цвета). В качестве знаков различия оставались черные суконные пятиугольники на манжетах рукавов и нарукавный ромб на левом рукаве. На головной убор крепился вышитый герб СССР. Так как форма выдавалась с военно-морских складов, то все пуговицы были с якорями.

С 17 августа 1951 г. по приказу Министерства внешней торговли СССР (МВТ), куда входила таможенная служба, были введены персональные звания для начальствующего состава таможенных учреждений. Для высшего состава: генеральный советник таможенной службы; советник таможенной службы I ранга; советник таможенной службы II ранга; советник таможенной службы III ранга. Для старшего состава: инспектор таможенной службы I ранга; инспектор таможенной службы II ранга; инспектор таможенной службы III ранга. Для среднего состава: контролер таможенной службы I ранга; контролер таможенной службы II ранга; контролер таможенной службы III ранга. Существовало еще и персональное звание – младший контролер.

20 августа 1951 г. были утверждены новые изменения. Форма одежды осталась черного цвета, но летняя стала серой. Имелись белая и светло-серая рубашки, черный шелковый галстук. Для женщин-таможенниц был введен серый берет. В качестве ведомственных знаков различия таможенникам предписывалось носить петлицы из темно-зеленого бархата. В соответствии с положением о персональных званиях генсоветник таможенной службы на окантованных золотой канителью петлицах имел вышитые золотом два скрещенных кадуцея и одну звездочку (25 мм); у советников таможенной службы I, II и III ранга – 3, 2 и 1 звездочка (20 мм). Инспекторам и контролерам таможенной службы на петлицах без окантовки с металлическими кадуцеями полагались звездочки (15 и 12 мм, младшего и старшего начальствующего состава) в количестве по трехранговой системе, с одним просветом для контролеров и двумя – инспекторов. Рядовой состав носил чистые петлицы. Также на правом рукаве нашивался (до 1986 г.) нарукавный знак [5, с. 99]. Но в 1954 г. все персональные звания, лампасы и парадная форма для таможенников были отменены, остались только петлицы на кителе и кокарда на фуражке. Теперь на петлицах обозначалась занимаемая должность.

Таможенный кодекс 1964 г. подтвердил право должностных лиц таможенных органов на ношение форменной одежды. Цвет формы был изменен на серый. С 12 августа 1975 г. были введены упрощенные образцы форменной одежды. Исчез темно-зеленый кант на воротнике, обшлагах, брюках и по донцу фуражки. 22 июня 1978 г. для инспекторов таможни, работавших в дежурной смене, как когда-то в XIX в., был учрежден специальный нагрудный знак с надписью – «ТАМОЖНЯ CUSTOMS» и выбитым служебным номером или аббревиатурой «ГТУ» (Главное таможенное управление).

В 1986 г., в условиях кардинального реформирования таможенного ведомства, для лиц начальствующего состава введены пожизненные персональные звания, а приказом от 30 марта 1987 г. отменены петлицы и введены новые наплечные знаки различия – бархатные зеленые погончики с зелеными просветами в зависимости от категории. На них крепились введенные в это время особого образца золотистые малые десятиконечные звезды для младшего начсостава, большие пятнадцатиконечные с красной звездой в центре – для старшего начсостава. В 1988 г. знаки различия изменились. Были введены погоны, более подобные на армейские (повседневные – серого цвета, парадные – зеленого, белые на белую рубашку). На них большими или малыми звездами отмечалось персональное звание, а одним или двумя золотыми галунами ниже их обозначался старший или младший начсостав должностных лиц таможенных органов. На воротнике петлицы с кадуцеями были заменены на петличные эмблемы в виде щита с гербом СССР. Подобная эмблема была помещена и в центр кокарды. Кадуцей, классический и международный таможенный геральдический знак, с этого времени из советской таможенной символики был удален.

Таможенный кодекс 1991 г. ввел новую эмблему таможенной службы СССР. Выглядела она как круг с изображенными на его поле контуром территории СССР и надписью «СССР» внутри этого контура, жезлом Меркурия, буквой «Т» в форме арки и надписью «Таможенная служба». Таможенные инспекторы носили и новый служебный жетон – щит с абрисом территории СССР, надписью «Государственный таможенный контроль» и служебным номером.

После создания национальной таможенной службы Беларуси 20 сентября 1991 г. и до выхода 10 июля 1992 г. постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об обеспечении работников таможенной службы Республики Беларусь форменной и специальной одеждой и обувью» белорусские таможенники имели советские таможенные знаки различия 1988 г. Некоторое время в условиях отсутствия форменной одежды и национальных знаков различия сотрудники пограничных таможен носили на левом рукаве разного цвета тканевые повязки с надписью «ТАМОЖНЯ» или «МЫТНЯ».

Первый белорусский Таможенный кодекс 1993 г. закрепил право ношения форменной одежды должностными лицами таможенных органов. Были введены новый нарукавный и нагрудный знаки с госсимволикой 1992–1995 гг. – «Пагоня». Новый нагрудный нашивной знак был стилизован под крылья и имел надпись: «МЫТНЯ – CUSTOMS». Форменная одежда

приобрела светлый серо-голубой цвет. Персональные звания обозначались на погонах серого цвета с помощью зеленых просветов и продольного размещения звезд советского образца. Вновь принятые должностные лица до аттестации и присвоения персонального звания носили погоны инспектора с одним просветом и без звезд. Для государственных советников таможенной службы устанавливались погоны особого плетения с вышитыми звездами. На воротниках госсоветников вышивалась золотом веточка лавра, остальные категории носили петличную эмблему в виде государственного герба, обрамленного дубовыми листьями. 19 января 1996 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 48 были приняты знаки различия на основе новой государственной символики. Наручный знак стал композиционно походить на советский образец 1991 г. – голубой щит с желтой и зеленой окантовкой с изображением на его поле территории Республики Беларусь и белой надписью на нем «БЕЛАРУСЬ», под которой размещена стилизованная в виде белой греческой арки буква «Т». Вокруг абриса территории Беларуси расположена желтым надписью «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА».

Указом Президента Республики Беларусь от 2 марта 2001 г. в целях «сохранения и развития исторических традиций таможенных органов» был учрежден новый геральдический знак-эмблема – перекрещенные кадуцей и ключ золотистого цвета, а также флаг таможенных органов Республики Беларусь – геральдическая эмблема располагалась на темно-зеленом поле. Эмблема стала основой для нового образца единого нарукавного знака, проектов нарукавных знаков таможен. Белорусские таможенники в качестве главного элемента ведомственной эмблемы вновь получили классический таможенный знак – кадуцей и традиционный зеленый приборный колор [6, с. 218]. С 2003 г. цвет форменной одежды был заменен на более практичный и представительный темный оттенок. 21 апреля 2008 г. Указом Президента Республики Беларусь № 228 «О некоторых вопросах таможенных органов» форма одежды претерпела положительные изменения, кроме того, было введено новое персональное звание – инспектор таможенной службы IV ранга [7, с. 27]. С этого момента в таможенных органах устанавливались следующие персональные звания:

государственный советник таможенной службы I, II, III ранга; советник таможенной службы I, II, III ранга; инспектор таможенной службы I, II, III, IV ранга.

В соответствии с Указом форменная одежда подразделялась на три вида: представительская, повседневная и специальная, а по сезону на летнюю и зимнюю. В перечень основных предметов формы одежды мужчин – должностных лиц таможенных органов, имеющих персональные звания советников и инспекторов таможенной службы, входили: фуражка серо-голубого цвета, с околышем и кантом зеленого цвета; костюм представительский серо-голубого цвета; костюм повседневный серо-голубого цвета; куртка темно-синего цвета; куртка демисезонная утепленная темно-синего цвета с капюшоном; джемпер темно-синего цвета; рубашка белого и голубого цвета с длинными и короткими рукавами; галстук темно-синего цвета; обувь черного цвета. Форма государственного советника таможенной службы, а также начальника главного управления, отдела ГТК и начальника таможен имеет сиреневый цвет. Также была введена специальная одежда темно-синего (для лиц, осуществляющих дозор транспортных средств, грузов) и черного (для должностных лиц, осуществляющих специальные мероприятия по борьбе с контрабандой, сотрудников кинологической службы и оперативно-поисковых подразделений) цветов. В комплект спецодежды вошли: плащ-накидка из прорезиненной ткани темно-синего (черного) цвета с надписью «МЫТНЯ» и элементами из световозвращающих материалов, ремень кожаный (сумка) черного цвета; жилет специальный желтого цвета с надписью «МЫТНЯ»; снаряжение кожаное черного цвета (для ношения табельного оружия и специальных средств).

В настоящее время белорусская таможенная форма продолжает развиваться прежде всего в направлении совершенствования специальной одежды. Появляются новые куртки, комбинезоны, жилеты, майки-поло и т. д.

Заключение. Таким образом, современная форменная одежда должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь разработана с учетом как униформологических и геральдических традиций, так и современных технологий, требований к ведомственной одежде. Сегодня она представляет собой один из лучших образцов ведомственной форменной одежды в Беларуси.

Литература

1. Кодекс чести должностного лица таможенного органа. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/159910/1/Кодекс%20чести%20должностного%20лица%20таможенного%20органа.pdf> (дата обращения: 04.03.2019).
2. Саяпин В. Ю. Таможенная служба: в 2 кн. Гродно: Гродн. тип., 2005. Кн. 1: Мыто и мытники. 400 с.

3. Символы таможенной службы России / А. Алексеев [и др.]. М.: Русь, 2003. 270 с.
4. Саяпин В. Ю. Таможенная служба: в 2 кн. Гродно: Гродн. тип., 2005. Кн. 2: Борьба с контрабандой. 616 с.
5. Символы таможенной службы России / А. Алексеев [и др.]. М.: Русь, 2003. 270 с.
6. Государственная таможенная служба Республики Беларусь. История и современность / под общ. ред. А. Ф. Шпилевского. Минск: Белтаможсервис, 2006. 248 с.
7. Дубик И. И., Острога В. А., Сантарович В. М. Моя профессия – таможенник. Минск: Белтаможсервис, 2011. 68 с.

References

1. *Kodeks chesti dolzhnostnogo litsa tamozhennogo organa* [“Code of Honor of a Customs Official”]. Available at: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/159910/1/Kodeks%20chesti%20dolzhnostnogo%20litsa%20tamozhennogo%20organa.pdf>. (accessed 04.03.2019).
2. Sayapin V. Yu. *Tamozhennaya sluzhba. Kn. 1. Myto i mytniki* [Customs Service. Vol. 2. Myto and mytniki]. Grodno, Grodnenskaya tipografia Publ., 2005. 400 p.
3. Alekseev A. *Simvoliy tamozhennoy sluzhby Rossii* [Symbols of the customs service of Russia]. Moscow, Rus' Publ., 2003. 270 p.
4. Sayapin V. Yu. *Tamozhennaya sluzhba. Kn. 2. Bor'ba s kontrabandoy* [Customs Service. Vol. 2. Smuggling]. Grodno, Grodnenskaya tipografia Publ., 2005. 616 p.
5. Alekseev A. [et al.]. *Simvoliy tamozhennoy sluzhby Rossii* [Symbols of the customs service of Russia]. Moscow, Rus' Publ., 2003. 270 p.
6. *Gosudarstvennaya tamozhennaya sluzhba Respubliki Belarus'. Istoriya i sovremennost'* [State Customs Service of the Republic of Belarus. History and modernity]. Ed. by A. F. Shpilevskiy. Minsk, Beltamozhservis Publ., 2006. 248 p.
7. Dubik I. I., Ostroga V. A., Santarovich V. M. *Moya professiya – tamozhennik* [My profession is a customs officer]. Minsk, Beltamozhservis Publ., 2011. 68 p.

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Ostroga Victor Alexandrovich – DSc (History), Associate Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 11.03.2019

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев

Военная академия Республики Беларусь

**О РОЛИ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ**

В статье рассмотрена роль сил специальных операций и специальных войск объединенных вооруженных сил НАТО в военных конфликтах различной интенсивности, выполняемые ими задачи и направления развития, показан состав, задачи и общие возможности специальных войск вооруженных сил Польши. Отмечается, что они становятся универсальным инструментом решения наиболее важных стратегических и оперативно-тактических задач на всех этапах эскалации вооруженного противоборства. А основными преимуществами данных сил являются их готовность к немедленному выполнению задач в мирное время, что вызывает пристальное внимание со стороны военно-политического руководства ведущих стран мира.

Ключевые слова: силы специальных операций, операция, диверсионно-разведывательная группа, специальные войска, военный конфликт, вооруженный конфликт.

A. A. Zaitsev

Military Academy of the Republic of Belarus

**ABOUT THE ROLE OF FORCES OF SPECIAL OPERATIONS
IN THE MODERN CONFRONTATIONS**

In article the role of forces of special operations of incorporated armed forces of the NATO in military conflicts of the various intensity, problems carried out by them and development directions is considered, the structure, problems and the general possibilities of special armies of armed forces of Poland is shown. It is noted that, they are becoming a universal tool for solving the most important strategic and operational-tactical tasks at all stages of the escalation of an armed confrontation. And the main advantages of these forces are their readiness for the immediate execution of tasks in peacetime, which causes close attention from the military-political leadership of the leading countries of the world.

Key words: forces of special operations, operation, the diversion-prospecting group, special armies, the military conflict, a confrontation.

Введение. В настоящее время в вооруженных силах практически любой страны мира существуют подразделения и части, предназначенные для выполнения особых задач. Эти части различаются по составу, организации, методам подготовки военнослужащих, используемому вооружению, форме одежды, однако задачи, которые перед ними ставятся, имеют единую направленность – диверсионно-разведывательная и другая тайная деятельность в тылу противника, выполнение специальных заданий правительства своей страны, операции по борьбе с терроризмом и т. п. Эти силы называются силами специальных операций (далее – ССО) или специальными войсками [1].

Основная часть. Формирования ССО подчиняются высшему военному-политическому руководству страны и действуют самостоятельно. Служба в них считается особо престижной, что обуславливает избыток желающих служить в таких частях и, следовательно, возможность тщательного отбора кандидатов, к которым предъявляются повышенные требования как в физическом, так и в интеллектуальном плане.

В течение последнего десятилетия роль таких частей в вооруженных конфликтах значительно возросла. Как показывает практика, ССО являются наиболее профессионально подготовленными войсками, что обеспечивает высокую эффективность выполнения поставленных им задач. Они становятся универсальным инструментом решения наиболее важных стратегических и оперативно-тактических задач на всех этапах эскалации вооруженного противоборства. Основными преимуществами данных сил являются их готовность к немедленному выполнению задач в мирное время, в то время как для применения других сил требуется от нескольких недель до нескольких месяцев.

Пристальное внимание к ССО со стороны военно-политического руководства ведущих стран мира объясняется высокой эффективностью и результативностью их применения в современных вооруженных конфликтах.

Наибольшее влияние ССО могут оказать на противника на этапе создания нестабильной обстановки в противоборствующем государстве. Основными **задачами**, решаемыми в этот период, будут:

- проведение подрывных акций по дестабилизации обстановки в стране;
- подготовка и координация действий незаконных вооруженных формирований;
- проведение информационных (психологических) операций (акций) по устрашению населения;
- физическое уничтожение представителей власти и руководящего состава вооруженных сил [2].

В ряде случаев использование этих частей в самом начале боевых действий приводило к досрочному успешному завершению конфликта. Подтверждением этому является, в частности, активное применение ССО вооруженных сил США в Панаме, Гренаде, зоне Персидского залива, Ливии и в ходе других военных акций.

По мере развития ССО внедрялись инновационные формы и способы их применения. Вспомним Афганистан – первую мишень американцев в рамках развязанной ими «глобальной войны с терроризмом», где скоординированное применение средств воздушного нападения и ССО в качестве наземного ударного компонента без создания полноценной сухопутной группировки стало в начале войны залогом военного поражения талибов.

Похожая ситуация служила в Ливии [3]. Именно скоординированные действия подразделений ССО и авиации альянса сыграли решающую роль в свержении законно избранной власти. Потенциал ССО был использован на всех этапах данного вооруженного конфликта. Еще до вторжения натовских «объединенных защитников» в воздушное пространство этой страны здесь появились бойцы подразделений ССО вооруженных сил США, 22-го полка САС Великобритании, французской бригады специального назначения (далее – СпН), группы «Коммандос» Нидерландов, отдельных подразделений СпН вооруженных сил Катара и Иордании. Они прибывали и действовали под видом иностранных журналистов, бизнесменов и рабочих, занимаясь сбором необходимых для планирования военной операции разведанных и организацией местного вооруженного сопротивления.

С началом операции решались задачи наведения средств воздушного нападения, вывода из строя наиболее важных объектов военной и гражданской инфраструктуры, а также координации действий вооруженных повстанческих группировок вплоть до непосредственного руководства ими и личного участия в боевых действиях. Поиск и захват представителей ливийского государственного и военного руководства, включая М. Каддафи и его сыновей, также были организованы и осуществлены с участием профессионалов.

Общее управление действиями подразделений ССО осуществлялось в рамках координационного центра «коалиции», который был развернут на авиабазе Суда (о. Крит) оперативной группой в составе представителей вооруженных сил стран-участниц операции. При этом детализация задач подразделениям СпН, планирование их действий, обеспечение вывода в районы боевого применения, материально-техническое снабжение и поддержание связи находились исключительно в национальной компетенции. Для этих целей использовались как стационарные, так и передовые пункты управления, развернутые на морских платформах в Средиземном море.

Исходя из важности выполняемых задач ССО в настоящее время являются самым динамично развивающимся компонентом объединенных вооруженных сил НАТО. Наиболее ярким примером создания ССО в вооруженных силах являются США. Численность формирований специального назначения в настоящее время составляет более 63 тыс. человек, что сопоставимо с нашими Вооруженными Силами [2].

Военные расходы, выделяемые на развитие ССО в США, составляют более 10 млрд долл., в Великобритании – 3,5 млрд долл. По плану американского военного руководства в ближайшей перспективе предполагается увеличить на 30% количество регулярных подразделений ССО особенно за счет частей информационных операций и по работе с гражданским населением, так как, по их мнению, в военных конфликтах эта работа выходит на первый план.

Не отстает в создании формирований ССО и наш сосед Польша. В настоящее время специальные войска (польская терминология) вооруженных сил Польши включают командование компонента специальных войск, в подчинении которого находятся три боевые воинские части («Коммандос», «Гром», «Формоза») и две – обеспечения («Нил» и Агат»). Их общая численность составляет около 3,3 тыс. военнослужащих [4].

В оперативном подчинении командования компонента специальных войск также находится авиационная эскадрилья специальных операций ВВС. Кроме того, при необходимости компонент специальных войск может быть усилен подразделениями центральной группы психологических действий (воинская часть центрального подчинения), а также базой БЛА военно-воздушных сил.

Основными задачами специальных войск вооруженных сил Польши являются: проведение контрповстанческих и контртеррористических мероприятий; участие в контртеррористических операциях, в т. ч. по освобождению

заложников; ведение разведывательно-диверсионной деятельности; ведение специальной разведки; захват, минирование морских судов; проведение диверсий на объектах морской инфраструктуры; охрана высокопоставленных должностных лиц; участие в проведении поисково-спасательных операций и др.

Общие возможности специальных войск Польши позволяют выделить до 50 диверсионно-разведывательных групп (ДРГ) штатного состава или свыше 110 ДРГ в составе отделения. Несложные расчеты показывают, что при действиях на территории противника они способны уничтожить свыше 100 различных объектов государственного и военного назначения.

Доля военных расходов, выделяемых на развитие ССО, в Польше составляет около 0,5 млрд долл. В перерасчете на одного военнослужащего применительно к специальным войскам Польши эта сумма достигает 190 тыс. долл. Для сравнения: данный показатель в сухопутных войсках составляет 12 тыс. долл. [4].

Данные средства идут на оснащение специальных войск техникой, вооружением, беспилотными летательными аппаратами разведывательного и ударного назначения, средствами связи и индивидуальной экипировки военнослужащих.

В рамках совершенствования индивидуальной экипировки военнослужащих ССО предполагается осуществить закупку свыше 1 тыс. комплектов тепловизионных прицелов «Рубин» с наשלемыми дисплеями, которые обеспечивают ведение стрельбы из-за укрытий, коллиматорные прицелы Shield Mini Sight 8 MOA, около 400 разгрузочных жилетов с модульной системой крепления снаряжения PALS, переносные терминалы системы передачи данных «Линк-16», водолазное оборудование и другие элементы специального снаряжения.

В целом в ходе строительства и совершенствования вооруженных сил военно-политическое руководство НАТО первоочередное внимание уделяет развитию компонента ССО во всех структурных элементах вооруженных сил – сухопутных войсках, военно-морских и военно-воздушных силах, а в США и в корпусе морской пехоты. Предполагается в ближайшее время в рамках командования ССО формирование специальной оперативно-управленческой структуры, отвечающей за «наиболее закрытые специальные операции».

Заключение. Проведенные исследования показывают, что основными направлениями совершенствования ССО ОВС НАТО являются:

– повышение их возможностей при проникновении в охраняемые районы или зоны конфликтов со значительных расстояний. В интересах этого совершенствуются авиация ССО, средства доставки по воде, воздуху, земле, методы и способы доставки диверсионно-разведывательных групп к местам выполнения задач. Планируется переоборудование авианосца или строительство специального судна в качестве платформы для применения специальных подразделений ВМС, а также переоборудование четырех стратегических подводных лодок в многоцелевые с возможностью использования их в качестве базовой платформы для «усовершенствованных средств доставки» спецподразделений к месту выполнения боевых задач и др.;

– наращивание сил и средств для обеспечения малозаметного постоянного присутствия в кризисных регионах, а также дальнейшее наращивание «тактического взаимодействия» армейских ССО с оперативными подразделениями ЦРУ. Осуществляется развертывание агентурной сети, вербовка населения и т. д. [5];

– совершенствование национальных систем оперативной и боевой подготовки с целью обеспечения действий своих контингентов в составе коалиционной группировки ССО. Так, в Европе в районе Штутгарта развернут центр по подготовке ССО государств-членов НАТО. Предполагается расширение масштабов подготовки в двух учебных центрах специальных операций сухопутных войск (Форт-Брэгг и Форт-Льюис) «зеленых беретов» по курсу оперативной разведки;

– повышение разведывательных возможностей за счет активного внедрения в структуру специальных войск частей (подразделений) беспилотных летательных аппаратов, пилотируемой авиации, средств радио- и радиотехнической разведки, а также использование искусственных спутников Земли.

Таким образом, развитие, совершенствование и задействование ССО в современных военных конфликтах рассматривается в качестве наиболее эффективной военной меры, которая позволяет руководству Североатлантического союза достигать стратегических целей без применения крупных группировок войск (сил).

Литература

1. Метров О. Концептуальные взгляды вооруженных сил США на развитие форм и способов применения сил специальных операций // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 4. С. 44–52.
2. Бурутин Б. Силы специальных операций США // Армейский сборник. 2013. № 2. С. 57–61.

3. Галушко С. ССО и война в Ливии. Аналитический доклад. Центр стратегических оценок и прогнозов. М. 2011. 31 с.
4. Виталин А. Командование специальных операций вооруженных сил Польши // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 2. С. 37–42.
5. Зайцев А. Реформирование разведывательного сообщества США в XXI веке // Труды БГТУ. 2015. № 5: История, философия, филология. С. 71–74.

References

1. Metrov O. Kontseptualnye's metres sights of armed forces of the USA at development of forms and ways of application of forces of special operations. *Zarubezhnoye voyennoye obozreniye* [Foreign military review], 2016, no. 4, pp. 44–52 (In Russian).
2. Burutin B. Sily of special operations of the USA Armeyskiy sbornik [The collection], 2013, no. 2, pp. 57–61 (In Russian).
3. Galushko S. *SSO i vojna v Livii. Analiticheskiy doklad. Tsentri strategicheskikh otsenok i prognozov* [SSO and war in Livya. The analytical report. The centre of strategic estimations and forecasts]. Moscow, 2011. 31 p.
4. Vitolin A. Komandovanie of special operations of armed forces of Poland. *Zarubezhnoye voyennoye obozreniye* [Foreign military review], 2017, no. 2, pp. 37–42 (In Russian).
5. Zaytsev A. Reforming the U.S.A. in telligence community in the twenty-first century. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2015, no. 5: History, Philosophy, Philology, pp. 71–74 (In Russian).

Информация об авторе

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

The information on the author

Zaytsev Alexander Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy of faculty of the Joint Staff. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 10.02.2019

УДК 321.01(476)

И. И. Шишковец

Международный университет «МИТСО»

О БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

В статье обосновывается значимость и актуальность белорусской национальной идеи в консолидации общества для сохранения территориальной целостности и независимости Беларуси, укрепления государственности, решения социальных задач в современных геополитических условиях, вызванных обострением межгосударственных противоречий и процессами глобализации.

Автор исследует концептуальные положения (доминанты) белорусской национальной идеи, которые в разные исторические периоды развития нашего государства находили отражение в философско-публицистических произведениях отечественных философов, писателей, мыслителей и являются актуальными в современный период. Такими концептуальными положениями (доминантами) национальной идеи являются осознание белорусским народом смысла своего бытия, вера в высшие ценности и готовность их защищать; историческое стремление к свободе, независимости, за право «людзьмі звацца»; сохранение и развитие национальной культуры, белорусского государства; любовь к своей Родине, особенно к малой родине («роднаму куту»).

В статье дается определение белорусской национальной идеи, излагается и обосновывается авторский взгляд на ее суть.

Ключевые слова: нация, этнос, белорусская национальная идея, доминанты белорусской национальной идеи, концепция устойчивого развития.

I. I. Shishkovets

International University “MITSO”

ABOUT THE BELARUSIAN NATIONAL IDEA

The article substantiates the importance and relevance of the Belarusian national idea in consolidating society to preserve the territorial integrity and independence of Belarus, strengthen statehood, and solve social problems in modern geopolitical conditions caused by the aggravation of interstate contradictions and globalization processes.

The author explores the conceptual provisions (dominants) of the Belarusian national idea, which, in different historical periods of our state development, were reflected in the philosophical and journalistic works of philosophers, writers and thinkers, and have preserved their relevance in the modern world. Such conceptual provisions (dominants) of the national idea are the Belarusian people awareness of their existence meaning, belief in the essential values and the willingness to protect them; the historical desire for freedom, independence, the right to be called “the people”; preserve and develop the national culture of the Belarusian state; love for the homeland, especially for the place where each of us was born.

The article defines the Belarusian national idea and contains the author’s view on its essence.

Key words: nation, ethnos, Belarusian national idea, dominants of the Belarusian national idea, the concept of sustainable development.

Введение. Каждый народ на определенной исторической ступени своего развития приходит к осознанию своей социальной целостности и причастности к конкретной нации (от лат. *Natio* – племя, народ) – «исторически сложившейся части человечества, объединенной устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры» [1].

Осознание представителями территориальной общности людей необходимости само-

определиваться в качестве особой нации, строить свою жизнедеятельность и отношения с другими народами по собственному усмотрению, находит выражение в национальной идее.

Основная часть. Национальная идея – это «систематизированное, устойчивое ко времени обобщение национального самосознания, представленное чаще всего в форме социально-философских или общественно-политических, художественных произведений» [2].

В национальной идее отражается интеллектуальный, нравственный и эстетический потенциал народа, его идеалы и ценности, синтезируются природно-географические, культурные, социально-экономические, языковые, религиозные и иные факторы и др. Такая идея объективно интегрируется с государственной идеей в единое целое, создает основу для эволюции наций и консолидации общества, особенно в кризисные общественно-государственные периоды.

Мировая историческая практика свидетельствует о том, что национальная идея актуализируется при наличии обстоятельств, создающих угрозы национальной безопасности и независимости страны, для реализации следующих функций: «интегративная (объединение общества); объяснительная (обоснование существующего политического строя); целеполагающая (формулирует цели общественного развития и определяет пути их достижения)» [3].

В нашей стране пристальное внимание к национальной идее обусловлено необходимостью консолидации общества для сохранения территориальной целостности и независимости Беларуси, развития белорусского общества и государства в современных геополитических условиях, вызванных обострением межгосударственных противоречий.

О ее востребованности свидетельствуют и результаты социологического исследования, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, в соответствии с которыми «почти три четверти опрошенных жителей страны считают, что нашему обществу нужна объединяющая национальная идея» [4, с. 81].

На необходимость белорусской национальной идеи указал и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, по словам которого «национальной идеи в Беларуси до сих пор нет, но формулировать ее надо, потому что это – кратко – движение вперед, послание всем поколениям нашим будущим» [5].

Изложенные обстоятельства актуализируют внимание к белорусской национальной идее, обуславливают необходимость ее философского осмысления, требуют научного подхода.

Многие исследователи справедливо полагают, что национальная идея чаще всего выражается в социально-философских, общественно-политических, художественных произведениях, исторических и других материалах, что актуализирует внимание к историческим истокам белорусского народа и творческому наследию отечественных философов, писателей и мыслителей.

Этнокультурный фундамент белорусского этноса сложился в эпохи античности и раннего средневековья в результате длительного исто-

рического пути, в процессе которого формировался славянский этнический массив, осуществлялось его обособление от балтов и других индоевропейцев, расселение на территории Беларуси, взаимодействие с субстратным населением и др. [6, с. 467].

С середины XVII ст. территория современной Беларуси в исторических источниках стала ассоциироваться с названием «Белая Русь», население которой пришло к самоосознанию (самоидентификации) себя в качестве самобытного православного национального меньшинства Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), за которым закрепилось этнонимичное название «беларусцы» [7, с. 71]. Процесс формирования и развития их национальной культуры достаточно активно проходил в эпоху Возрождения Беларуси (в XVI – первой половине XVII ст.). В этот период издавались первые буквари, грамматические словари, памятники гражданско-правовой мысли – Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг., литературные шедевры белорусской культуры известных деятелей этой эпохи Ф. Скарыны, М. Литвина, М. С. Будного, А. Волмы и др. [8, с. 61]. Однако дальнейшая эволюция национальной общности «беларусцы» до уровня этнонима и названия всей этнической территории «Белая Русь» была приостановлена из-за потери суверенитета страны, усиливающихся процессов колонизации и русификации местного населения [7, с. 71], что актуализировало востребованность в национальной идее для консолидации белорусского общества в борьбе за независимость страны.

В этот период концептуальные положения национальной идеи находили выражение в философско-публицистических произведениях белорусских философов (Ф. Скорины, С. Будного, С. Полоцкого), произведениях А. Мицкевича, В. Дунина-Марцинкевича, Я. Коласа, М. Богдановича, Ф. Богусевича, Я. Купалы и др.

Особая роль принадлежит белорусским классикам, писателям и поэтам. Так, в знаменитых произведениях Ф. Богусевича «Дудка беларуская» и «Смык беларускі» впервые показана самостоятельность и самобытность белорусского этноса, а в стихотворении Я. Купалы «А хто там ідзе?» – национальные черты белорусотруженика, отражена национальная идея в единстве с социальным освобождением белорусского народа, его стремлением «людзьмі звацца».

В произведениях Я. Коласа («Новая зямля», «Сымон-музыка и др.) нашли отражение повседневная жизнь белорусов, нравственные и духовные ценности белорусской нации.

М. Богданович опозитивировал белорусскую национальную идею (стихотворения «Слущкія ткачы», «Раманс» и др.). Поэт справедливо

связывал решение проблемы национального возрождения с развитием и обогащением духовных ценностей белорусского народа в общем потоке славянской и мировой культуры, «необходимостью активного содействия стремлению к государственной самостоятельности Беларуси» [9, с. 78].

В философско-публицистических произведениях отечественных философов, писателей и мыслителей XVII–XX вв. нашли отражение следующие концептуальные положения (доминанты) белорусской национальной идеи: осознание народом смысла своего бытия, вера в высшие ценности, готовность их защищать и идти на жертвы, историческое стремление к свободе, независимости, за право «людзьмі звацца»; сохранение и развитие национальной культуры, белорусского государства, укрепление гражданской ответственности за будущее страны, любовь к своей Родине, особенно к малой родине («роднаму куту»). Эти положения национальной идеи сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Современные исследователи (Бабосов Е. М., Мельник В. А., Слука А. Г.) в качестве доминант белорусской национальной идеи справедливо определяют «белорусскую государственность, независимость, стабильность, благосостояние, построение сильной и процветающей Беларуси», «духовное обогащение, формирование высоких гражданских качеств, патриотизма, возрождение исторической памяти, национально-культурной идентичности» [10].

По мнению А. Г. Слуки, «в интегрированном виде белорусская национальная идея звучит содержательно и возвышенно: Свобода; Независимость; Справедливость» [11, с. 353].

Эти доминанты дают жизненную силу белорусской национальной идее в консолидирующем воздействии на наших соотечественников, без которых она выхолащивается и отмирает. Они появились в течение XX века вместе с белорусской государственностью, литературным языком, национальным самосознанием, что завершило формирование белорусской нации в современном ее понимании, объективно востребовало необходимость объединительной государственной идеологии, ядром которой должна стать национальная идея.

Современные исследователи неоднозначно определяют белорусскую национальную идею,

основным свойством которой является способность объединить проживающих в Республике Беларусь граждан – «представителей около 140 национальностей, 112 национальных меньшинств, 3510 религиозных организаций и др.» [12].

Такой объединительной белорусской национальной идеей может быть идея малой родины, «роднага кута», привязанности к земле, где родился и вырос каждый из нас, территории страны, которая является составной частью большой родины – Республики Беларусь, гражданской ответственности за ее судьбу, патриотизма к малой и большой Родине. Эта идея может быть единой для граждан Республики Беларусь различных наций, национальностей, национальных меньшинств: белорусов, русских, поляков, украинцев, евреев и других национальностей, для которых малая родина и большая – одно целое.

С белорусской национальной идеей созвучна и российская национальная идея, основу которой составляет патриотизм. По словам Президента Российской Федерации Путина В. В. «у нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея» [13].

Заключение. Белорусскую национальную идею можно определить в качестве систематизированного и устойчивого ко времени обобщения самосознания белорусского народа, смысла и высшей ценности его бытия, исторического стремления к свободе, белорусской государственности и независимости Беларуси, укреплению исторической памяти, национально-культурной идентичности, гражданской ответственности за будущее страны, любви к «роднаму куту», своей Родине.

В основе белорусской национальной идеи, способной объединить граждан нашей страны, может быть идея малой родины, «роднага кута», основанная на патриотизме и любви к ней, трансформировавшаяся в идею большой родины – Республики Беларусь. Она должна *вытекать* из пройденного нашим народом исторического пути, *выстраиваться в контексте* мирового развития, выступать программой по развитию и укреплению белорусского общества и государства, включению страны в интеграционные процессы, прежде всего в осуществление идеи Союзного государства и Евразийского союза, и через них в формирование миросистемы XXI века.

Литература

1. Нация – Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.by/search/> (дата обращения: 12.05.2018).
2. Национальная идея. URL: <https://dic.academic.ru/searchall> (дата обращения: 12.05.2018).
3. Функции национальной идеи. URL: <http://www.zavtrasessiya.com/index> (дата обращения: 12.05.2018).

4. Бабосов Е. М. У истоков белорусской национальной идеи // *Беларуская думка*. 2016. № 10. С. 77–2.
5. Лукашенко: национальной идеи у нас до сих пор нет. URL: <https://yandex.by/search> (дата обращения: 12.05.2018).
6. Носевич В. Основные вехи этногенеза белорусов // *Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века*. Минск: Харвест, 2012. С. 467–507.
7. Старонкі гісторыі Беларусі. Акадэмія навук Беларускай ССР. Інстытут гісторыі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 157 с.
8. Голубеў В. Ф., Крук У. П., Лойка П. А. Ці ведаеце вы гісторыю сваёй краіны? / Мінск: Нар. асвета, 1994. 135 с.
9. Багдановіч М. Поўны збор твораў: у 3 т. Мінск, 1995. Т. 3. С. 97–100.
10. Белорусская национальная идея: история и современность. URL: <https://studfiles.net/preview> (дата обращения: 12.05.2018).
11. Слука А. Нацыянальная ідэя. Минск: РИВШ, 2008. 364 с.
12. Представители какого количества национальностей живут в Беларуси. URL: <https://thinktanks.by/publication> (дата обращения: 07.01.2019).
13. Путин озвучил национальную идею России. URL: http://www.stoletie.ru/lenta/putin_ozvuchil_nacionalnuju_ideju_rossii (дата обращения: 07.01.2019).

References

1. *Natsiya – Tolkavyy slovar’ Ushakova* [Nation – Ushakov Explanatory Dictionary]. Available at: <https://yandex.by/search/> (accessed 12.05.2018).
2. *Natsional’naya ideya* [National idea]. Available at: <https://dic.academic.ru/search> (accessed 12.05.2018).
3. *Funktsii natsional’noy idei* [Functions of the National Idea]. Available at: <http://www.zavtrasessiya.com/index> (accessed 12.05.2018).
4. Babosov E. M. Roots of the Belarusian National Idea. *Belaruskaya dumka* [Belarusian idea], 2016, no. 10, pp. 77–82 (In Russian).
5. *Lukashenko: natsional’noy idei u nas do sikh por net* [Lukashenko: we still do not have a national idea]. Available at: <https://yandex.by/search/> (accessed 12.05.2018).
6. Nosevich V. Major milestones of the ethnogenesis of the Belarusians. *Predustoriya belorusov c drevneyshikh vremen do XIII veka* [The prehistory of the Belarusians in the ancient times before the 13 century]. Minsk, Harvest Publ., 2012, pp. 467–507.
7. *Staronki gistoryi Belarusi. Akademiya novykh Belaruskay SSR. Instytut gistoryi* [Belorussian History Pages. Academy of Sciences of the Belarusian SSR. Institute of History]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1992. 157 p.
8. Golubev V. F., Kruk U. P., Loyka P. A. *Tsi vedayetse vy gistoryyu svayey krainy?* [Do you know the history of your country?]. Minsk. Narodnaya asveta Publ., 1994. 135 p.
9. Bagdanovich M. *Pouny zbor tvoray: v 3 t.* [Complete edition of works: in 3 vol]. Minsk, 1995, vol. 3, pp. 97–100.
10. *Belorusskaya natsional’naya ideya: istoriya i sovremennost’* [Belarusian national idea: history and modernity]. Available at: <https://studfiles.net/preview/> (accessed 12.05.2018).
11. Sluka A. *Natsional’naya ideya* [National Idea]. Minsk, RIVSh Publ., 2008. 364 p.
12. *Predstaviteli kakogo kolichestva natsional’nostey zhivut v Belarusi* [How many nationalities live in Belarus]. Available at: <https://thinktanks.by/publication/> (accessed 12.05.2018).
13. *Putin ozvuchil natsional’nyu ideyu Rossii* [Putin said about the national idea of Russia]. Available at: http://www.stoletie.ru/lenta/putin_ozvuchil_nacionalnuju_ideju_rossii (accessed 12.05.2018).

Информация об авторе

Шишковец Иван Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры и нотариата Международного университета «МИТСО» (220099, г. Минск, ул. Казинца, 21, Республика Беларусь).

Information about the Author

Shishkovets Ivan Ivanovich – PhD (Law), Assistant Professor, the Department of Advocacy and Notary, international University “MITSO” (23, Kazintsa str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 30.01.2019

УДК 001.892-021.387

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**ИНВАРИАНТЫ КОЭВОЛЮЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ДЛЯ БЕЗОПАСНОГО БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА**

В статье разрабатывается подход, нацеленный на формирование философского и научного знания на основе выявления инвариантов коэволюции как важнейших принципов, обуславливающих достижение наиболее безопасного пути социотехноприродного развития исходя из методологических ресурсов концепции универсального эволюционизма, которая является основой современной научной картины мира. Обосновывается гипотеза о единстве принципов формирования инвариантов коэволюции в неживой, живой природе и обществе исходя из идеи взаимосвязи тенденций устойчивости и изменчивости в эволюционных процессах. Отмечается специфика проявления инвариантов коэволюции на различных уровнях самоорганизации материальных систем, что необходимо учитывать в регуляции коэволюционных процессов в системах различных характера и величины. Для характеристики сохранения инвариантов коэволюции в неживой, живой природе и обществе применяется термин «мемориализация», выражающий общность структур самоорганизации в эволюционных процессах Вселенной.

Ключевые слова: универсальный эволюционизм, Вселенная, коэволюция, инварианты коэволюции, безопасность, «мемориализация» инвариантов коэволюции.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**INVARIANTS OF CO-EVOLUTION IN THE FORMATION
OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE FOR THE SAFE FUTURE OF THE SOCIETY**

The article develops an approach aimed at the formation of philosophical and scientific knowledge based on the identification of coevolution invariants as the most important principles that determine the achievement of the safest way of socio-technological development based on the methodological resources of the concept of universal evolutionism, which is the basis of the modern scientific picture of the world. The hypothesis of the unity of the principles of formation of invariants of evolution in inanimate, living nature and society based on the idea of the relationship of trends of stability and variability in evolutionary processes is substantiated. The specificity of the manifestation of invariants of evolution at different levels of self-organization of material systems is noted, which must be taken into account in the regulation of coevolutionary processes in systems of different nature and magnitude. To characterize the preservation of invariants of evolution in inanimate, living nature and society, the term “memorialization” is used, expressing the commonality of the structures of self-organization in the evolutionary processes of the Universe.

Key words: universal evolutionism, the universe, coevolution, invariants of co-evolution, security, the “memorialization” of the invariants of co-evolution.

Введение. В самом названии статьи заданы принцип классификации философского и научного знания по инвариантам коэволюции и целевая установка для практического применения такого знания в достижении наиболее безопасных условий жизни общества и его будущего. Таким принципом является развитие методологического подхода по выявлению инвариантов коэволюции на всех основных уровнях организации материальной действительности, а также духовной сферы жизни современного общества, что должно привести к необходимой систематизации соответствующих знаний с последующим решением задачи теоретических обобщений. Несмотря на значительный объем уже существующих разноплановых дисциплинарных знаний о коэволюции, некий общий об-

разец теории коэволюции является актуальной проблемой для обоснования интеллектуального потенциала общего практического предназначения в достижении безопасного вектора развития в различных сферах социальной жизни и подготовки специалистов. В этом отношении постановка вопроса о разработке методологических подходов и выявлении инвариантов коэволюции как общих принципов объективных тенденций самоорганизации, саморазвития, эволюции неживой, живой природы, общества, культуры, а также техносферы, саморегуляции отдельно взятых систем различной природы отражает общую тенденцию становления современной науки и классификации научных знаний по критерию актуальных проблем. Данная тенденция особенно заметна в актуализации научно-технических

знаний, с которыми связана продуктивная адаптация социума к глобальным тенденциям современного развития человечества. Особую остроту приобретает системное знание о коэволюции в связи с неотложностью решения глобальной проблемы современности, выражающейся в масштабном противоречии между ростом численности населения в современном мире, увеличением потребления природных ресурсов и ускорением их истощаемости (глобальный вызов современной цивилизации), что создает угрозу сохранению человечества. Глубокое научное понимание, разработка и использование продуктивных подходов в поисках решения данной проблемы связаны с применением современных научных и философско-методологических знаний о закономерностях космической, химической, биологической, геологической, социальной, духовной, технической эволюции. В этой связи существует неослабевающий исследовательский интерес к выявлению характерных особенностей коэволюционных взаимодействий во внутренних процессах самоорганизации каждого из отмеченных типов эволюции в отдельности и в их взаимосвязях, что обуславливает их единство и общую системную, самоорганизующуюся, саморазвивающуюся, эволюционирующую, а значит, и коэволюционирующую целостность. Единство и взаимосвязь эволюции и коэволюции на всех уровнях самоорганизации обуславливают не только целостность Вселенной, но и ее воспроизводство и развитие как самоподобной, неравновесной, то есть развивающейся и самоорганизующейся по типу усложняющихся системных изменений, в русле которых стало возможным появление человека и потенциальных предпосылок сохранения человечества. Однако такого рода потенциальные предпосылки автоматически (по крайней мере, в современной цивилизации) не превращаются в конкретные условия, обеспечивающие благополучное и бесконечно длительное существование человека в земной природе. В процессе эволюции Вселенной осуществляется стихийный переход к новым уровням образования качественно иных самоорганизующихся системных объектов. Они не только отличаются возникновением более сложных механизмов освоения внешних источников вещества, энергии и информации для сохранения собственной природы, но и являются более автономными и адаптивными в отношении к усложняющимся механизмам связи эволюционных и коэволюционных процессов природы в целом. В этой связи заметим, что, например, Н. Н. Моисеев относил те системы к имеющим наибольшие шансы для сохранения и развития, у которых

тип организации позволяет усваивать энергию извне в наибольших масштабах и наиболее эффективно [1, с. 3]. Человек представляет собой ту систему, в самоорганизации и сохранении которой особую роль выполняют новые стратегические качества – интеллект, культура, наука, социальная организация, труд, осознание себя особой частью природы, ответственность за будущее единой системы «общество – природа», а не только за себя как обособленное, эгоистически настроенное существо. Его достоинствами являются: опережающее знание о самоорганизации и саморазвитии общества и природы, о формировании жизнеспособной социоприродной системы и о том, как это становится возможным на основе применения знаний о единстве тенденций устойчивости и изменчивости в эволюции – коэволюции Вселенной. Поэтому создание системы такого знания продиктовано не только узкопрофессиональной задачей одних лишь исследователей, но и потребностью его включения в мировоззренческие регулятивы деятельности и жизненных стратегий множества социальных групп населения в современном мире. Этими обстоятельствами объясняется выбор тематической направленности статьи.

Основная часть. Основная гипотеза статьи в развернутом виде включает следующие утверждения. Инварианты коэволюции в неживой, живой природе, обществе являются объективно формирующимися на основе единства тенденций устойчивости и изменчивости в процессе универсальной эволюции. Они выступают своеобразными нормативными образцами – критериями памяти, повторяющееся воспроизводство которых обуславливает сохранение систем различных характера и уровня сложности во взаимосвязи общих и специфических механизмов их самоорганизации, саморазвития и сопряженной эволюции, а следовательно, сохраняется и сам эволюционный процесс как определенный тип развития этих систем. Такого рода взаимосвязи обуславливают генерирование механизмов сохранения, самоорганизации и саморазвития систем предыдущих этапов эволюции Вселенной на последующих исторических стадиях эволюционных процессов, что приводит к росту автономности, активности, представляющих их открытых систем нового уровня сложности. Сложность проявляется в способности саморегуляции вплоть до адаптивного изменения внешней среды для более эффективного опережающего использования вещества, энергии и информации в самовоспроизводстве системной организации, в «самокопировании» и размножении систем. Подобными свойствами в ярко выраженной форме обладают биологические системы, способные стихийно

формировать специфические особенности инвариантов коэволюции на основе и в допустимых пределах фундаментальных констант Вселенной, законов фундаментальных констант Вселенной, законов сохранения, сложившихся в процессе ее эволюции и допускающих возможность появления и существования жизни. Жизнь формируется в конкретных условиях биосферы, спонтанно возникшей вместе с развитием «живого вещества». Биосфера является самоорганизующейся, саморазвивающейся, саморегулирующейся эволюционной системой на основе инвариантных циклических процессов космического характера. Она выполняет защитные буферные функции для населяющих ее живых существ от воздействия жестких условий инвариантных «требований» существования космоса. Эту же функцию биосфера выполняет и по отношению к человеку. В этих условиях складывается исторически детерминированная тенденция качественного изменения живых систем, их активности. Появляется форма жизни (человек), способная изменять внешнюю среду с помощью изготавливаемых ею искусственных средств и создавать искусственный мир для своего существования, самовоспроизводства и развития. В русле этих тенденций происходит превращение человека как одного из биологических видов в монополиста-потребителя, отделяющегося от естественной биосферной среды, уходящего от опасностей естественной стихийной коэволюции посредством новой, создаваемой для себя «пещеры» – техносферы, вытесняющей и сокращающей биосферу. Эти процессы обуславливают значительный рост энтропии, величина которой начинает превышать прогрессивные результаты «социотехноприродной» эволюции для сохранения человека. Оказывается, что человек, как мощная «геологическая сила», нацеленная прежде всего на собственное благополучие, разрывает целостную связь между прогрессивными эволюционными изменениями жизни, стихийными механизмами саморегуляции (самоорганизации) в установлении сохраняющего жизнь соотношения самотворения (самовоспроизводства живого), включая принцип селекции наиболее приспособленных биосистем с параметрами энтропии (саморазрушения) живых форм и среды их обитания. Тенденция сохранения неравновесности между доминированием самоорганизации живых объектов в направлении эволюционного их усложнения и их энтропией выражает общий для всего мироздания соответствующий инвариантный принцип коэволюции. Биосферная организация жизни, возможная в конкретных условиях планеты Земля, основана на системной, исто-

рически эволюционирующей организации многовидовых сообществ живых организмов, что позволяет ей формировать перспективы доминирования самосозидания над процессами энтропии в различных формах. Человек же, руководствуясь идеологией антропоцентризма, подчиняет целостную систему биосферной организации жизни прежде всего интересам собственного сохранения в развитии. Создавая техносферу, он делает этот процесс последовательно необратимым, и поэтому ему угрожает перспектива биосферной катастрофы и его собственного исчезновения как биологического вида *Homo sapiens*. Осуществляя данную стратегию, он берет на себя эволюционную ответственность за сохранение целостности системной организации жизни, которая является одним из самых фундаментальных коэволюционных инвариантов, имеющих свои основания в тенденциях сохранения целостности Вселенной как самоорганизующейся системы. Возникает необходимость нового исторического поворота в социотехноприродном развитии человека и жизни в целом. Нужны пересмотр, перенаправление стратегического и функционального предназначения техносферы, программирование ее направленности на сохранение биосферы (и человека, разумеется!) как самоорганизующей системы. Это чрезвычайно масштабная и трудная задача. Она требует определенного переосмысления сущности и роли человеческого разума и самого человека. В этой связи необходим акцент улавливается в размышлениях В. И. Вернадского, который подчеркивал, что человек и его сознание являются функциями биосферы, то есть целостной системы жизни. Утрата этих функций просто недопустима в условиях развивающегося глобального экологического кризиса, хотя на первый взгляд может показаться, что данная мысль В. И. Вернадского представляет собой некое упрощение роли человека в контексте естественнонаучного материализма. Вместе с тем все более четко обнаруживается дефицит современного рационализма именно в отношении самого человека. Разум его не может не выражать сущность самоорганизации, направленной на сохранение той части целостного мира, в которой он существует. Это также фундаментальный инвариант коэволюции. Человеческий разум должен быть нацелен на такое развитие самого человека, которое будет обеспечивать его собственное сохранение. А поскольку он превращается в важнейший фактор эволюции биосферы, то с ним связано будущее всей жизни на Земле. Человек и его сознание становятся функциями новой формирующейся социотехноприродной системы, в которой основная роль в формировании

инвариантов коэволюции принадлежит именно ему. Он должен согласовать инварианты социо-техноприродной системы с инвариантами коэволюции, сложившимися в процессе универсальной эволюции. В этом будет заключаться важнейшая сущностная черта его свободы как выбора стратегии создания системы научного знания, так и обеспечения сохранения от энтропийного разрушения новой системы существования жизни. Человек должен уйти от узкого представления о ноосфере как подчиненной, им созданной и служащей лишь его личным интересам техносферы. Ноосфера должна выполнять роль метасистемы, регулирующей и координирующей стихийные типы самоорганизации и развития неживой, живой природы, общества и техносферы на основе системы коэволюционных инвариантов, допускающих возможности выбора перспективных направлений наиболее безопасного существования жизни в целом и общества в ее системе. Для этого нужны знания об инвариантах коэволюции.

В качестве исходного методологического ориентира в разработке подходов, формировании представлений о сущности, формах, роли, функциях и общем значении инвариантов коэволюции в едином историческом процессе развития природы, общества, культуры, включая техносферу, мышление в их единстве, взаимосвязи и целостности (универсум), мы принимаем концепцию универсального эволюционизма, которая является основой современной научной картины мира. Преимущество универсального эволюционизма как направления развивающихся представлений о коэволюции и ее инвариантах во всех известных частях мира в целом заключается в том, что он выступает новым синтезом философского знания об общих принципах и атрибутивных свойствах бытия мира, а также новых достижений научного знания. К ним относятся: знания о распространении влияния эволюционных идей на понимание происхождения и изменения Вселенной, начиная от Большого взрыва (современные концепции Вселенной); синергетика (наука о самоорганизации на всех уровнях материальной действительности, в культуре и мышлении); теория систем и системный подход, рассматривающие всю Вселенную, включая все ее части, с точки зрения свойств системной организации, ее возникновения, воспроизводства и развития как общего принципа бытия. Универсальный эволюционизм акцентирует внимание не только на общих закономерностях эволюционных процессов, самоорганизации, саморазвития, системогенеза на уровне физических, химических, биологических, социальных объектов, культуры в целом. Он также направляет

познание на выявление особенностей, изменчивости параметров развития, обуславливающих характерные черты таких объектов, их генетическую связь с общим направлением изменений Вселенной – усложнением системной организации в ходе глобальной эволюции.

В универсальном эволюционизме на основе данных науки и философии обосновывается идея о том, что объективные свойства Вселенной, как целостной системы, спонтанно формируют предпосылки или возможности появления особой формы самоорганизации материальной действительности – жизни, а затем и ее системной организации, наделенной разумом. К таким предпосылкам относятся прежде всего согласованность параметров фундаментальных физических явлений – констант физических взаимодействий, масс элементарных частиц, размерностей пространства и другие. К важнейшим условиям возникновения жизни в целом и человека в том числе относится установленная современной космологией взаимосвязь между процессом образования элементарных частиц и эволюцией Вселенной, осуществляющаяся по пути усложнения и преемственности самоорганизации, саморазвития систем неживой, живой и социальной природы. На каждом историческом этапе эволюции Вселенной возникают открытые, неравновесные системы различной природы, способные к саморазвитию. Это также свидетельствует об общих, инвариантных принципах организации Вселенной на всех ее уровнях, начиная от элементарных частиц и заканчивая человеческим обществом. Самоорганизующиеся системы изучает синергетика. Ее познавательные возможности и формулируемые принципы распространяются на электроны, атомы, молекулы, клетки, организмы, многоклеточные организмы, человеческие особи и социальные сообщества.

К саморазвивающимся системам относятся открытые, неравновесные системы. На уровне биологической и социальной природы такого рода системы обмениваются веществом, энергией и информацией. В процессе химической эволюции возникают химические каталитические системы, которые обмениваются веществами и энергией, сохраняя свои особенности. Благодаря открытости и неравновесности систем физической природы они являются фактором возникновения химических систем и химической эволюции. Химическая эволюция оказывается неравновесной, открытой самоорганизующейся системой, создающей предпосылки для появления более сложных биологических систем и биологической эволюции. Открытость, неравновесность, незавершенность биологической эволюции – факторы появления

социально самоорганизующейся реальности, включая социальную эволюцию, появление человека и его разума. Единство, целостность, связанность, последовательность саморазвития, эволюции и коэволюции Вселенной исследовал Э. Янч, выдвинув свою концепцию самоорганизующейся Вселенной [2].

В И. Вернадский в учении о биосфере и в представлениях о ноосфере обосновал идею целостного эволюционного процесса в единстве физических изменений, формирования геохимического состояния земной природы, биологической, биосферной эволюции, появления ноосферы и выявил их связь с космическими изменениями [3].

Универсальный эволюционизм раскрывает и другие факторы, обуславливающие сохранение свойств саморазвития, – необратимости эволюции, способности самоорганизующихся систем к прогрессивной эволюции. Вместе с тем концепция универсального эволюционизма отражает не только тенденцию аккумуляирования (генерирования) механизмов предыдущих типов эволюции в последующих (то, что в диалектике называется отрицанием-снятием). В ней отмечается тенденция расширения диапазона самоорганизующихся систем более высокой степени сложности в развитии механизмов овладения веществом, энергией и информацией всех нижележащих систем, их переструктурирования и создания новых структур. Например, живые организмы являются «биохимическими фабриками», производящими химические (точнее, биохимические) соединения, которых нет в неживой природе. Человек к декабрю 2000 г. произвел около 18 млн химических соединений, которых нет в природе неживой и живой. С ростом эволюционной сложности изменяются пространственные и временные характеристики самоорганизующихся систем, возрастает скорость их саморазвития. Приведенный перечень повторяющихся принципов (конечно, с учетом их специфики) самоорганизации и саморазвития систем различной природы в процессе глобальной эволюции далеко не исчерпывающий. Сама эта концепция является развивающейся, и непредусмотрительно было бы давать ей окончательную оценку с позиций выявления общих принципов, на которых она строится. Эти принципы фактически выступают в качестве инвариантов (сложных сопряжений различных явлений), по нашему мнению, представленных как на уровне эволюции целостной Вселенной, так и в масштабах отдельных типов эволюции, соответствующих большим и малым открытым системам, появляющихся в результате развертывания неживой, живой, социальной природы и

способных к ситуационной самоорганизации. Коэволюция есть один из важнейших механизмов взаимного «открытия» (взаимного детерминирования открытости) различных систем и формирования более общей их организации. Если метафорически представить, что системность, самоорганизация, саморазвитие, эволюция, историческая преемственность и другие инвариантные характеристики бытия систем Вселенной есть равный по масштабу «вызов» бытию Вселенной, брошенный ею самой себе ее же спонтанным возникновением и развертыванием, то во всякой части Вселенной должен быть свой специфический, но общий для всех их, основанный на «памяти» о единичных инвариантных принципах универсальной эволюции, позитивный «ответ». Данный вывод представляется вполне обоснованным, поскольку мир един, взаимосвязан и целостен, а потому и способен к самовоспроизводству, существованию, самосохранению. Но это отнюдь не означает, что от этого общего принципа не существует каких – либо отклонений по причинам, ведущим к саморазрушению в виде, например, преимущественного роста энтропии в какой-либо части реальности, что зафиксировано во втором начале термодинамики. Однако такой рост может выполнять не только негативную, но и позитивную роль. Он может оказывать спонтанное влияние на совершенствование механизмов прогрессивной эволюции. Поэтому сохранение в «памяти» систем сопряженного развития процессов самосозидания и саморазрушения является еще одним важным инвариантом коэволюции систем различной природы. В этой связи могут разрабатываться варианты доминирования необходимого уровня социальной самоорганизации во взаимосвязи с используемой природой таким образом, чтобы уровень производимой энтропии не оказался губительным ни для общества, ни для природы. Это очень важный инвариант самосохранения и саморазвития системы «общество – природа».

К общим инвариантам коэволюции относятся принципы существования Вселенной и любой ее части: единство, целостность, системность, взаимосвязь, взаимодействие, саморазвитие, самоорганизация, самосохранение, эволюция, преемственность, цикличность и другие представленные в концепции универсального эволюционизма фундаментальные свойства бытия мира в целом. Без коэволюции, без сопряжения этих свойств не могло бы быть такого единства, такой системы самоорганизации, саморазвития, эволюции Вселенной.

Поэтому, на наш взгляд, разработка инвариантов коэволюции как факторов самосохранения

природы и общества в их взаимодействии связана с развитием системы знаний об универсальных принципах бытия Вселенной, которые фактически являются ее воспроизводящейся, объективной «памятью» о важнейших механизмах самоорганизации и саморазвития.

Для характеристики такого рода «памяти» мы избрали в качестве рабочего термин «мемориализация», понимая под соответствующим явлением формирование и сохранение во всех структурах Вселенной повторяющихся общих принципов и тенденций, определяющих противоречия и условия ее существования. Явление мемориализации может служить исходной идеей для разработки конкретных представлений об инвариантах коэволюции и их необходимости в практической регуляции отношений общества, техносферы и биосферы.

Заключение. Формирование и интеграция научного знания на основе развития концептуальных представлений о взаимосвязи инвариантов коэволюции обусловлены необходимостью согласования различных форм стихийных изменений и проективно-намеренных преобразований природных и социальных условий жизни общества. Актуальность «сквозного» коэволюционного подхода к систематизации и наращиванию научного знания к тому же объясняется появлением своеобразной планетарной метазадачи по снижению рисков и угроз непредсказуемости возмущающих эффектов глобальной экспансии человеческой деятельности

сти не только в биосфере, но и в собственно социальном развитии и в ускорении изменяющейся, глобализирующейся, опосредствующей среде – техносфере.

Все более отчетливо выявляется сравнительно новая, глобальная закономерность в фазе роста и сжатия во времени – изменение содержания, связей и взаимодействия исторически сложившихся типов эволюции, совокупное действие которых порождает системно-организующую роль, интегрирующую сущность и направленность саморазвития биосферы. Биосфера, в свою очередь, является той глобальной матрицей, которая обуславливает возникновение и становление человека, развивающего полученную от нее по наследству универсальную способность действительного влияния на процессы геологической, химической, биологической и социальной эволюции. Данная сущностная черта, воплощаясь во всепроникающую деятельность человека, создает опасности неконтролируемого развития и, вместе с тем, является предпосылкой для перехода к ноосферному регулированию и интегрированию процессов различных типов эволюции на основе коэволюционной стратегии. Коэволюционная стратегия соединяет диалектический, системный, синергетический, эволюционный подходы в контексте принципа глобального эволюционизма. Это придает ей статус эвристического стиля мышления, необходимого для достижения безопасности общества.

Литература

1. Моисеев Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 52–66.
2. Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 143–158.
3. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. 576 с.

References

1. Moiseev N. N. Logic of universal evolutionism and co-operativeness. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1989, no. 8, pp. 52–66 (In Russian).
2. Yanch E. Self-optimizing Universe *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporaneity], 1999, no. 1, pp. 143–158 (In Russian).
3. Vernadskiy V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Ayris-press Publ., 2007. 576 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by.

Поступила 04.04.2019

УДК [316+32]:364+338

Н. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

**ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
И ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ**

В статье рассматривается содержание социальной политики, включающее поддержание высокого уровня образования, продолжительности жизни, здоровья, экологической безопасности и др. Реализация социальной политики направлена на достижение социальных целей и результатов, связанных с повышением благосостояния населения, улучшением качества его жизни, обеспечением социально-политической стабильности и подобных задач. Механизмы ее реализации, приоритеты развития, структурные компоненты меняются на каждом новом этапе развития соответственно сложившейся ситуации, поэтому социальная политика является не застывшим образованием, а предусматривает постепенное ее совершенствование. В статье раскрываются индикаторы (факторы) формирования социальной политики в контексте современного социально-экономического развития в связи с началом четвертой промышленной революции, появлением новых форм занятости, жизненного уклада и досуга. Система социальных индикаторов – совокупность показателей, характеризующих состояние социальной сферы и тенденций ее развития в уровне жизни различных групп населения. Социальный индикатор есть показатель, необходимый для диагноза состояния благополучия/неблагополучия социума. Утверждается, что формирование механизмов социальной политики влияет на улучшение социально-экономических характеристик международных показателей Республики Беларусь и на повышение ее мирового рейтинга.

Ключевые слова: социальная политика, индикаторы социальной политики, социальные цели, качество жизни.

N. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**INDICATORS OF SOCIAL POLICY
IN CONDITIONS OF TECHNOLOGICAL MODERNIZATION
AND TRANSFORMATION OF SOCIAL RELATIONS IN SOCIETY**

In the article, there is considered the content of social policy, which includes maintaining a high level of education, life expectancy, health, ecological safety and so on. Implementation of social policy is directed to achievement of social goals and results connected with increase of the welfare of population, improvement of the quality of life, ensuring social and political stability and similar tasks. The mechanisms of its implementation, priorities of development, structural components change at every new stage of development according to the situation. That is why social policy is not a frozen formation. It should be gradually improved. In the article, there are revealed the indicators (factors) of formation of social policy in the context of modern social-economic development in connection with the beginning of the fourth industrial revolution, emergence of new forms of employment, lifestyle, and leisure. The system of social indicators is a set of indicators that characterize the state of social sphere and trends of its development in the level of life of different groups of population. Social index is the indicator, which is necessary for diagnostics of the state of well-being / not well-being of society. It is stated that formation of the mechanisms of social policy influences the improvement of social-economic characteristics of the international indicators of the Republic of Belarus and increase of its world ranking.

Key words: social policy, indicators of social policy, social goals, quality of life.

Введение. Содержание социальной политики в современном мире претерпевает значительные изменения в связи с началом четвертой промышленной революции, появлением новых форм занятости, жизненного уклада и досуга, трансформацией жизненных ценностей, модификацией не только целей, но и смысла человеческого существования. Главным субъектом реализации социальной политики в современном мире является государ-

ство. При этом каждое государство самостоятельно определяет перспективы своего развития. Однако оно не может не учитывать проблемы глобальной социально-экономической политики, в том числе национальной и международной безопасности, экологические проблемы, проблему перехода стран к моделям устойчивого развития и др. Функционирование системы социальной политики отслеживается через систему социальных индикаторов.

Основная часть. Социальную политику государства можно рассматривать как его специфическую деятельность, направленную на реализацию права каждого гражданина участвовать в социально-экономической, трудовой, духовной сферах жизни общества, с целью удовлетворения существенных потребностей и интересов человека, а также социальных групп.

По характеру, содержанию, внутреннему строению социальная политика является целостной системой достаточно высокого качественного уровня. Целостность системы социальной политики определяется рядом факторов:

1) выбором и постановкой стратегических целей и задач социального развития; 2) единым законодательством, формирующим целостное социальное пространство для всех слоев населения; 3) протекционизмом государства и иных субъектов социальной политики по обеспечению финансирования социальной сферы; 4) единой социальной инфраструктурой, кадровым и информационным обеспечением [1].

Политическое руководство формирует цели социального развития общества, комплекс мер по их реализации. Законодательные, исполнительные, судебные органы власти, определяющие при общественном участии цели, задачи, приоритеты, нормативно-правовую базу социальной политики государства, проводят непосредственную практическую работу по ее реализации.

Конкретная реализация социальной политики направлена на достижение социальных целей и результатов, связанных с повышением благосостояния населения, улучшением качества его жизни, обеспечением социально-политической стабильности и подобных задач. В зависимости от периода реализации социальной политики субъекты выстраивают свою деятельность в соответствии с уровнем и целями этой политики, определяя конкретные задачи и меры: организационные, правовые, социальные, финансово-экономические, экологические, демографические, социокультурные и ряд др.

В формировании и реализации социальной политики участвует множество субъектов. Субъектами социальной политики являются государственные органы власти, организации и учреждения, а также действующие в социальной сфере негосударственные организации, общественные объединения. Их деятельность определяется конкретными социальными интересами и осуществляется на основе нормативно-правовой базы. Объект социальной политики представлен социальной сферой общества, а также их показателями – благосостояние, образование, здоровье населения, социальная стабильность, конструктивность отношений социальных групп и т. д.

Конституция определяет Республику Беларусь как унитарное демократическое социальное правовое государство, в котором «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [2].

Общепризнанными характеристиками социального государства являются:

– развитая система страховых социальных отчислений и высокий уровень налогов, формирующих бюджет, высокие размеры отчислений на социальную сферу;

– развитая система услуг и социальных служб для всех групп населения;

– развитая правовая система, при которой осуществлено разделение властей, четкая реализация функций каждой ветви власти, отработана нормативно-правовая система социальной жизни. Республика Беларусь как социальное государство обладает всеми этими характеристиками.

Особое важное значение в условиях технологической модернизации к рыночным отношениям имеет успешное функционирование системы социальной политики. Для этих целей необходима система социальных индикаторов. В литературе можно обнаружить множество определений (описаний) социальных индикаторов. Вот один из удачных примеров такого описания: «Индикаторы – частичное отражение реальности... Мы нуждаемся во множестве индикаторов, потому что у нас много целей...». И далее отмечает, что «индикаторы не обязательно должны быть совершенно объективными, и на самом деле лишь немногие из них таковы» [3]. Данное определение указывает на то, что социальные потребности людей многообразны – они зависят от возраста, пола, социального статуса, культурного уровня и других личностных качеств человека, а также от природно-климатических условий, исторических и национальных особенностей и традиций, экономических ресурсов, социальной обстановки на территории проживания и деятельности и др.

Индикаторы социальной политики строятся на основе таких показателей, как удовлетворенность жизнью; социальный оптимизм; материальное положение; экономическое положение страны; политическая обстановка; общий вектор развития страны и ряд других. Поэтому при оценке степени удовлетворения социальных потребностей используется, как правило, система интегральных и частных, натуральных и стоимостных индикаторов. Например, такие, как реальные доходы на душу населения и их структурные составляющие (зарплата, предпринимательский доход, доход от собственности, социальные трансферты – пенсии, пособия,

стипендии и др.); количество и ассортимент потребляемых человеком продуктов питания, непродовольственных товаров, услуг (в том числе в системах образования, здравоохранения, культуры); жилищные условия и т. п.

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН Бородкин Ф. М. предлагает определение социального индикатора применительно к общественному развитию: «Социальный индикатор есть показатель, необходимый для диагноза состояния благополучия (благополучия) или неблагополучия в той или иной части социума и в социуме в целом» [4, с. 68]. Действительно, любая характеристика социально-экономической ситуации может быть применена для диагностики состояния благополучия либо неблагополучия. Совокупной характеристикой данного явления могут быть определенные множества значений показателей. Отсюда следует, что соответствующее использование любого статистического показателя в описании социальной сферы превращает этот показатель в социальный индикатор. Надо только очертить сферы применения показателей и уметь идентифицировать их принадлежность к таким сферам. Главные из них включают: динамику обеспеченности, численность безработных, динамику цен, уровень и темпы инфляции, товарную обеспеченность денежной единицы, реальные доходы и др. Важным моментом является то, что экономические показатели обязательно должны подкрепляться повышением показателей качества жизни. Индикаторы уровня жизни часто свидетельствуют о процессе социального благополучия, а в ряде случаев и об угрозе социальной безопасности.

Объективные процессы трансформации экономики, которые происходят при переходах от одного технологического уклада к другому, связаны с трансформацией социальных отношений. В развитых странах происходит переход от пятого технологического уклада, основанного на развитии микроэлектроники, биотехнологий, информатики, новых материалов, спутниковой связи, к шестому экономическому укладу, который связывают с геной инженерией, нанотехнологиями, роботизацией и т. п. Эти модернизационные факторы оказывают влияние на весь рынок труда. Несомненно, их влияние испытают социальная сфера, структура потребностей, система ценностей, состояние и функции семьи, духовная сфера жизни общества.

Нарождающиеся технологии впервые могут привести к тому, что многие люди не просто поменяют работу, перейдут к другому укладу жизни, потеряют свои профессии, но угрожают возможности занятости как таковой. Могут исчезнуть и начинают исчезать целые группы профессий. Специалисты подсчитали, что к 2045–2055 гг. половина существующих рабочих мест во всех странах будет ликвидирована благодаря полной автоматизации. В подавляющем большинстве случаев слияние цифровых, физических и биологических технологий, которые обеспечивают текущие изменения, будет способствовать усовершенствованию человеческого труда и когнитивной деятельности, то есть лидерам придется готовить кадровые ресурсы, развивать модели образования для работы [5, с. 32].

Последние десятилетия в истории развития Республики Беларусь демонстрируют характерные изменения в социальной сфере, вызванные урбанизацией сельского населения (по официальным статистическим данным в 1990 г. доля сельского населения в общей численности населения страны составляла 33,9%, а к 2016 г. сократилась до 22,3% [6]), увеличилось число людей с высшим образованием. Эти изменения затрагивают прежде всего область воспроизводства населения (увеличение возраста рождения первого и последующих детей, сокращение рождаемости), интенсификацию мобильности населения, представление о привычных социальных ролях и др.

Происходящие в республике процессы трансформации затрагивают все уровни жизни, и прежде всего социальную сферу. Многие из технических достижений уже есть или будут в ближайшем будущем, и цель социальной политики в условиях модернизации и смены укладов заключается в том, чтобы эти открытия служили каждому члену общества.

Выводы. Индикаторами социальной политики в условиях технологической модернизации должны стать благосостояние, доля высококвалифицированного интеллектуального труда, инвестиции в человеческий потенциал, прозрачность и доступность оценки социальной политики в сфере управления и информации. Принципом приоритетности в социально-экономическом развитии, обусловленном ограниченностью ресурсов, становится необходимость соблюдать баланс экономической целесообразности и социальной приемлемости.

Литература

1. Калачева И. И. Социальная политика: учеб.-метод. комплекс. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/155779> (дата обращения: 29.07.2018).

2. Конституция Республики Беларусь. Ст. 1, ст. 2. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> (дата обращения: 23.10.2018).

3. Социальная политика в процессе модернизации современной России / под ред. Е. И. Холостовой. М.: ИПК ДСЗН, 2010. 438 с.

4. Бородкин Ф. М. Социальные индикаторы – что это такое // Мир России. 2004. Т. 13, № 4. С. 62–101.

5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.

6. Образование в Республике Беларусь. Статистический сборник: URL: <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 18.08.2018).

References

1. Kalacheva I. I. *Sotsial'naya politika: ucheb.-metod. kompleks* [Social policy: study.-method. complex]. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/155779> (accessed 29.07.2018).

2. *Konstitutsiya Respubliki Belarus'* [Constitution of the Republic of Belarus]. Available at: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus> (accessed 23.10.2018).

3. Anisimova S. A., Klimantova G. I., Mayatskaya I. N., Petrosyan V. A., Prokhorova O. G., Roik V. D., Sorokina E. G., Chernyak E. M., Holostova E. I., Shok N. P. *Sotsial'naya politika v protsesse modernizatsii sovremennoy Rossii* [Social policy in the process of modernization of modern Russia]. Moscow, IPK DSZN Publ., 2010. 438 p.

4. Borodkin F. M. Social indicators – what is it. *Mir Rossii* [World of Russia], 2004, vol. 13, no 4, pp. 62–101 (In Russian).

5. Shvab K. *Chetvertaya promy'shlennaya revolyutsiya* [Fourth industrial revolution]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 208 p.

6. *Obrazovaniye v Respublike Belarus' . Statisticheskiy sbornik* [Education in Republic of Belarus. Statistical collection]. Available at: <http://www.belstat.gov.by> (accessed 18.08.2018).

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natalia Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Senior Researcher, the Center of Philosophical and Anthropological Research. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 04.03.2019

УДК 37.01:15; 008+304

О. П. Пунченко

Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (Украина)

**СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФРОНТИРОВ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГО МИРА**

В статье исследуются особенности демографической проблемы как одного из тектонических сдвигов в структуре современного глобализирующего мира. Раскрывается содержание фронта, вызванного лавинообразным переселением народов, как зоны, разрушающей линейный ход цивилизационного развития. Эта зона обосновывается как открытая, комплексная, многоаспектная, неустойчивая, нелинейная, содержащая заряд риска, социального хаоса, конфликтности. Особое внимание обращено на фронты евроазиатской глобализации, на территории которой находится две трети «десятиллионников», поэтому решение демографической проблемы для этого региона жизненно важно.

Ключевые слова: глобализация, фронт, демография, синергетика, риск, социальный хаос, народонаселение, англомерация.

O. P. Punchenko

Odessa National Academy of Telecommunication named after A. S. Popov (Ukraine)

**SYNERGETIC ESSENCE
OF THE DEMOGRAPHIC FRONTIERS OF THE GLOBALIZING WORLD**

The article examines the features of the demographic problem as one of the tectonic shifts in the structure of the modern globalizing world. The content of the frontier caused by the avalanche-like migration of peoples as a zone destroying the linear course of the civilization development is revealed. This zone is justified as an open, complex, multidimensional, unstable, nonlinear, containing a charge of risk, social chaos, and conflict potential. Special attention is paid to the frontiers of Eurasian globalization, whose territory there are two thirds of the "ten million people", therefore the solution of the demographic problem for this region is vital.

Key words: globalization, frontier, demography, synergetic, risk, social chaos, population, agglomeration.

Введение. Как известно, к началу 3-го тысячелетия в современном мире, представшем как «совокупность естественных, природных и общественных систем, образующих триосферу – единое целое, состоящее из гео-, био- и социосферы, планеты Земля» [1, с. 14], четко определилась система его глобальных проблем. Глобальные проблемы – это взаимосвязанный комплекс проблем, затрагивающий реальное бытие триосферы, и прежде всего человека и человечества, в трудно контролируемом современном глобальном мире. Сегодня этот мир предстал как пространство столкновения политических, финансово-экономических и культурных интересов его основных игроков – США, Западной Европы, России и Китая, но это не означает, что в этой обойме нет места Индии, Японии, Австралии, арабо-мусульманскому миру. Если проблемы экологии, войны и мира, гонки вооружений – альфа столкновения основных игроков, то демографические проблемы (Индия – вторая страна мира по количеству населения), а также особенно проблемы терроризма – это «визитная карточка» арабо-мусульманского мира.

Глобальные проблемы современного мира порождены неравномерностью развития мировой цивилизации. Сегодня техногенное развитие резко превзошло достигнутый им уровень социальной организации. Возникшие противоречия глобализация сплела в единый, нерасторжимый «тугой узел», развязать который в состоянии лишь через действенную реализацию идей Пекинского философского конгресса «Учиться быть человеком» (2018 г.) и внедрение «нового Просвещения», рекомендованного Римским клубом (2018 г.) в соединении с новой практической деятельностью.

К исследованию глобальных проблем современного мира неоднократно обращались П. А. Водопьянов, А. И. Зеленков, Ч. С. Кирвель, А. А. Моисеев, В. С. Степин и др. А что касается заявленной демографической проблемы, на которую еще в самом конце XVIII века обратил внимание Т. Мальтус в работе «Опыт о законе народонаселения», где он формулирует «вечный природный закон», то сегодня ее противоречивое содержание раскрывается в работах А. А. Акаева, И. А. Алешковского, М. Г. Делягина, С. П. Капицы, В. Со-

ловья, Н. Фергюсона, А. Фурсова, А. Н. Чумакова и многих других.

Цель статьи – с позиций синергетического анализа раскрыть содержание демографического фронта современного глобализирующего мира.

Основная часть. С развитием современных глобальных процессов демографическая проблема, еще по предсказанию С. П. Капицы, отражающая неконтролируемый рост населения и масштабную волну его перемещения, постепенно занимает детерминирующее положение среди глобальных проблем человечества. В этой связи С. П. Капица писал: «Человечество переживает эпоху демографической революции... Это величайшее по значимости событие в истории человечества с момента его появления в первую очередь проявляется в динамике народонаселения. Однако оно затрагивает все стороны жизни миллиардов людей, и именно поэтому демографические процессы стали важнейшей глобальной проблемой мира» [2, с. 128].

Но какие бы данные мы ни приводили о количественном росте населения (в конце 2020 г. ожидается появление восьмимиллиардного человека), надо осознать, что угроза исходит не столько от количественного роста населения, хотя его надо прокормить, сколько от демографического цунами переселения народов. Факторов для этого много: мировой финансово-экономический кризис; экологические и климатические аномалии в глобальном мире; демографические диспропорции в структуре мирового населения, вызванные к жизни взрывом политической, религиозной и военной нестабильности арабомусульманского мира; обнищание народов этого мира, безработица, социальный хаос, и даже такой психологический фактор, как зависть, что другие народы живут лучше, подталкивают огромные массы людей к перемене мест (например, это характерно для жителей Украины, после открытия безвизового режима массово уезжающих в страны ЕС, особенно в Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию (много работающих в России)). Это неотъемлемые реалии нового формирующегося глобального миропорядка, которые можно оценить как нищету возможностей формирования действенного, гармоничного глобального мира.

Негативизм социального бытия человечества и вызывает его к перемене мест жизни. К объективным измерениям процесса «великого переселения народов» отдельных стран можно отнести следующее. Во-первых, пространственно-географическую акцентуацию, вызванную субъективными стремлениями к улучшению жизненных условий, и прежде всего экономических, поэтому стрелки миграционных потоков направлены на Западную Европу, Аме-

рику, Канаду. Мигрантам «и в голову не приходит, что Европа – уникальная цивилизация, которая невоспроизводима нигде и никогда. Их оторванность от своей почвы, от традиционного уклада жизни обернется потерей привычной гармонии, жгучей неудовлетворенностью, фрустрациями, неврозами, наркоманией, преступностью, терроризмом, наконец самоубийством. В сущности, все это можно определить как аксиологическую катастрофу, болезненный слом ценностных установок и традиций» [3, с. 402]. Но аксиологическая катастрофа их не пугает, а вот борьба за выживание и иллюзии роскошного образа жизни, рекламируемого СМИ, – это фундаментальные истоки демографического цунами. Сегодня мировое сообщество не в состоянии реализовать потребительский образ жизни 7,5 млрд человек.

Во-вторых, внедрение в их сознание комплекса их биосоциальной наполненности, отсталости в решении экономических и социокультурных проблем, отказ народам отсталых регионов в их специфической цивилизационной идентичности.

В-третьих, недовольство самим народом внутренней политикой стран, особенно когда государство имеет богатые недра, а управление неспособно обеспечить достойный уровень жизни на фоне процветания страны, использующих богатый потенциал подземной кладовой бедного региона. К таким примерам можно отнести Ближний Восток и Северную Африку. Все это и провоцирует «великое переселение народов».

В то же время миграция – процесс сложный. Прежде всего, она нарушает экономическую базу сложившегося веками конкретного этноса. Несомненно, что для складывания большого коллектива народа, говорящего на одном языке, необходимо, чтобы эти люди не только длительное время жили на одной территории, но и находились бы между собой в реальном экономическом общении. Конкретные данные антропологии и этнографии убедительно доказывают, что всякий этнос с самого начала своего существования состоит из коллективов, экономически связанных друг с другом.

Миграция – это встреча переселенцев и оседлых народов, она нарушает сложившийся уклад жизни конкретного региона. Негативизм миграции, даже контролируемой, заключается в порождении фронтиров. Понятие «фронт» было внедрено в историческую науку США Ф. Дж. Тернером, который, исследуя продвижение завоевания территорий США от Атлантики к берегам Тихого океана, обозначил фронт как границу между освоенными и свободными землями и считал, что это «точка встречи

дикости и цивилизации», игнорируя созидательный опыт доколумбовых цивилизаций, который и сегодня еще остается загадкой.

Точек зрения на сущность фронта достаточного много. Так, Р. Биллингтон определяет фронт как географический регион с низкой плотностью населения и обычно богатыми, но слабо разработанными и используемыми оседлым народонаселением природными ресурсами. Эти природные ресурсы и есть тот магнит, который притягивает к себе сильные государства, невзирая на нецивилизованные методы их приобретения.

Новый подход к сущности фронта обнаруживается у Н. Ю. Замятиной, где он рассматривается не как граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, а как зона особых социальных условий, «зона неустойчивого равновесия... существующая по своим диким законам» [4, с. 77–81].

«Великое переселение народов» в современном глобализирующем мире вызывает к жизни бытие демографических фронтиров. Это зона встречи мигрантов и оседлого населения, которая с позиций синергетического анализа предстает как неравновесная структура, она таит в себе заряд динамической иерархичности, конфликтности, риска, социального хаоса. В зоне фронта кроются корни финансово-экономических, политических, социокультурных интересов противоборствующих сторон, которые и обнаруживаются через различные формы конфликтов и столкновений. В этой зоне «хозяева» предстают как открытые самоорганизующие системы, встреча которых с мигрантами нарушает линейный ход их цивилизационного бытия. Задачи каждой из систем различны. У фронта своя логика развития, чтобы противостоять мигрантам, «хозяева» вынуждены строить различные защитные сооружения, опровергая старое утверждение, что в трудные времена мудрые строят мосты, а глупцы – стены. Сегодня Европа и Америка, вспомнив о великой китайской стене, построенной еще в III веке до нашей эры, занялись отгораживанием от мигрантов заборами, что вызывает жалкую иронию. От «великого переселения народов» заборами не отгородиться. Зона фронта в условиях глобализации – это еще и зона обмана, грабежа, финансовых подачек, авантюры, в которой целенаправленно формируется социальный хаос. Привести этот хаос в порядок может только цивилизация, вызвавшая его к жизни и позитивно отстаивающая свои интересы.

Следовательно, демографический фронт – это комплексная, многоаспектная, многогранная, открытая, нелинейная, конфликтная зона, выступающая как «вещь в себе».

В современных глобализационных процессах это еще и особая зона риска, которую «можно оценить как долю «плохого» в «хорошем» [5, с. 68]. Зону фронта еще можно охарактеризовать как новое вавилонское столпотворение, порожденное современной уродливой глобализацией. Если в старом мифе разгневанный бог смешал языки людей так, что они перестали понимать друг друга, то современное глобализационное столпотворение означает полный беспорядок, хаос, суету, суматоху, что подрывает фундамент стран, на которые направлены миграционные потоки, их экономику, традиции, культурные ценности.

Сегодня анализ движения миграционных потоков показывает, что в них можно выделить три основных направления:

– арабо-мусульманский мир → Европа;

– Китай → Средняя Азия, Европа;

– африканский и латиноамериканский мир → США, Канада.

Если негативизм требует автонаправления, только сейчас это стали осознать США и Канада (Д. Трамп подписал закон, ограничивающий миграцию и строит стену с Мексикой), то первые два направления находятся в стремительном развитии.

Идея о переселении народов арабо-мусульманского мира в Европу не нова. Взаимосвязь этих двух регионов имеет свои историко-географические корни. Если XI–XIII века известны крестовыми походами на Ближний Восток (в Сирию, Палестину, Северную Африку), организованными католической церковью под ее лозунгами борьбы против «неверных» (мусульман), «освобождения гроба господня» и «святой земли» (Палестины), то XX век «развернул» эту ситуацию, но теперь уже мусульмане организуют свой «поход» в Европу, и опять же под религиозными лозунгами ислама «борьбы с неверными» и завоеванием Европы арабо-мусульманскими народами. Осознав невозможность военного захвата Европы, арабо-мусульманские лидеры стали искать новые формы осуществления своих идей. Реализации идей переселения арабо-мусульманского мира в Европу способствовало приглашение первой скрипки Евросоюза – А. Меркель. Переселенцы этого мира, прибывшие в Европу, проанализировав идею Х. Бумедьена, осознали, что Европе можно завоевать не только чревом мусульманок, но и чревом европейцев. Поэтому поселившись в Европе, они занялись изнасилованием европейцев, что воинственно настроило против эмигрантов не только немцев, но и шведов, французов, голландцев и другие европейские народы, которые стали отгораживать свои территории и

отправлять эмигрантов в Германию, поскольку оттуда прозвучало приглашение и утверждение в Евросоюзе квот на их размещение.

Помимо арабо-мусульманского мира в евроазиатские демографические фронтиры приходит и Китай. Посредством своей мегастратегии «Шелковый путь-2» эта страна репрезентирует финансово-кредитное, инвестиционное и социокультурное измерение, навязывая ее сотрудничество в условиях глобализации. На мировой арене сегодня Китай превращается в лидера глобализации, успешно интегрируясь в этот процесс.

Нельзя полагать, что мегастратегия «Шелковый путь-2» не учитывает демографическую проблему. Китай решает расселить под флагом глобализации часть своего населения в зонах среднеазиатских и европейских стран. Данные демографической проблемы показывают, что она жизненно важна для Китая. Крупные города, как черные дыры, притягивают мигрантов по двум причинам: во-первых, в них генерируется большая часть ВВП страны, мигранты знают, что основные средства стран сосредоточены именно в них, пусть это просто миллионники; во-вторых, эти города выгодны большому бизнесу, ведь сбывать товары в одном многомиллионнике выгоднее и быстрее, чем сбывать его в десятке помельче, зато увеличивается необходимость в неквалифицированном труде, спрос на рабочую силу, расширяется рынок свободных мест. Уже сейчас демографы утверждают, что к середине XXI века 80% землян будут жить в 500–600 городах мира.

Есть ли сегодня основания для такого предвидения? Есть. Согласно данным ООН, на планете возник к 2015 г. первый мегаполис, население которого превышает 100 млн человек. Эту гигантскую агломерацию сформировал Шанхай, который включил в нее Нанжан, Ханчжоу и еще около 20 городов поменьше, но этот мегаполис – дом лишь для каждого четырнадцатого жителя Китая.

Под китайскую демографическую проблему попали прежде всего соседи: экс-советская Средняя Азия – Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан. Сегодня идет экспансия Китая в Среднюю Азию. Так, они берут в оплату долга месторождения золота Согдайской области. Кыргызстан в 2016 г. сменил главного торгового партнера – Россию на Китай, и сейчас 25,8% импорта и экспорта страны приходится на Китай. Долг Кыргызстана Китаю составляет 1 млрд 700 млн долл., это 42% от всех иностранных займов. Сегодня на 6 млн населения страны китайцев приходится до 200 тыс. Китай медленно поглощает эту страну.

Аналогично Китай ведет себя с Туркменистаном. Он инвестировал в маленькую страну до тех пор, пока не забрал себе ее главное богатство – газ и качает его в Китай. Отмеченные страны Средней Азии фактически обречены на потерю своей самостоятельности, и вряд ли можно ждать их реанимации.

Но главный интерес Китая обращен к Европе, однако сегодня уже там присутствует арабо-мусульманский мир. Китай с его политикой глобализации выигрывает у этого мира по двум причинам. Он предлагает странам Евросоюза инвестирование в важные для их развития объекты, развивает товарооборот, сферу услуг, а также сферу духовного производства, он не затрагивает традиции европейцев, их уклад жизни, при этом не забывает о необходимости окитаивания этого региона. Во-вторых, Китаю не свойственен религиозный фанатизм, как арабо-мусульманскому миру, что также нравится европейцам. Воевать с Китаем этот мир не будет, заранее осознавая свой проигрыш. Придя в Европу, Китай не собирается содержать арабо-мусульманский мир. Но факт остается тем, что демографический фронт между ними разыгрывается на территории Европы. И этот фронт, как зона неравновесности, неустойчивости, нелинейного развития, социального хаоса, зона трудно прогнозируемых аттракторов ее движения, станет для Европы «дамокловым мечом», висящим над ее перспективами свободного, независимого, быстро развивающегося экономически, и на этой основе, гостеприимного региона мира. По какому сценарию будет развиваться «встреча» китайской и арабо-мусульманской цивилизаций, в ближайшем будущем покажет время, но нельзя не сомневаться в том, что она обнажит и углубит содержание всей системы общественных противоречий, складывающихся в евроазиатском фронтире.

Заключение. Синергетический анализ демографической проблемы и ее производной – фронтиров вскрыл ее сущность как одного из тектонических сдвигов глобализирующего мира. Эта проблема в структуре глобальных проблем человечества постепенно занимает детерминирующее положение. Раскрыты объективные и субъективные факторы миграции. Объяснено содержание фронта как зоны встречи переселенцев и оседлого населения. С позиции синергетического анализа эта зона репрезентирована как неравновесная структура, таящая в себе заряд обостренности противоречий, неустойчивости, динамической иерархичности, конфликтогенности, риска, социального хаоса.

Раскрыты фронтиры евроазиатской глобализации, формирующиеся между Китаем и

странами Средней Азии, как процесс финансово-экономического поглощения их Китаем через инвестиции. Особое внимание уделено фронтиру, складывающемуся между Китаем и арабо-мусульманским миром, но разыгрываю-

щемся на территории Европы, усложняющему все вышеотмеченные синергетические особенности фронта и нарушающему перспективы свободного, быстро развивающегося экономически европейского региона мира.

Литература

1. Чумаков А. Н. Глобальный мир. Столкновение интересов. Минск: Проспект, 2018. 512 с.
2. Капица С. П. Демографическая революция и Россия // Век глобализации. 2008, № 1. С. 128.
3. Кирвель Ч. С., Романов О. А. Социальная философия. Минск: Вышэйшая школа, 2011. 495 с.
4. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.
5. Сосновский Л. А. Риск. Золотое сечение. Гомель: БелГУТ, 2004. 317 с.

References

1. Chumakov A. N. *Global'nyy mir. Stolknoveniye interesov* [Global World. Clash of the interests]. Minsk, Prospekt Publ., 2018. 512 p.
2. Kapitsa S. P. Demographic revolution and Russia. *Vek globalizatsii* [Age of globalization], 2008, no. 1, p. 128 (In Russian).
3. Kirvel' Ch. S., Romanov O. A. *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Minsk, Visheyshaya shkola Publ., 2011. 495 p.
4. Zamyatina N. Yu., Development Zone (frontier) and its image in American and Russian cultures. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1998, no 5, pp. 75–88 (In Russian).
5. Sosnovskiy L. A. *Risk. Zolotoye secheniye* [Risk. Golden section]. Gomel, BelGUT Publ., 2004. 317 p.

Информация об авторе

Пунченко Олег Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Украины. Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (65020, Одесса, ул. Кузнечная, 1, Украина). E-mail: olegpetr02.09@gmail.com

Information about the author

Punchenko Oleg Petrovich – DSc (Philosophy), Professor, the Department of Philosophy and History of Ukraine. Odessa National Academy of Telecommunication named after A. S. Popov (1, Kuznechnaya str., 65020, Odessa, Ukraine). E-mail: olegpetr02.09@gmail.com

Поступила 01.03.2019

УДК 304.3:304.9

С. М. Мащитко

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

**ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА
В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ПОСТМАРКСИЗМА**

В статье рассмотрены классические марксистские понятия товарного фетишизма, отчуждения, прибавочной стоимости и продемонстрирована их трансформация в условиях цифрового капитализма. Показана роль социальных медиа как инструментов создания прибавочной стоимости и как средств эксплуатации цифрового труда. Социальные медиа в целом и крупнейшие медиа-платформы, такие как Facebook, YouTube, Twitter, Instagram и другие, функционируют на базе вовлекающе-соединяюще-предоставляющей идеологии (engaging/connecting/sharing ideology), а также культуры участия (participatory culture). Утверждается, что подобная идеология функционирует как технология маскировки эксплуатации цифрового труда. Переживая позитивный опыт социализации и коммуникации, индивид предоставляет множество персональных данных для бизнес-стратегий. При этом в фокусе внимания оказывается такой феномен, как цифровое отчуждение, состоящий в том, что виртуальное пространство социальных медиакоммуникаций провоцирует расщепление идентичности индивидуума, становящегося дивидуумом. В качестве альтернативы утрачиваемой идентичности современный высокотехнологичный капитализм предоставляет цифровую идентификацию. Данный процесс может быть понят в рамках развития концепта «смерти субъекта». Вслед за трансцендентальным субъектом уходит эмпирический субъект, в свете чего объясним рост популярности трансгуманизма. Одновременно с этим цифровое отчуждение можно интерпретировать в рамках капиталистической логики детерриториализации.

Ключевые слова: цифровой капитализм, социальные медиа, дигитализация, цифровой труд, цифровое отчуждение, вовлекающе-соединяюще-предоставляющая идеология, коммодификация, расщепление идентичности, детерриториализация.

S. M. Mashchitko

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

**PROBLEMS OF DIGITAL SOCIETY AND SOCIAL MEDIA
IN THE CONCEPTUAL PERSPECTIVE OF POSTMARXISM**

The article discusses the classic Marxist concepts of commodity fetishism, alienation, surplus value and demonstration of their transformation under digital capitalism. The role of social media is shown as tools for creating surplus value and as a means of exploiting digital labor. Social media in general and the largest media platforms, such as Facebook, YouTube, Twitter, Instagram, etc., in particular, operate on the basis of engaging / connecting / sharing ideology, as well as participatory culture. It is argued that this technology masks the exploitation of digital labor. Having the positive experience of socialization and communication, the individual provides a lot of personal data for business strategies. At the same time, the focus is on such a phenomenon as digital alienation, which consists in the fact that the virtual space of social media communications provokes the splitting of the identity of an individual who becomes a dividual. As an alternative to a lost identity, modern high-tech capitalism provides digital identification. This process can be understood as part of the development of the concept of “death of the subject”. Following the transcendental subject, the empirical subject leaves, in the light of which we will explain the growing popularity of transhumanism. At the same time, digital alienation can be interpreted within the framework of the capitalist logic of deterritorialization.

Key words: digital capitalism, social media, digitalization, digital labor, digital alienation, engaging-connecting-providing ideology, commodification, identity splitting, deterritorialization.

Введение. Понятие информационного общества порождает определенные ассоциации с социальным, экономическим и даже политическим прогрессом, хотя следует отметить, что они перманентно истончаются. Не в последнюю очередь эти интенции фокусируются вокруг социализирующей, солидаризирующей и разоблачающей роли социальных медиа. Нет сомнений в том, что они действительно выпол-

няют эту роль, но только ли эту? Известно большое количество лингвокультурных, психологических и философских исследований, посвященных медиаманипуляциям общественным мнением. Данная работа не ставит целью внести посильный вклад в *эти* наработки. Предмет статьи лежит в области экзистенциальной аналитики человеческого существования в рамках информационного общества. Анализ базируется

ся преимущественно на идеях критической теории Франкфуртской школы. Целью является демонстрация того, что классические марксистские понятия труда, отчуждения, прибавочной стоимости, товарного фетишизма и другие, переосмысленные в рамках нескольких поколений постмарксизма, в условиях наступления цифрового капиталистического общества приобретают новые коннотации, которые заставляют в том числе пересмотреть базовые установки К. Маркса. Кроме того, на данном этапе эти трансформации могут быть вполне поняты только с учетом трансгуманистических и постгуманистических идеологем.

Основная часть. В известной книге топ-менеджеров корпорации Google Шмидта Э. и Коэна Д. «Новый цифровой мир» авторы в полуутопической форме рисуют картины грядущей цифровой социальной реальности, подчеркивая ее выгодные стороны по сравнению со «старым аналоговым миром». Эти выгоды выражаются в росте благосостояния, солидарности и демократии. Цифровое общество, пронизанное мириадами социальных коммуникаций на базе медиаплатформ, должно если не изжить, то в значительной степени преодолеть многие традиционные проблемы. Речь, прежде всего, о проблемах глубокого экономического неравенства между индивидами, социальными группами, государствами и географическими регионами, о злоупотреблениях политических элит и чиновников. Позитивные трансформации, по мысли цифровых визионеров, будут достигнуты за счет высокой степени координации людей посредством мобильных коммуникаторов и прозрачности, связанной с трудностями сокрытия информации в условиях доминирования цифровых технологий: «Активное гражданское общество... готовое проверять факты и расследовать действия властей, появится почти везде, причем в значительной степени этому будет способствовать распространение дешевых и мощных мобильных устройств... В долгосрочной перспективе развитие телекоммуникационных технологий способно подорвать положение большинства авторитарных режимов» [1, с. 46–90].

Помимо этого, дигитализация придает новый импульс глобализации, что, в частности, должно обеспечить для индивидов равенство экономических возможностей для занятости в экономике. Дополнительный потенциал обретают не только индивиды, но и идеи и решения: «Новый уровень международного сотрудничества и “перекрестное опыление” между разными секторами экономики приведут к тому, что у многих отличных идей и решений появится возможность подняться на поверхность» [1, с. 28].

Несмотря на статус авторов, бестселлер Шмидта и Коэна вряд ли может претендовать на звание серьезного социального прогноза. Наряду с недостатком рефлексивной аналитики его можно заподозрить в пропаганде с целью закрепления позитивного имиджа IT-отрасли в общественном сознании. Поэтому в рамках данной статьи мы приводим некоторые цитаты из этой книги с целью создания точки отталкивания для рефлексии по поводу социальных медиа.

Прежде всего, отметим, что роль основных темных начал в картине реальности данного опуса играет классический дуэт авторитаризма и терроризма. Это, конечно, легко объяснимо с учетом того, что гипертрофированная IT-отрасль является детищем системы позднего капитализма, а авторы – системные функционеры высокого уровня. Поэтому интересы капитала в новом цифровом мире ими не артикулируются, так же, как естественным образом не формулируется и главный вопрос: способны ли дигитализация, интернет и социальные медиа решить наиболее социальные проблемы, оставаясь инструментами корпоративного капитала, или скорее породить новые?

В западной философской литературе на настоящий момент немалое количество авторов занимается критическими исследованиями социальных медиа в рамках позднего капитализма. В их числе Andrejevic M., Hesmondhalgh D., Fisher E., Fuchs Ch., Mendelson B. J., Scholz T. Одним из наиболее активных является Кристиан Фукс, применяющий в рамках своей работы методологию на основе марксизма и постмарксизма.

Обличительный пафос этих исследователей во многом связан с выявлением интересов капитала и обнаружением обновленных форм эксплуатации и отчуждения, порожденных цифровым капитализмом. Социальные интернет-коммуникации рассматриваются с точки зрения наличия неявных идеологических установок, формирующих искаженные установки сознания их участников с точки зрения возможностей создания прибавочной стоимости посредством социальных медиа, а также возникающих благодаря им разновидностей отчуждения.

Г. Маркузе видел в электронных вычислительных устройствах апогей и триумф капитализма с его формальной рациональностью и склонностью исчислять все в количественных величинах [2, с. 168]. Думается, что это суждение недостаточно проникает в сущность феномена компьютеризации, которая по-настоящему являет себя только в начале нового столетия. Масштаб и значимость этого феномена связаны с формированием нового антропологического типа – человека деперсонифицированного. Речь идет уже не

просто о «триумфе капитализма», а о финальной стадии отчуждения в рамках капитализма.

Мы должны здесь говорить о двух аспектах этого процесса: идеологическом и антропологическом. Во-первых, как отмечал еще Г. Лукач, существование отчужденного труда нуждается в функционировании идеологии, которая параллельно порождает отчужденное сознание, маскируя субъективное посредством объективного. Ключевой для идеологии процесс *реификации* заключается в представлении социальных отношений как вещных, социального порядка – по аналогии с природным. Идея реификации Лукача основывается на марксовом учении о товарном фетишизме. Однако постиндустриальный цифровой капитализм требует для описания несколько иных концептуальных средств.

Анализируя идеологическое функционирование социальных медиа, К. Фукс предлагает понятие *вовлекающе-соединяюще-предоставляющей идеологии* (*engaging/connecting/sharing ideology*). Крупнейшие медиаплатформы, такие как Facebook, YouTube, Twitter, Instagram и другие, провозглашают соответствующие установки на уровне своих базовых слоганов [3, с. 66]. Вступая в медиасферу, индивид должен ощущать себя органической частью доброжелательно настроенного сообщества коммуникантов, так что *медиакоммуникация* как бы создает *коммунитас*, в котором индивид, наконец, себя обретает. Позитивный социальный опыт общения, вхождения в сообщество по интересам, будучи непосредственно переживаемым, с точки зрения Фукса, вуалирует скрытые за ним процессы коммодификации, извлечения прибавочной стоимости. Последние же напрямую связаны с рекламным бизнесом. В этом смысле медиаплатформы по существу являются крупнейшими рекламными агентствами, торгующими персональными данными пользователей и безвозмездно использующими цифровой труд.

Вывод, который следует из этой ситуации, таков: формируется *перевернутый товарный фетишизм*, состоящий в том, что теперь *субъективное скрывает объективное*. То есть, непосредственно переживаемый социальный опыт маскирует скрытые за ним финансовые отношения, которые в силу мощного опосредования могут вообще не попасть в сферу внимания. Однако заметим, то, что в перевернутом товарном фетишизме играет роль объективного, в классическом товарном фетишизме выступало как субъективное. Иными словами, у Маркса товарно-денежные отношения скрывают отношения эксплуатации, а в новых условиях позитивный опыт социализации скрывает отношения эксплуатации. Получается, что мо-

рально предосудительное, но опосредованное использование ближних становится возможным за счет их непосредственных позитивных переживаний. В критической марксистской терминологии это означает, что *субъект маскирует субъект*, более корректно субъективное скрывает субъективное. Таким образом, остроумная инверсия, предложенная Фуком, оказывается не совсем тем, за что себя выдает. Но все же из этого следует другой интересный вывод: в условиях цифрового капитализма места объективному почти не остается. Этот ход мысли направляет нас в сторону размышлений Жана Бодрийера о господстве символического обмена, но это не входит в наши планы. Далее мы поговорим о втором, более важном антропологическом аспекте отчуждения в цифровом капитализме.

Дефицит объективного и важность субъективного опыта в рамках цифровой эксплуатации не приводит нас, однако, к утверждению о важности субъекта. Реанимация последнего в условиях существующей социальной системы невозможна. В дальнейшем речь пойдет именно об этом. Начнем с того, что хотя трансцендентальный субъект мертв, эмпирический субъект пока жив, но каков прогноз? На наш взгляд, в логике цифрового капитализма заложено деконструирование в том числе и эмпирического субъекта. Думается, этот процесс можно описать при помощи понятия *цифрового отчуждения*. Мысль известных социологов о том, что «капитализм перерос индивидуализм и теперь уже не настолько формируется им, как это было прежде... есть признаки, что в современном мире индивидуализм может оказаться для капитализма дисфункциональным» замечательно объясняет феномен пролиферации виртуальных личностей, который ведет к тому, что количество аккаунтов стремится превысить количество реальных пользователей социальных медиа [4, с. 75]. Известно, что механизмы выстраивания собственной идентичности для постиндустриального общества начали носить рыночный потребительский характер, когда «я» выстраивается посредством образов: «Я» становится тождественным визуальным сигналам... Они включают форму твоего тела, телесные украшения, тип и содержимое твоего дома, места, где ты бываешь и где тебя можно встретить, то, как ты себя ведешь и говоришь, то, о чем ты говоришь, твои выраженные художественные и литературные вкусы, твоя обычная еда и способ ее приготовления – и многие другие вещи, поставляемые рынком в форме материальных благ, услуг или знаний» [4, с. 84].

К этому остается добавить только то, что теперь эти сигналы подаются в виртуальной

среде и в рамках разных, зачастую не пересекающихся сообществ, которые априори подбираются так, чтобы лояльно воспринимать ту или иную идентичность участника коммуникации. Реальный мир не предоставляет таких комфортных условий. Его упругое физико-семантическое сопротивление значительно замедляет шизоидный процесс даже в условиях имиджевого потребительского рынка. Как отмечает Опенков, «индивидуум, человек цельный, уходит прочь, прикованный к своему единообразию, как к тяжелому рюкзаку, на его место приходит дивидуум, человек многоликий» [5, с. 64]. В ходе этого антропологического переворота виртуальное пространство является инкубатором расщепленной идентичности. Проецируясь в виртуальную среду, она отчуждается, а отчуждаясь, расщепляется. В условиях виртуальности отчуждение и расщепление – это двуединый процесс, когда первое неминуемо влечет второе. Это и есть первый момент цифрового отчуждения и, вместе с тем, момент деконструирования эмпирического субъекта. Специфика его в том, что он до некоторой степени контролируется человеком. Но есть и второй момент. Центробежное движение распада идентичности в виртуальной среде, на наш взгляд, ставит закономерный вопрос о ее сохранении в цифровой форме, а именно в форме цифровой идентификации личности. Последнее является едва ли не самой главной составляющей процесса дигитализации в современном мире. Неслучайно этот процесс активно продвигается государствами и транснациональными финансовыми структурами.

Таким образом, для системы человек перестает быть даже эмпирическим субъектом, он превращается в цифровой код на базе биометрической информации. Как справедливо отмечает Опенков, «на первой стадии человек многоликий перестанет стараться быть человеком, на второй для него станет невозможным вернуться назад, как бы он этого не хотел» [5, с. 65]. Выходит, что аттрактором в процессе антропологического отчуждения всегда выступало постчеловеческое общество в его цифровой форме. Это предел отчуждения и одновременно завершение диалектики просвещения.

Аксель Хоннет выделяет интересубъективную (в отношении к другим), субъективную (к себе самому) и объективную (к миру/природе) формы реификации и соответствующие формы отчуждения [6, с. 75]. В «новом цифровом мире» каждая из этих форм свободно правит балом. Дело здесь не только в том, что коммуникантов используют, мотивируя к виртуализации идентичности, раскрытию персональных данных, затем продавая бизнесу овеществленную аудиторию, а

в том, что они дегуманизируются, вступая в гонку означивания, перманентно являясь инфоприемогенерирующими устройствами. Такие традиционные конституенты человеческого существования как молитва, рефлексия, эмпатия, исключаются цифровым капитализмом.

Вместе с тем финальную деконструкцию человека мы можем понимать и в рамках более общей логики движения капитализма. Речь о таком понятии, как *детерриториализация*, которая представляет наиболее абстрактный аспект капитализма, отмеченный еще Марксом. Это ризоматическое движение деструкции по отношению ко всем устойчивым традиционным формам человеческого взаимодействия.

Поздний капитализм вносит в этот процесс свой вклад. В частности, социальные медиа размывают границу между рабочим временем и досугом или работой и игрой. Как отмечает К. Фукс, «на Facebook работа и игра совмещаются в игровой работе, которая используется для прироста капитала. В этом смысле Facebook ориентируется на тотальную коммодификацию времени – все человеческое время должно стать производящим прибавочную стоимость...» [3, с. 128]. Новоизобретенная в интересах капитала активность, по версии британского исследователя, получает название «*игработы*» (*playbour*). Идеология и стратегия капитализма при этом заключаются в том, чтобы представлять отчужденный труд как креативность и свободу для эксплуатируемых так, чтобы они испытывали удовольствие от эксплуатации.

На современном этапе граница между производством и потреблением также оказывается несущественной, поскольку потребительское отчуждение такое же, как и трудовое, на что указывал еще Т. Адорно. Кроме того, в условиях избытка производственных мощностей потребление становится важнее производства. Однако не будем забывать о том, что потребление – это идеология и *modus vivendi*, а средством поддержания и источником нужных культурных эталонов являются СМИ, но все больше социальные медиа. А они в свою очередь базируются на том, что Генри Дженкинс назвал «*культурой участия*» (*participatory culture*) применительно не к политике, а к коммуникации, в которой любой пользователь призван создавать и распространять новый контент [7, с. 133]. Коммуникант не только распространяет контент, но и дает бизнесу ценные персональные данные, а также усваивает нужные культурные образцы. Таким образом, поздний капитализм замыкается именно на виртуальную среду.

«Текущая современность», как поименовал ее З. Бауман, становится таковой под действием логики и механики капитализма. Универ-

сальный растворитель, взыскуемый алхимиками, оказался обретенным в форме капитала, который подверг диссоциации границы между игрой и работой, рабочим временем и досугом, производством и потреблением, фабрикой/офисом и домом, публичным и частным, коммуникативным и целерациональным действием. Таким образом, детерриториализация – это суперпозиция многих процессов: глобализации, дигитализации, идеологии консьюмеризма, гедонизма и космополитизма, тотальной монетаризации и коммодификации. Динамика же этих процессов напрямую зависит от успеха деконструирования и отчуждения идентичности субъекта. Главным образом при посредстве социальных медиа.

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что современная стадия развития капитализма по праву носит название «цифрового капитализма», поскольку процесс создания прибавочной стоимости во многом за-

мкнут на виртуальную цифровую среду социальных медиа. Феномены, зародившиеся в рамках индустриального капитализма, такие как товарный фетишизм, отчуждение, прибавочная стоимость, вкупе с идеологическим искажением сознания, обеспечивающим их функционирование, не преодолеваются, а закрепляются в новой цифровой форме. Их неявной идеологической основой являются так называемые вовлекающе-соединяюще-распределяющая идеология и культура участия, пропагандируемые в среде социальных медиа, которые также являются драйвером процесса деперсонализации и расщепления идентичности индивидов, как последнего барьера в развитии капитализма. Как альтернатива персонализированной идентичности вводится цифровая идентификация личности, выступающая своеобразным итогом цифрового отчуждения. Указанный процесс может быть также частично понят в рамках капиталистической логики детерриториализации.

Литература

1. Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
2. Marcuse H. *Negations: Essays in Critical Theory*. London: MayFlyBooks, 2009. 220 p.
3. Fuchs Ch. *Critical Theory of Communication*. London: University of Westminster Press, 2016. 230 p.
4. Бауман З. Свобода. М.: Новое изд-во, 2006. 132 с.
5. Опенков М. Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 127 с.
6. Honneth A. *Reification: A New Look at an Old Idea (With Commentaries by Judith Butler, Raymond Geuss and Jonathan Lear)*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.
7. Jenkins H. *Convergence Culture*. New York: New York University Press, 2008. 318 p.

References

1. Shmidt E., Coen D. *Novyy tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn' lyudey, modeli biznesa i ponyatiye gosudarstv* [New digital world. How technologies change the lives of people, business models, and the concept of states]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2013. 368 p.
2. Marcuse H. *Negations: Essays in Critical Theory*. London, MayFlyBooks Publ., 2009. 220 p.
3. Fuchs Ch. *Critical Theory of Communication*. London, University of Westminster Press Publ., 2016. 230 p.
4. Bauman Z. *Svoboda* [Freedom]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2006. 132 p.
5. Openkov M. Yu. *Khakni budushcheye: vvedeniye v filosofiyu obshchestva znaniy* [Hack the future: introduction to the philosophy of the knowledge society]. Moscow, MOO VPP YuNESKO "Informatsiya dlya vsekh" Publ., 2007. 127 p.
6. Honneth A. *Reification: A New Look at an Old Idea (With Commentaries by Judith Butler, Raymond Geuss and Jonathan Lear)*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2008. 184 p.
7. Jenkins H. *Convergence Culture*. New York, New York University Press Publ., 2008. 318 p.

Информация об авторе

Машитько Сергей Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (220013, г. Минск, ул. Петруся Бровки 6, Республика Беларусь). E-mail: iashchik@yandex.ru

Information about the author

Mashchitko Sergey Mikhailovich PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy. Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (6, Petrusya Brovki str., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iashchik@yandex.ru

Поступила 05.03.2019

УДК 930.1

О. А. Матусевич

Белорусский государственный технологический университет

**ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ: ВЫЗОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ИСТОРИКАМ
ИЛИ ОТВЕТ НА КРИЗИС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ?**

В статье автор анализирует причины и последствия появления современного феномена публичной истории. Появление публичной истории связано с изменением условий функционирования научного знания в обществе. Ориентация на прикладные результаты, стремление монетизировать деятельность исследователя и измерять пользу науки или профессионализм ученого экономической выгодой меняют институциональные условия научной деятельности, что сделало возможным и необходимым выход историков за пределы академической среды. Последствием развития прикладного подхода к истории является, например, развитие исторического маркетинга, сервисный подход к историческим исследованиям и таблоидизация истории. Автор считает, что профессиональным историкам необходимо использовать инструменты и подходы, которые предлагает публичная история, что позволит преодолеть усиливающийся разрыв между научным и обыденным историческим сознанием в обществе.

Ключевые слова: публичная история, таблоидизация истории, исторический маркетинг.

O. A. Matusевич

Belarusian State Technological University

**PUBLIC HISTORY IS A CHALLENGE TO PROFESSIONAL HISTORIANS
OR RESPONSES TO THE CRISIS OF HISTORICAL SCIENCE?**

The author analyzes the causes and consequences of the emergence of public history. The emergence of public history is associated with a change in the conditions for the functioning of scientific knowledge in society. Orientation to applied results, desire to monetize the activities of the researcher and measure the benefits of science or the professionalism of a scientist by economic profit change the institutional conditions of scientific activity. These circumstances made it possible and necessary for historians to go beyond the academic walls. The consequence of the development of an applied approach to history is the development of historical marketing, the service approach to historical research and the tabloidization of history. The author concludes that professional historians need to use the instruments and approaches offered by public history because it will bridge the growing gap between the scientific and ordinary historical consciousness in society.

Key words: public history, history marketing, tabloidization of history.

Введение. Публичная история – понятие для постсоветской гуманитаристики новое, если не сказать сомнительное. Наука – это не эзотерика, чтобы быть закрытой от широкой общественности, особенно история, научный статус которой в XX в. активно оспаривался ввиду отсутствия своего особого понятийного аппарата и четко выраженной методологии. Сторонники данной позиции в лучших традициях постмодернизма, абсолютизируя указанные проблемы, пришли к утверждению, что каждый может быть историком, поставили знак равенства между историей и памятью, а исследовательскую деятельность на исторической ниве свели к разновидности литературного творчества. В период расцвета подобных рассуждений в тезаурусе англоязычной науки появляется новое понятие public history и специфическая деятельность, которую это понятие определяет.

Основная часть. Единого подхода к выяснению феномена публичной истории нет. В научной среде нет даже общего согласия от-

носительно статуса публичной истории. Одни утверждают, что это новая область знания, другие считают, что это особый вид деятельности и необязательно профессиональных историков, безусловно, найдутся и те, кто ничего нового не увидит, указывая на издревле существующую просветительскую функцию истории.

Публичная история появилась в США в 1970-х гг. и достаточно быстро институализировалась, обзаведясь специализированным журналом, организованными сообществами и профильными программами обучения. Ее аналоги в других странах появились несколько позже и имели свою локальную специфику. Так, если в США появление публичной истории было связано с кризисом трудоустройства историков, которые вынуждены были искать сферу применения своих профессиональных способностей вне стен университетов, то в Великобритании публичное измерение исторической деятельности актуализировалось в связи с движением защиты культурного наследия [1].

В Германии распространение практики публичной истории было связано с краеведческим движением и развитием истории повседневности [2].

На наш взгляд, появление публичной истории во многом связано с изменением условий функционирования научного знания в современном обществе, и в частности гуманитарных наук. Ориентация на прикладные результаты, стремление монетизировать деятельность исследователя и часто измерять пользу науки или профессионализм ученого экономической выгодой привели к попыткам коммерциализации историописания (речь здесь не о традиционном издательском деле), а при отсутствии возможности исчисления доходов в денежном эквиваленте оценивать значение истории через приращение символического капитала. Именно новые институциональные условия научной деятельности сделали возможным и необходимым выход историков за пределы академической среды не только с просветительскими целями.

Что же собой представляет феномен публичной истории? Если деятельность историков разделить на академическую (научно-исследовательскую и преподавательскую) и внеакадемическую, то последнее – это про публичную историю. Хотя такое деление весьма условно и ориентироваться стоит также на способ представления и использования результатов научного творчества. В первую очередь под публичной историей понимают работу с историческим материалом в публичном пространстве, об этом свидетельствуют места трудоустройства «публичных» историков. Среди них есть как весьма традиционные, например музеи и архивы, библиотеки, туристическая сфера, так и для науки несколько экзотические. Например, оказание консультативных услуг частным лицам и различным организациям, включая государственные и политические структуры, органы местного самоуправления, СМИ, киноиндустрию, рекламные агентства (history marketing), предприятия и корпорации. По сути, историки находят применение своим знаниям и навыкам в новой для них сфере услуг (хотя имеется много аргументов в пользу того, что, работая в учебных заведениях, именно в этой сфере историки и трудились, оказывая образовательные услуги). Вовлеченное участие и сотрудничество историков и общественности в рамках публичной истории, за которые ратуют представители этой сферы деятельности, обоснованно вызывают определенные опасения. Коммерциализация истории предполагает в том числе и использование сервисного подхода, сложно совместимого со стандартами научной деятельности, на которую опирается публичная

история. Историки и общество или заказчик становятся партнерами в производстве знания. Историк, как поставщик научной продукции, понимает и принимает цели и задачи клиента и в соответствии с потребностями клиента осуществляет оказание услуги, поставку продукции в виде научного материала. Казалось бы, схема известная и наука всегда выполняла социальный заказ, несмотря на расхожее утверждение, что научная деятельность позволяет удовлетворять свое любопытство за государственный счет, но работа в сфере услуг и в науке имеет различные стандарты, цели и методы оценки качества и профессионализма. И в результате мы имеем, например, целенаправленное мифотворчество в туристической сфере для привлечения внимания к определенным достопримечательностям или местностям, что слабо соотносится с историей как наукой.

Одна из особенностей публичной истории – это широкий спектр способов представления исторического знания, в том числе медийная репрезентация истории. В современной ситуации исторический материал превращается в контент, т. е. текстовое и визуальное информационное наполнение медийного продукта. В результате происходит таблоидизация истории, что легко обнаруживается в исторических интернет-проектах и выражается в усилении иллюстративности (что до определенной степени для исторических публикаций можно считать достоинством), снижение качества материала за счет его «облегчения», развлекательный характер и скандальность, особенно в названиях. Формируется новое направление – инновационный сторителлинг, как обозначили свою профессию создатели проекта «1917. Свободная история» [3]. История превращается в инфотеймент (от англ. information – информация и entertainment – развлечение), что хорошо демонстрирует успех компьютерных игр на историческую тематику, в которых исторический бэкграунд гарантирует высокую прибыль за счет эмоциональных и символических (социальное одобрение) выгод пользователя от приобретения компьютерного продукта. История используется для повышения «реализуемости» медийного товара посредством эксплуатации познавательного интереса и, например, патриотических чувств. Показателен пример успешной компьютерной игры World of Tanks, создатели которой активно сотрудничают с историками и музеями как на этапе разработки игры, так и в сфере маркетинга, ориентируясь в том числе и на культуру памятования событий Великой Отечественной войны в нашем регионе. «В преддверии 70-летнего юбилея Великой Победы Wargaming запустила целый ряд

активностей в рамках глобальной инициативы «Помним всё»... Проекты инициативы «Помним всё» – это возможность отдать дань уважения героизму наших дедов и прадедов, которые сражались и умирали за Родину. Активности, организованные компанией, призваны привлечь внимание молодежи к событиям, которые 70 лет назад потрясли весь мир, и напомнить об одной из самых важных дат в национальной истории» [4]. Так, во вкладке «История и техника» есть рубрика, «Узнать о победе», посвященная 9 Мая, где публикуются воспоминания ветеранов [5]; создан интернет-проект «Фронтной альбом», «проект компании Wargaming, направленный на сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и ее участниках» [6]. Для привлечения внимания к военной истории создаются документальные фильмы, например сериал «World of Tanks. История танкостроения». Деятельность компании Wargaming хорошо иллюстрирует не только то, как используют историю в рекламных целях, тот самый history marketing, но и удачное сотрудничество с военными историками, реконструкторами и поисковым движением. Результатом такого сотрудничества стала, например, виртуальная экспозиция Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации [7].

На просторах Рунета существует значительное количество интернет-проектов, которые можно отнести к публичной истории. Появление некоторых из них связано с несогласием с официальной версией памяти или вытеснением определенных страниц истории из национального нарратива, например, «Это прямо здесь. Москва: Топография террора» [8], «Бессмертный барак» [9], «1917. Свободная история» [3]. Некоторые выполняют просветительскую и развлекательную функции: Argamas.academy [10], «Карта истории» [11]. Есть и такие проекты, возникновение которых вызвано «войнами памяти», – «ЛИКБЕЗ. Исторический фронт» [12].

Но публичная история – это не только практика работы с историческим материалом в публичном пространстве, но и анализ этой практики и способов бытования истории в обществе. В рамках публичной истории исследуется влия-

ние на формирование массовых представлений о прошлом искусства (театров, изо, кино, литературы), медиа, музеев и иных агентов социализации, а также способы и формы репрезентации истории в публичном пространстве, включая городской ландшафт и зафиксированную в нем память. К публичной истории относят oral history и memory studies.

Таким образом, публичная история объединяет как практиков, работающих с историческим материалом вне стен академии, так и теоретиков, которые анализируют эту практику.

Заключение. Если же попытаться ответить на вопрос в названии статьи, то, видимо, мы приходим к выводу, что это риторический вопрос. С одной стороны, можно говорить о публичной истории как реакции общественности и части профессионального сообщества на усиливающийся разрыв между историческим научным знанием и массовыми представлениями о прошлом. Особенно в ситуации, когда наука не удовлетворяет запрос общества из-за нарушенной или не налаженной в новых условиях коммуникации, а также отсутствия общего языка, приемлемого для диалога ученого с широкой аудиторией. Лекторская форма представления результатов научных исследований при посредничестве государственных структур (например, общества «Знание») не является адекватной в современной ситуации, с чем сталкиваются все преподаватели. С другой стороны, у наших соседей проекты публичной истории – это ответ на историческую политику и «войны памяти».

Если учитывать опыт западной исторической науки, то можно ожидать, что феномен публичной истории будет набирать обороты. И уже от реакции исторического сообщества зависит качество работы с историческим материалом в публичной сфере. Или профессионалы откликнутся и примут участие в проектах публичной истории, тем самым задавая определенные стандарты этой деятельности, или прибегнут к тактике изоляционизма, считая недостойным для себя «опускаться» до уровня обывателя, и оставят работу с историческим материалом на откуп любителям, не в лучшем смысле этого слова.

Литература

1. Исаев Е. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Лаборатория публичной истории. URL: <http://publichistorylab.ru/archives/137> (дата обращения: 08.02.2019).
2. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого / Ф. Аккерманн [и др.] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (дата обращения: 08.02.2019).
3. 1917. Свободная история. URL: <https://project1917.ru/about> (дата обращения: 08.02.2019).
4. Проекты. Победа! 70 лет. URL: <http://pomnimvse.org/ru/project/pobeda-70let/> (дата обращения: 08.02.2019).

5. Узнать о Победе. Говорит Сергей Отрошенко. URL: <https://worldoftanks.ru/ru/news/history/5-istori-pobedy-5/> (дата обращения: 08.02.2019).
6. Фронтовой альбом. URL: <https://frontline.su/> (дата обращения: 08.02.2019).
7. Проекты. ЦМВС РФ. URL: <http://pomnimvse.org/ru/museums/tsmvs/> (дата обращения: 08.02.2019).
8. Это прямо здесь. Москва: Топография террора. URL: <https://topos.memo.ru/> (дата обращения: 08.02.2019).
9. Бессмертный барак. URL: https://bessmertnybarak.ru/rubric/o_nas/ (дата обращения: 08.02.2019).
10. Arzamas.academy. URL: <https://arzamas.academy/about> (дата обращения: 08.02.2019).
11. Карта истории. URL: <https://kartaistorii.ru/> (дата обращения: 08.02.2019).
12. ЛИКБЕЗ. Исторический фронт. URL: <http://likbez.org.ua/> (дата обращения: 08.02.2019).

References

1. Isaev E. *Publichnaya istoriya v Rossii: nauchnyy i uchebnyy kontekst formirovaniya novogo mezhdistsiplinarnogo polya* [Public history in Russia: the scientific and educational context of the formation of a new interdisciplinary field]. Available at: <http://publichistorylab.ru/archives/137> (accessed 08.02.2019).
2. Akkermann F., Akkermann Ya., Littke A., Nisser Zh., Tomann Yu. *Prikladnaya istoriya, ili Publichnoye izmereniye proshlogo* [Applied history, or the public dimension of the past]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (accessed 08.02.2019).
3. 1917. *Svobodnaya istoriya* [1917. Free history]. Available at: <https://project1917.ru/about> (accessed 08.02.2019).
4. *Proyekty. Pobeda! 70 let* [Projects. Victory! 70 years old]. Available at: <http://pomnimvse.org/ru/project/pobeda-70let/> (accessed 08.02.2019).
5. *Uznat' o Pobede. Govorit Sergey Otroshchenkov* [Learn about Victory. Sergey Atroshchenkov says]. Available at: <https://worldoftanks.ru/ru/news/history/5-istori-pobedy-5/> (accessed 08.02.2019).
6. *Frontovoy al'bom* [Front album]. Available at: <https://frontline.su/> (accessed 08.02.2019).
7. *Proyekty. TsMVS RF* [Projects. Central Museum of the Armed Forces of the Russian Federation]. Available at: <http://pomnimvse.org/ru/museums/tsmvs/> (accessed 08.02.2019).
8. *Eto pryamo zdes'.* *Moskva: Topografiya terrora* [This is right here. Moscow: Topography of Terror]. Available at: <https://topos.memo.ru/> (accessed 08.02.2019).
9. *Bessmertnyy barak* [The immortal barrack]. Available at: https://bessmertnybarak.ru/rubric/o_nas/ (accessed 08.02.2019).
10. Arzamas.academy. Available at: <https://arzamas.academy/about> (accessed 08.02.2019).
11. *Karta istorii* [History map]. Available at: <https://kartaistorii.ru/> (accessed 08.02.2019).
12. *ЛИКБЕЗ. Istoricheskiy front* [ЛИКБЕЗ. Historical front]. Available at: <http://likbez.org.ua/> (accessed 08.02.2019).

Информация об авторе

Матусевич Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Information about the author

Matusevich Volha Aleksandrovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Поступила 01.03.2019

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич

Белорусский государственный технологический университет

**ИДЕЯ БЕРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКА К ПРИРОДЕ В ПРАВОСЛАВИИ**

В статье показано, что проблема взаимоотношения человека и природы стала частью христианского мировоззрения. Вопросы экологии являются одним из компонентов социальной концепции, а также социального и миссионерского служения Русской православной церкви. Интерпретация экологической проблематики церковью напрямую связана с христианской антропологией. Отмечается, что церковь видит причину экологического кризиса в духовной деградации людей и процессах секуляризации. Выявлено, что, по мнению церкви, именно актуализация христианских ценностей в современной культуре будет способствовать решению глобальных проблем. Церковь выступает с требованиями повысить нравственную ответственность людей, предлагает ввести экологическое обучение и воспитание в систему духовного и светского образования.

Ключевые слова: православие, социальное учение, экология, антропология, духовный кризис.

N. M. Kozhich

Belarusian State Technological University

**THE IDEA OF CAREFUL ATTITUDE
OF THE PERSON TO THE NATURE IN ORTHODOXY**

In article it is shown that the problem of relationship of the person and the nature became a part of Christian outlook. Environmental issues are one of components of the social concept and also social, and missionary service of Russian Orthodox Church. Interpretation of an ecological perspective by church is directly connected with Christian anthropology. It is noted that the church sees the reason of ecological crisis in spiritual degradation of people and processes of laicisation. It is revealed that, according to church, updating of Christian values in modern culture will promote the solution of global problems. The church makes requirements to increase the moral responsibility of people, suggests to enter ecological training and education into the system of spiritual and secular education.

Key words: Orthodoxy, social doctrine, ecology, anthropology, spiritual crisis.

Введение. Рассмотрение вопроса об идеях экологической безопасности в социальном учении православной церкви имеет важное практическое значение. Это связано с тем, что начиная с конца XX в. особую актуальность приобрели проблемы, получившие статус глобальных, т. е. подрывающих основы существования человеческой цивилизации. Данное обстоятельство обусловлено ростом численности населения, увеличением потребления природных ресурсов, загрязнением окружающей среды, изменением климатических условий. В этой связи возникает необходимость в изменении ценностных ориентаций, принципов деятельности людей, сохранения природной среды обитания. Переход общества на постиндустриальную стадию развития сопровождается кризисными явлениями во многих сферах общественной жизни, а также происходит разрыв между современной культурой и традиционными нравственными ценностями. Возникновение экологической проблематики в философии и религии обусловлено формированием тенденции к трансформации современного общества для решения глобальных проблем. Во-

прос о взаимоотношении человека и природы становится частью христианского мировоззрения, а также предметом изучения для религиозных идеологов. Русское православие стремится к поиску новых возможностей влияния на мировоззренческие ориентации людей.

Основная часть. В современном мире глобализация экономики и всех остальных сфер общественной жизни стала ведущей тенденцией в социальном развитии. Это привело к изменению позиции человека по отношению к окружающей среде, уничтожению религиозных и культурных ценностей. Человек всячески стремится установить власть и контроль над другими людьми, в том числе и над окружающей средой. Природный мир превращается в место эксплуатации. Ресурсы часто используются в неразумных целях. Об опасности экологической катастрофы стало известно еще в 70-х гг. XX в. С этого момента христианские церкви принимают активное участие в обсуждении данной проблемы, разрабатывают способы, позволяющие сохранять окружающую среду. В частности, Вселенская патриархия в 1988 г. провела экологическую конференцию на ост-

рове Патмос; в 1989 г. состоялась первая экуменическая встреча православных и протестантских церквей Европы, а также Конференция римо-католических епископов в Базеле, где освещались экологические вопросы с богословской и практических точек зрения; в 1991 г. Православная академия Крита провела межправославную конференцию по координации деятельности церквей в решении вопроса об охране среды обитания и т. д. Такие мероприятия в христианском мире теперь организуются почти ежегодно.

С точки зрения современного христианства природа представляет собой самостоятельную ценность. Она есть место для жизни, развития, счастья и совершенствования людей. При этом важно отметить, что в раннем и средневековом христианстве изначально природа рассматривалась как мир, сотворенный Богом для человека. Последний мыслился привилегированным существом. Он получил от Бога возможность пользоваться всем, что создано в этом мире для него. Человек объявлялся властелином творения. В настоящее время христианская антропология выделяет в человеке три уровня: первый – это тело, второй – психика, или душа, а третий – дух. Свойством духа являются разум и свобода. Как пишет А. Мень, «только человек может быть “хозяйном своих поступков” и нести за них ответственность. Животное не выбирает – выбирает лишь человек. Только для него существует нравственная оценка поступков... Человек способен реализовать свою потенциальную свободу только благодаря развитию, упражнению, воспитанию в себе высших духовных задатков. В противном случае он как бы отрекается от своего дара. Тогда он действительно всецело подпадает под действие низменных инстинктов и общественных условий» [1. с. 18]. В Библии подчеркивается, что человека создал Бог по своему подобию. Имеется в виду не внешний, телесный облик, так как Бог – это чистая духовность. Богоподобие заключается в личностном уровне разума, в свободе воли, в способности к творчеству и саморазвитию. Человек был помещен в Эдем – Сад Блаженств, который представляет собой метафору блаженного неведения и перехода от незнания к познанию добра и зла. Таким образом, история грехопадения – это осознание человеком своей смертности, это начало самопознания и выбора. Так называемый первородный грех в христианстве интерпретируется как источник всех человеческих страданий. Бог создает совершенный мир, а столкновение человека со злом, страданиями, несправедливостью и т. д. рассматривается как отклонение от добра, от божественных пред-

писаний, как неправильное использование свободной воли, следование собственным целям. Человек предпочел плотские, чувственные, земные ценности высшим, божественным. Зла как такового в мире нет, так как Бог есть добро, начало всех начал. Считается, что всемогущий Бог мог бы вернуть человека на истинный путь, но это было бы результатом принуждения, поэтому он не вмешивается в ход человеческой жизни и дает людям силы для преодоления страданий и надежду на спасение через покаяние и добровольное воссоединение с Творцом. Бог дает урок спасения, принимая облик Иисуса Христа как образца нравственного совершенства.

Для истории христианства характерна неоднозначная трактовка природы. С одной стороны, природа прекрасна и совершенна, так как создана и придумана Богом; она всегда мыслилась как продолжение самого Бога. Красота природы выступала как отблеск божественной красоты. С другой стороны, она рассматривалась как источник зла. Вся человеческая жизнь выступала как борьба между божественным началом – душой – и природным греховным началом – телом, поэтому считалось, что природа противостоит человеку и обществу, ее нужно постоянно преодолевать.

В настоящее время Русская православная церковь считает, что основной проблемой современного экологического кризиса являются не технологические просчеты, а грехопадение, духовная деградация, отчуждение от Бога. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» отмечается, что «в природе как в зеркале отразилось первое человеческое преступление... стало невозможным полное органическое единство человека и окружающего мира... в своих отношениях с природой, приобретших потребительский характер, люди стали все чаще руководствоваться эгоистическими побуждениями. Они стали забывать, что единственным Владыкой Вселенной является Бог... в то время как человек есть лишь “домоправитель”, коему вверено богатство дольного мира» [2]. Предназначение людей заключается в том, что они должны нести ответственность перед Творцом за сохранение «величественного царства природы». Церковная идеология подчеркивает, что дальнейшее совершенствование технологий не приведет к решению этого вопроса. Несмотря на то, что развивается экологическая этика, появляются ресурсосберегающие технологии, безотходные производства и т. д., обозначенная проблема окончательно решена не будет. В документе «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека»,

принятом на Архиерейском Соборе в июне 2008 г., подчеркивается, что «жизнь по закону плоти противна Божиим заповедям и не соответствует нравственному началу, заложенному Богом в природу человека. В отношениях с другими людьми под влиянием греха человек действует как эгоист, заботящийся об удовлетворении своих потребностей за счет ближних. Такая жизнь опасна для личности, общества и окружающей природы, ибо нарушает гармонию бытия, оборачивается душевными и телесными страданиями, болезнями, уязвимостью перед последствиями разрушения среды обитания» [3]. Церковь в вопросах экологии отстаивает принцип «единства и целостности сотворенного Богом мира». Проблема может решиться через покаяние, поскольку экологический кризис порожден духовным. Мир современного человека обезценен, нет смысла, вся жизнь сводится к физическому существованию, отсюда следует стремление к гедонизму, потребительскому отношению к жизни. Отмечается, что «полное преодоление экологического кризиса в условиях кризиса духовного немислимо... Антропогенная основа экологических проблем показывает, что мы изменяем окружающий мир в соответствии со своим внутренним миром, а потому преобразование природы должно начинаться с преобразования души» [2]. Современное православие подчеркивает необходимость аскезы, довольства малым, разумного использования материальных благ.

2–5 февраля 2013 г. состоялся Архиерейский собор Русской православной церкви, на котором был принят документ «Позиция Русской православной церкви по актуальным проблемам экологии». В нем речь идет о необходимости проведения конкретных практических мероприятий для предотвращения экологической катастрофы. В частности, говорится о том, что следует в высших церковных учебных заведениях расширить богословские исследования в области взаимоотношений человека и природы; также включать экологическую тематику в церковные форумы, при этом учитывать подходы научных дисциплин экологического профиля, обмениваться опытом в межхристианском и межрелигиозном диалогах; ввести в литургию молебны на сельскохозяйственную деятельность и специальные молитвы против стихийных бедствий и техногенных катастроф. Большое внимание документ уделяет экологическому воспитанию, которое должно быть направлено на преодоление духовного кризиса через культивирование умеренности и воздержанности в удовлетворении жизненных потребностей. По мнению церковных идеологов, следует вводить темы христианской экологической этики в церковные и даже светские образовательные программы.

В документе содержится призыв к священнослужителям и мирянам всячески содействовать охране окружающей среды путем воздержанности, уважения к другим, исполнения заповедей. Тема экологии церковью рассматривается «как компонент пастырского, миссионерского, социального и молодежного служений» [4]. Церковь также в 2015 г. установила День особой молитвы о Божьем творении – первое воскресенье сентября. Тем самым очевидно, что для православных христиан отношение к окружающей среде приобретает особую значимость. Однако эта проблема уже решается не только на уровне идеологии. В частности, Объединение молодежи Белорусской православной церкви разработало специальную эколого-краеведческую программу, направленную на охрану водных ресурсов под названием «Источники». Она получает реализацию в сотрудничестве с экологическим отделом Гродненской епархии и Минским Свято-Никольским православным молодежным братством. В проекте принимают участие экоклубы – молодежные группы, члены которых занимаются благоустройством родников и других источников воды, находящихся рядом с приходами. Объединение проводит экологические семинары, в которых обсуждаются вопросы, связанные с охраной и очищением водных ресурсов [5]. В сентябре 2018 г. состоялся экологический фестиваль «Птушкі над царквой» в православном приходе в честь святителя Николая Японского. Мероприятие было посвящено Международному дню наблюдения птиц при содействии Центра экологического воспитания и развития, а также Клуба белорусских велобердеров (лесных велосипедистов). В рамках фестиваля состоялся концерт, прошла экоэкскурсия по экотропе и представлена экологическая выставка о способах утилизации отходов [6].

Заключение. Таким образом, усиление антропоцентристской ориентации в современной культуре, стремление к гедонизму, излишнему потреблению ресурсов рассматриваются религиозными идеологами как причина возникновения экологического кризиса. Данная проблема может быть решена путем изменения системы ценностей, принципов поведения. Отмечается необходимость формирования экологического сознания священности и уважения к природе. Церковь всячески содействует развитию экологической этики, стимулирует активность духовенства и мирян в поиске решения экологических проблем, разрабатывает комплекс воспитательных мероприятий в целях сохранения окружающей среды.

Литература

1. Мень А. История религии. В поисках пути, истины и жизни. М.: ФОРУМ-ИНФРА, 1998. 216 с.
2. Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.mospat.ru> (дата обращения: 31.10.2018).
3. Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. URL: <http://www.mospat.ru> (дата обращения: 12.11.2018).
4. Позиция Русской православной церкви по актуальным проблемам экологии. URL: <http://www.yareparhia.ru> (дата обращения: 10.09.2018).
5. Завершился первый семинар ОМБПЦ по программе «Источники». URL: <http://www.ombpc.blogspot.com> (дата обращения: 13.09.2018).
6. Архив новостей раздела «Церковь и экология»: 30 сентября в Минске пройдет экологический фестиваль «Птушки над царквой». URL: <http://www.sobor.by> (дата обращения: 03.10.18).

References

1. Men' A. *Istoriya religii. V poiskakh puti, istiny i zhizni* [History of religion. In search of a way, the truth and life]. Moscow, FORUM-INFRA Publ., 1998. 216 p.
2. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Bases of the social concept of Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.mospat.ru> (accessed 31.10.2018).
3. *Ob osnovakh ucheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka* [About bases of the teaching of Russian Orthodox Church about the advantage, freedom and human rights]. Available at: <http://www.mospat.ru> (accessed 12.11.2018).
4. *Pozitsiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi po aktual'nym problemam ekologii* [Position of Russian Orthodox Church on current problems of ecology]. Available at: <http://www.yareparhia.ru> (accessed 10.09.2018).
5. *Zavershilsya pervyy seminar OMBPTs po programme «Istochniki»* [The first seminar of OMBPTs according to the Sources program]. Available at: <http://www.ombpc.blogspot.com> (accessed 13.09.2018).
6. *Arkhiv novostey razdela "Tserkov' i ekologiya": 30 sentyabrya v Minske proydetsya ekologicheskiy festival "Ptushki nad tsarkvoy"* [News archive of the section "Church and Ecology": on September 30 in Minsk there will take place the ecological festival "Ptushki over Tsarkvy"]. Available at: <http://www.sobor.by> (accessed 03.10.18).

Информация об авторе

Кожич Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Kogich@belstu.by

Information about the author

Kozhich Natal'ya Mikhaylovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kogich@belstu.by

Поступила 28.02.2019

УДК 347.78

Л. А. Кулис

Белорусский государственный технологический университет

**УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ФРАНЧАЙЗИНГА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Вопрос об условиях развития отношений франчайзинга в Республике Беларусь рассматривается в контексте проводимой в стране политики развития предпринимательства и различных форм самозанятости населения. Актуальность данного вопроса обуславливается потенциальными возможностями франчайзинговой модели как для начинающих предпринимателей, так и для крупных производителей.

Ключевые слова: объект интеллектуальной собственности, комплексная предпринимательская лицензия, правообладатель (франчайзер), пользователь (франчайзи).

L. A. Kulis

Belarusian State Technological University

**CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF FRANCHISING RELATIONS
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

The question of the conditions for the development of franchising relations in the Republic of Belarus is considered in the context of the country's business development policy and various forms of self-employment. The relevance of this issue is determined by the potential of the franchise model for both entrepreneurs and large manufacturers.

Key words: intellectual property, complex entrepreneurial license, copyright holder (franchiser), user (franchisee).

Введение. Популяризация отношений франчайзинга приобретает все более активный характер во многих странах, в том числе в Республике Беларусь.

В нашей стране рассмотрение вопроса об условиях для развития отношений франчайзинга неразрывно связано с проблемой стимулирования деловой активности, самозанятости населения, развития предпринимательской инициативы, особенно в малых и средних населенных пунктах. Общепринятое представление о франчайзинге обычно связывается с особым способом (моделью) ведения бизнеса. Суть этой модели состоит в том, что начинающий предприниматель включается в уже налаженную бизнес-систему и осуществляет предпринимательскую деятельность на определенных условиях. С этой точки зрения отношения франчайзинга представляют особый интерес для начинающих предпринимателей, так как характеризуются низким уровнем риска именно на начальной стадии предпринимательской деятельности. Правильное понимание и применение данных отношений способно стимулировать предпринимательскую деятельность (бизнес) при отсутствии собственного опыта, помощи и поддержки со стороны, в том числе в небольших населенных пунктах. В то же время крупным производителем

франчайзинговая модель ведения хозяйственной деятельности также выгодна, так как дает возможность увеличения сбыта продукции с помощью открытия объектов розничной торговли в отдаленных местах. В этом состоит потенциальная привлекательность (назовем это привилегией) отношений франчайзинга как для начинающих предпринимателей, так и для крупных организаций. С английского языка термин «franchise» переводится как «лицензия», «привилегия», с французского – как «льгота», «привилегия».

Основная часть. Особый характер отношений франчайзинга требует определенных условий для их эффективного использования и широкого распространения. В 2011 г. в Республике Беларусь учреждена ассоциация «Белфранчайзинг», целью деятельности которой является популяризация развития франчайзинга в Беларуси, защита интересов участников данных отношений. Деятельность названной организации и проводимые ею мероприятия успешно устраняют одно из главных препятствий – малоизвестность отношений франчайзинга для белорусских предпринимателей. Для сравнения отметим, что Международная ассоциация франчайзинга и Европейская ассоциация франчайзинга были созданы соответственно в 1960 и 1972 гг. Это свидетельствует о

наличии длительной международной практики применения данных отношений, которая может быть успешно использована белорусскими предпринимателями и коммерческими организациями в части, не противоречащей законодательству Республики Беларусь.

С точки зрения юридического оформления франчайзинг представляет собой одну из самых юридически сложных сделок.

В белорусском законодательстве отношения франчайзинга регулируются договором комплексной предпринимательской лицензии, которому посвящена глава 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1]. Для сравнения отметим, что в законодательстве Российской Федерации аналогом выступает договор коммерческой концессии.

Сторонами договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) являются правообладатель и пользователь. Ими могут быть только коммерческие юридические лица и индивидуальные предприниматели. В международной практике правообладателя принято именовать франчайзером, пользователя – франчайзи, а объекты (то, по поводу чего возникают данные правоотношения) – франшизой. В силу закрепленного законом принципа свободы договоров стороны определяют условия данного договора в пределах, предусмотренных законодательством.

В соответствии с белорусским законодательством предметом договора франчайзинга является обязанность правообладателя (франчайзера) предоставить пользователю (франчайзи) за вознаграждение для использования в предпринимательской деятельности комплекс исключительных прав (лицензионный комплекс), включающий право использования фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания), секретов производства (ноу-хау), других объектов интеллектуальной собственности. Договор франчайзинга заключается только в письменной форме и подлежит регистрации в патентном органе. Регистрации подлежат также изменения договора. В Республике Беларусь ведется государственный реестр договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга).

Из определения предмета договора франчайзинга усматривается, что объектом данных отношений выступают имущественные (исключительные) права на объекты интеллектуальной собственности. С этой точки зрения названный договор можно отнести к разновидности лицензионного договора с той разницей, что по договору франчайзинга передаются права на множество объектов интеллектуальной собственности.

Исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, передаваемые по договору, дают возможность их обладателю использовать такие объекты по своему усмотрению в любой форме и любым способом. Исключительные права относятся к имущественным правам, т. е. их можно оценивать, передавать, отчуждать. Передача имущественных прав по договору не влечет передачи или ограничения права авторства и других личных неимущественных прав. Необходимо отметить, что неимущественные права не возникают на товарные знаки, знаки обслуживания, ноу-хау, фирменные наименования.

Однако объект отношений франчайзинга не ограничивается имущественными правами на объекты интеллектуальной собственности. Пользователь (франчайзи) по названному договору получает возможность использовать в определенном объеме коммерческий опыт правообладателя (франчайзера), включающий систему организации хозяйственной деятельности по продаже товаров, выполнению работ, оказанию услуг. Для передачи такого опыта и эффективного использования всего комплекса нематериальных активов, задействованных в отношениях франчайзинга, правообладатель заинтересован в оказании услуг по обучению, консультационных и иных услуг.

Поэтому правообладателем может выступать субъект хозяйствования, который доказал эффективность своей схемы предпринимательской деятельности. Пользователь включается в уже налаженную бизнес-систему, сохраняя при этом финансовую, кадровую и иную самостоятельность. В этом заключается привлекательность франчайзинга для начинающего предпринимателя. Выгода правообладателя состоит в том, что данная система отношений позволяет ему расширять свой бизнес без существенных дополнительных инвестиций.

Несмотря на отсутствие прямого указания об этом в законе, реальную коммерческую ценность в этих отношениях приобретает также деловая репутация правообладателя, т. е. устойчивая оценка имиджа и рейтинга правообладателя другими субъектами хозяйствования. Законодатель относит деловую репутацию к нематериальным благам, которые, как известно, непередаваемы и неотчуждаемы иным способом.

Однако коммерческая ценность деловой репутации правообладателя проявляется как в размерах, определяемых договором вознаграждений, так и в характере и размере ответственности за нарушение обязательств.

Вознаграждение за передаваемый комплекс прав может выступать в любой форме,

согласованной сторонами при заключении договора, в том числе в форме фиксированных платежей (разовых или периодических), отчислений от выручки. Единой системы расчета вознаграждений законодательством не установлено. Стороны согласовывают формы и размеры вознаграждений с учетом ожидаемой прибыли, предстоящих затрат и иных экономических показателей.

Таким образом, договор комплексной предпринимательской лицензии представляет собой сложную систему отношений, в которой главное место отведено исключительным правам на объекты интеллектуальной собственности, передаваемым пользователю на определенных условиях. Вместе с тем значительную часть этих отношений составляют обязательства сторон, вытекающие из общегражданских сделок и действий по защите деловой репутации, передаче коммерческого опыта, предоставлению услуг по обучению работников, маркетинговых, дизайнерских, консультационных и иных услуг.

Кроме того, отношения франчайзинга имеют специфику, для понимания которой требуются глубокие специальные познания сложных правовых явлений. Так, при определенных условиях на правообладателя может быть возложена субсидиарная либо солидарная ответственность по требованиям, предъявляемым к пользователю.

Еще одной особенностью данных отношений является то, что франчайзинг в Республике Беларусь является легальной формой ограничения конкуренции. Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» относит договор франчайзинга к вертикальным соглашениям, предусматривающим ограничение территории ведения деятельности, соблюдение определенной ценовой политики и других ограничений в осуществлении экономической деятельности.

С учетом изложенных особенностей содержания отношений франчайзинга в качестве сдерживающих факторов развития франчайзинга в Республике Беларусь можно назвать, во-первых, низкую информированность предпринимателей об основах отношений в рамках такой формы организации бизнеса; во-вторых, недостаточный уровень знаний о содержании прав на объекты интеллектуальной собствен-

сти, а также опыта в коммерческом использовании объектов интеллектуальной собственности; в-третьих, сложную правовую терминологию, используемую в регулировании названных отношений.

Как было отмечено выше, проблема низкой информированности успешно решается проведением мастер-классов, выставочных, рекламных и других мероприятий. Что касается ознакомления с правовой терминологией и усвоения знаний о содержании прав на объекты интеллектуальной собственности, то решение этой задачи может быть возложено на учреждения высшего и среднего специального образования. Необходимость знаний о правах на объекты интеллектуальной собственности для современных специалистов вызвана и другими объективными причинами, важнейшей из которых является инновационный характер экономического развития Республики Беларусь и других стран. Признание этой необходимости со стороны государства нашло подтверждение в принятии правительственной программы – Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 205 от 02.03.2012. В качестве плановых мероприятий было предусмотрено включение в образовательные программы учреждений высшего образования обязательной дисциплины «Основы управления интеллектуальной собственностью».

Заключение. Актуальность вопроса о создании условий для развития отношений франчайзинга в нашей стране обуславливается потенциальными возможностями франчайзинговой модели как для начинающих предпринимателей, так и для крупных производителей. Особый и сложный характер данных отношений требует создания определенных условий для их широкого распространения и эффективного использования.

В заключение отметим, что развитие предпринимательской инициативы с использованием франчайзинговой модели никак не связано с различными способами приобретения готового бизнеса: покупкой предприятия как имущественного комплекса, приобретением долей (акций) в уставном фонде хозяйственных обществ, реорганизацией действующих коммерческих юридических лиц и т. п.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г., одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. 656 с.

References

1. *Crazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus'* [Civil code of Republic of Belarus]. Minsk, Natsional'nyy tsentr pravovoy informatsii Respubliki Belarus' Publ., 2013. 656 p.

Информация об авторе

Кулис Лидия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Information about the author

Kulis Lidziya Andreevna – PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Поступила 14.03.2019

УДК 34:01.895

Н. П. Бородко

Частное учреждение образования «БИП-Институт правоведения»

РОЛЬ ПРАВА В ОСВОЕНИИ ТЕОРИИ ИННОВАЦИЙ

В статье излагается роль права в освоении теории инноваций и инновационной деятельности. Акцентируется внимание на взаимодействие юридической и экономической наук в решении наиболее важных проблем, связанных с регулированием общественных отношений в сфере инновационной деятельности. Рассмотрены такие важные научные феномены, как «инновация», «новшество», «нововведение», «усовершенствование» и др. При этом анализируются научные рекомендации, направленные на совершенствование правотворческой деятельности.

Дана общая характеристика понятия «изобретение», которое содержится в гражданском законодательстве нашей страны в разделе «Интеллектуальная собственность».

Ключевые слова: инновация, новшество, нововведение, усовершенствование, инновационная деятельность, автор инновации.

N. P. Borodko

Private institution of education «BIP-Institute of Law»

ROLE OF LAW IN THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF INNOVATION

The article describes the role of law in the development of the theory of innovation. Author's attention is focused on the interaction of jurisprudence and economic sciences in solving the most important problems related to the regulation of social relations in the field of innovation. Such important scientific phenomena as innovation, «know-how», «improvement», etc. are analyzed. Author pays special attention to analysis of scientific recommendations aimed at improving legislative activity. Author provides the general description of the invention concept, which is contained in the civil legislation of Belarus in the section «Intellectual Property».

Key words: innovation, innovation activity, factor of social development, improvement, the author of innovation.

Введение. Каждая наука имеет свой предмет исследования, предопределенный качественно однородной группой закономерностей. Роль юридической науки состоит в объяснении сущности феноменов, открываемых другими науками.

Отсюда задача правоведов состоит не столько в описании различных социальных явлений, сколько в определении их правового режима, анализе правовых признаков и свойств, а также квалификации правоотношений, опосредующих эти явления, при одновременном определении места норм, регулирующих соответствующие отношения в общей системе права и законодательства.

Это связано с тем, что право, являясь одним из регуляторов, способно воспроизводить существующую социальную систему, вносить в нее нормативные начала.

Категория «инновация» притягательна в качестве предмета научных исследований. Ей посвящена обширная экономическая литература. Сегодня в этой области знаний сформирована теория инноваций, изучающая явления и процессы научного и технологического развития мировой цивилизации, экономики стран, отраслей, регионов и отдельных хозяйствующих

субъектов и обосновывающая методологию осуществления инновационных преобразований.

Гносеологическую основу теории инноваций составляют теории и концепции, формирующие законы и закономерности научного и технологического развития человечества.

Не оспаривая первенства экономических дисциплин по степени разработанности и практического применения теории инноваций, представители правовой науки указывают, что развитие инноваций зависит от позитивного воздействия норм права и создание четкого механизма правового регулирования в сфере инноваций есть необходимый элемент экономических реформ.

Поэтому решение на доктринальном уровне проблем, связанных с инновационной деятельностью, даст возможность обоснованно откорректировать выдвигаемые политиками и учеными предложения в адрес законодателя, направленные на принятие правовых норм об инновациях.

Основная часть. Исходная терминологическая база исследуемой тематики пребывает в обширнейшей экономической литературе, где предпринимаются многочисленные попытки дать определение понятиям «инновация» и

«инновационная деятельность». Обращаясь к понятию «инновация» и подчеркивая такое важное свойство этого явления, как новизна, ученые определяют его неоднозначно [1, 2, 3], а поэтому в научной среде не прекращаются дискуссии о сущности инноваций, инновационного феномена и инновационной деятельности в целом. В зависимости от объекта и предмета исследования инновации рассматриваются как процесс, система, изменение, результат.

Здесь прослеживается, что первичным источником инновации является умственная человеческая деятельность, обобщенно интеллектуальный ресурс. В международном стандарте в виде «Руководства Осло» отсутствует определение инноваций, а имеется лишь указание на то, что это сложная и диверсифицированная деятельность со многими взаимодействующими компонентами. «Руководство Осло» – действующий методологический документ, подготовленный Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) совместно с Евростатом. Он содержит положения в области статистики инноваций, рекомендуемых в качестве международных статистических стандартов [4].

Ведущим признаком термина «инновация» остается то, что эта деятельность связана с созданием и реализацией нового знания вне зависимости от сферы ее существования.

Законодатель предпринял попытку юридической дефиниции этого термина.

Официальное юридическое определение термина «инновация» дано в Законе Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» [5].

Согласно его положениям, инновация – введенная в гражданский оборот или используемая для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера.

При этом инновационная деятельность может включать в себя: выполнение научно-исследовательских работ, необходимых для преобразования новшества в инновацию; разработку новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, создание новых услуг, новых организационно-технических решений; выполнение работ по подготовке и освоению производства новой или усовершенствованной продукции, освоению новой или усовершенствованной технологии, подготовке применения новых организационно-технических решений; производ-

ство новой или усовершенствованной продукции, производство продукции на основе новой или усовершенствованной технологии; введение в гражданский оборот или использование для собственных нужд новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, новых услуг, новых организационно-технических решений; иную деятельность, направленную на преобразование новшества в инновацию.

Таким образом, введение в гражданский оборот продукции, технологии, услуги, организационно-технического решения – совершение любых сделок, предметом которых является переход к другому лицу имущественных прав на продукцию, технологию, организационно-техническое решение, в том числе имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые при создании этих продукции, технологий, организационно-технического решения, а также оказании услуг.

Деятельность автора инновации по преобразованию новшества в инновацию именуют инновационной деятельностью.

Автором (соавторами) инновации являются физические лица, творческим трудом которого на основе новшества получена инновация.

В связи с этим содержательный анализ понятия «инновация» предполагает определение его места среди других близких к нему понятий, таких как «новшество», «усовершенствование», «нововведение».

Энциклопедическое определение термина «новшество» основано на том, что оно обозначает «совокупность новых идей и предложений, которые потенциально могут быть осуществлены, и при условии масштабности их использования и эффективности результатов могут стать основой любого нововведения». Понятия «нововведение» и «инновация» в словаре обозначены как единое целое в виде процесса создания, распространения и использования новшества [6].

Согласно Закону Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», под новшеством следует понимать результат интеллектуальной деятельности (новое знание, техническое или иное решение, экспериментальный или опытный образец и др.), обладающий признаками новизны по сравнению с существующими аналогами для определенного сегмента рынка, практической применимости, способный принести положительный экономический или иной полезный эффект при создании на его основе новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, нового организационно-технического решения.

Понятия «нововведение» и «инновация» в словаре обозначены как единое целое в виде процесса создания, распространения и использования новшества [7].

А. Б. Титов утверждает, что инновация и нововведение – это синонимы, означающие процесс, в ходе которого научная идея доводится до стадии практического использования и начинает давать экономический эффект, а результат этого процесса, доведенный до стадии коммерческого использования и получивший признание рынка, есть новшество [8].

Нормы права в современной экономике регулируют отношения по созданию, передаче, использованию новых достижений в различных областях знания. С учетом опыта международно-правового регулирования отношений в данной сфере в отечественный законодательный оборот (Гражданский кодекс Республики Беларусь) было введено такое собирательное понятие, как «интеллектуальная собственность».

Так, понятие изобретения содержится в п. 2 ст. 1000 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Изобретению в любой области техники предоставляется правовая охрана, если оно относится к продукту или способу, является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо [9].

Это определение предъявляет к изобретению, которое претендует получить правовую охрану, определенные требования, часто именуемые критериями патентоспособности. Их три: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. Изобретение признается новым, если оно не является частью известного уровня техники по всем видам сведений, общедоступных в мире до даты приоритета изобретения. Следовательно, новизна должна быть мировой. Существуют три способа раскрытия изобретения: опубликование в письменной или иной осязаемой форме, устное описание, раскрытие через использование. Изобретение имеет изобретательский уровень, если оно для специалиста соответствующей отрасли не является очевидным, оно не возникло бы у него, если бы его попросили найти решение данной проблемы. Изобретение промышленно применимо, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других сферах деятельности.

Объектами изобретения являются продукт или способ. Под «продуктом» понимается предмет как результат человеческого труда. В частности, продуктом может быть устройство (конструкции или изделия – машины, аппараты, приборы, оборудование, инструмент, детали машин, мебель, посуда, одежда и т. д.). Продуктом может быть и вещество (индивидуаль-

ные соединения – материалы для изготовления предметов, сооружений, употребляемые для покрытий, изоляции, амортизации, используемые в качестве проводников энергии, любые косметические, пищевые, вкусовые вещества). Способ – это процесс, прием или метод выполнения взаимосвязанных действий над объектом (объектами), а также применение процесса, приема, метода или продукта по определенному назначению.

Смысл термина «инновация» в правовой теории можно определить в виде родового понятия, объединяющего в своем содержании различные результаты интеллектуальной деятельности, возникающие вследствие создания новшеств, нововведений, новых технических решений, находящиеся на той стадии своего бытия, когда они выражены в объективной форме и способны к удовлетворению общественных потребностей на рынке товаров, работ, услуг.

Подобное определение не преследует регулятивных целей, носителем которых может быть лишь правовое явление, предполагающее определенные правовые последствия. Это связано, во-первых, с необходимым набором правовых признаков соответствующего явления и, во-вторых, с формированием устойчивой правовой конструкции, используемой другими отраслями права.

Ни тем, ни другим признаком категория «инновация» не обладает, как не обладает особым правовым режимом, отражающим ее практическое значение, которое можно было бы заложить в самостоятельную юридическую конструкцию.

Следует особо отметить, что целью государственной инновационной политики в Республике Беларусь является создание благоприятных социально-экономических, организационных и правовых условий для инновационного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Заключение. Таким образом, понятие «инновация» и производные от этого термина слова в экономической науке шире, чем в правовой доктрине и патентно-лицензионной практике.

Поэтому любые попытки дать юридическое определение этого термина будут включать в свое содержание разнообразные неправовые явления.

А потому в правовом поле термин «инновация» должен быть подведен под уже существующие правовые категории.

К числу важнейших требований законодательной техники относится определенность понятийного аппарата, за счет чего достигаются внутренняя согласованность и непротиворечивость законодательства.

Литература

1. Бездудный Ф. Ф., Смирнова Г. А., Нечаева О. Д. Сущность понятия инновация и его классификация // *Инновации*. 1998. № 2–3. С. 120.
2. Высоцкий Д. Е. Экономико-правовые аспекты дефиниции понятий «инновации» и «инновационная деятельность» // *Экономика и право*. 2004. № 1. С. 99.
3. Винокуров В. И. Основные термины и определения в сфере инноваций // *Инновации*. 2005. № 4. С. 6–21.
4. Proposed Guidelines for Collecting and interpreting Technological innovation Data: OSLO Manual. Paris: OECD, Eurostat, 1997. P. 64.
5. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-3 // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь*. 2012. № 5.
6. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1997. С. 416.
7. Большой энциклопедический словарь. С. 416, 705.
8. Титов А. Б. Организационные методы управления нововведениями. СПб.: СПбГЭФ, 1998. С. 31.
9. Гражданский кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 30 декабря 2015 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. 656 с.

References

1. Bezududnyy F. F., Smirnova G. A., Nechaeva O. D. Essence of the concept of innovation and its classification. *Innovatsii* [Innovations], 1998, no. 2–3, p. 120 (In Russian).
2. Vysotskiy D. Ye. Economic and legal aspects of the definition of the concepts “innovation” and “innovation activity”. *Ekonomika i pravo* [Economics and Law], 2004, no. 1, p. 99 (In Russian).
3. Vinokurov V. I. Basic terms and definitions in the sphere of innovations. *Innovatsii* [Innovations], 2005, no. 4, pp. 6–21 (In Russian).
4. Proposed Guidelines for Collecting and interpreting Technological innovation Data: OSLO Manual. Paris, OECD, Eurostat Publ., 1997, p. 64.
5. On state innovation policy and innovation activity in the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus of July 10, 2012 No. 425-3. *Natsional'nyy reyestr pravovykh aktov Respubliki Belarus* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2012, no. 5 (In Russian).
6. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Big Encyclopedic Dictionary]. Ed. by A. N. Prokhorov. Moscow; St. Petersburg, 1997, pp. 416, 705.
7. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Big Encyclopedic Dictionary]. Moscow; St. Petersburg, 1997, p. 416.
8. Titov A. B. *Organizatsionnyye metody upravleniya novovvedeniyami* [Organizational methods for managing innovations]. St. Petersburg, SPbGEF Publ., 1998.
9. *Grazdanskiy kodeks Respubliki Belarus'* [Civil code of the Republic of Belarus: rev. and ext., introduced by the Law of the Republic of Belarus of December 30, 2015]. Minsk, Natsional'nyy tsentr pravovoy informatsii Respubliki Belarus' Publ., 2016. 656 p.

Информация об авторе

Бородко Николай Петрович – доцент кафедры гражданского права и процесса. Частное учреждение образования «БИП-Институт правоведения» (220004, г. Минск, ул. Короля, 3, Республика Беларусь). E-mail: nicko2004@rambler.ru.

Information about the author

Borodko Nikolay Petrovich – Assistant Professor, the Department of Civil Law and Process. Private institution of education “BIP-Institute of Law” (3, Korolya str., 220004, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nicko2004@rambler.ru

Поступила 01.03.2019

УДК 328.185-043.865(476)

Е. М. Сергеева

Белорусский государственный технологический университет

ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сложность для законодательной регламентации и изучения категория дееспособности несовершеннолетнего гражданина представляет по причине социальной незрелости несовершеннолетнего, а также одновременного влияния на его поведение социального и психологического факторов; его дееспособность обладает рядом особенностей.

В статье показано, какие меры должны предпринимать государство и общество в целях предотвращения и уменьшения последствий таких вредных социальных явлений, как алкоголизм и наркомания. Достижение результата, на который направлены такие усилия, возможно лишь при использовании комплекса педагогических, правовых и других мер. Центральное место в их ряду принадлежит, конечно, мероприятиям социального характера достаточно широкого спектра, к числу которых относится в первую очередь взвешенная социальная политика государства.

Ключевые слова: дееспособность, несовершеннолетний, статус, суд, государство, учреждение образования.

Y. M. Sergeeva

Belarusian State Technological University

THE LIMITATION OF LEGAL CAPACITY OF MINORS

The complexity of the legislative regulation and study of the category of legal capacity of a minor citizen is due to the social immaturity of the imperfect-year-old, as well as the simultaneous impact on his behavior of social and psychological factors; his legal capacity has a number of features.

The article shows what measures should be taken by the state and society in order to prevent and reduce the consequences of such harmful social phenomena as alcoholism and drug addiction. The result to which such efforts are directed is possible only through a combination of social, psychological, medical, legal and other measures. The Central place in their number belongs, of course, to the social activities of a fairly wide range, among which is primarily a balanced social policy of the state.

Key words: the legal capacity of minors, the status, Stati, the rule of law, educational institution.

Введение. Существующий правопорядок, базирующийся на ценностных установках как индивидуального, так и общественного правосознания, отражает определенный уровень правовой культуры общества. Стабильность, надежность, целесообразность, перспективность – эти и другие характеристики общественного состояния улавливаются общественным и индивидуальным правосознанием. Правосознание в идее порядка объединяет ценностные характеристики правовой реальности [1, с. 78].

Основная часть. Одним из важнейших понятий науки гражданского права и гражданского законодательства является понятие субъектов права, т. е. лиц, выступающих в качестве участников имущественных и личных неимущественных отношений, регулируемых этой отраслью права.

Гражданская дееспособность – это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их.

В полном объеме она возникает у гражданина с наступлением совершеннолетия, т. е.

по достижении восемнадцатилетнего возраста (п. 1 ст. 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Это объясняется тем, что только лицо, достигшее такого возраста, обладает сложившейся психикой и может правильно оценивать свои действия и руководить ими. Следовательно, не всякое правоспособное лицо является дееспособным, а только достигшее указанного возраста [1, с. 87].

Важнейшими элементами гражданской дееспособности являются:

– сделкоспособность – возможность гражданина самостоятельно заключать сделки;

– деликтоспособность – это возможность нести самостоятельную имущественную ответственность в случаях, установленных законодательством.

Однако ч. 2 ст. 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь предусматривает исключения из общего правила.

В последние годы несовершеннолетние граждане в возрасте от шестнадцати лет начали заниматься самостоятельной предпринимательской деятельностью. Некоторые из них работают по найму на основании трудовых догово-

ров. Защита их прав и интересов приобретает особую актуальность.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет наделены дееспособностью в достаточно большом объеме. Они с согласия своих родителей, усыновителей или попечителей вправе совершать любые сделки. Сделка, совершенная таким несовершеннолетним без указанного согласия, действительна также при последующем одобрении его родителями, усыновителями или попечителями. При этом для заключения несовершеннолетним сделки не требуется согласия обоих родителей или усыновителей, достаточно согласия одного из них.

Имущественную ответственность по сделкам, совершенным несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет с согласия родителей (усыновителей) или попечителя, несут сами несовершеннолетние, а лицо, давшее согласие на совершение соответствующей сделки, несет субсидиарную ответственность [2].

В случаях, предусмотренных п. 2 ст. 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь, несовершеннолетние в таком возрасте заключают сделки и совершают другие юридические действия и поступки, порождающие права и обязанности, самостоятельно, без согласия своих родителей, усыновителей или попечителей. Этот пункт ст. 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь предоставляет несовершеннолетнему следующие права:

1) распоряжаться своим заработком, стипендией и иными собственными доходами. Доходы, в частности, несовершеннолетний может получить от занятий предпринимательской деятельностью, за использование его произведений, охраняемых авторским правом, в виде процентов по банковским депозитным вкладам. Накопив значительные средства, несовершеннолетний самостоятельно может заключить сделку на крупную сумму;

2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законодательством результата своей интеллектуальной деятельности. В частности, несовершеннолетние вправе заключать авторские договоры о передаче исключительных или неисключительных имущественных прав на использование произведения. Они вправе самостоятельно распорядиться полученным авторским вознаграждением, вправе получить патент на изобретение и т. д.;

3) вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими в соответствии с законодательством. Закон предусматривает, что вкладами, внесенными несовершеннолетними самостоятельно, они распоряжаются сами. Вкладами, внесенными на их имя другими лицами, несо-

вершеннолетние могут распоряжаться с согласия родителей, усыновителей или попечителей;

4) совершать мелкие бытовые сделки и иные сделки, предусмотренные п. 2 ст. 27 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Речь идет о сделках, заключаемых несовершеннолетним не за счет своего заработка, стипендии или других доходов несовершеннолетнего (за счет этих средств несовершеннолетний может самостоятельно заключить любые сделки), а за счет средств, предоставленных ему другими лицами.

По сделкам, совершенным несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно, в соответствии с п. 2 ст. 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь несовершеннолетние несут имущественную ответственность сами [2].

При наличии достаточных оснований несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет по ходатайству родителей, усыновителей или попечителя либо органа опеки и попечительства решением суда может быть ограничен или лишен права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами. Исключение составляют случаи, когда несовершеннолетний приобрел полную дееспособность в связи со вступлением в брак до достижения 18 лет или путем эмансипации в предусмотренном законом порядке.

Основанием для ограничения или лишения недееспособного в возрасте от 14 до 18 лет частичной дееспособности может быть неразумное расходование денежных средств или распоряжение имуществом, например приобретение спиртных напитков, наркотических средств, азартные игры, иные неразумные расходы.

В решении суд может определить срок, в течение которого несовершеннолетний ограничен или лишен частичной дееспособности. Если такой срок не определен, решение суда действует до достижения несовершеннолетним восемнадцатилетнего возраста. По решению суда заработок, стипендия, иные доходы несовершеннолетнего, полностью или частично лишенного дееспособности, выдаются его родителям (усыновителям) или попечителю.

Одним из составляющих элементов правового статуса несовершеннолетних является возможность их самостоятельного участия в гражданско-правовых отношениях. Правила участия в гражданском обороте физических лиц, не достигших 18 лет, определяются, в частности, Гражданским кодексом Республики Беларусь.

При использовании предоставленного законом объема гражданской дееспособности предполагается совершение действий, не противоречащих интересам других лиц или общества в целом, в частности экономически целе-

сообразных действий. В качестве основания для возникновения полной дееспособности наряду с волевым моментом выдвигается уровень развития умственных способностей молодого человека.

Устанавливая возрастную границу полной дееспособности, законодатель исходит из предположения, что факт достижения 14-летнего возраста подтверждает достижение человеком необходимого уровня психической, интеллектуальной зрелости. К 14 годам гражданин, как правило, приобретает определенный жизненный опыт, который позволяет ему самостоятельно выступать в гражданском обороте, реализовывать некоторые принадлежащие ему права, создавать и исполнять обязанности.

Способность понимать, осмысливать значение своих действий относится в большей степени к области интеллекта. Развитие интеллектуальных способностей зависит от ряда факторов, и в реальной жизни возможность осмысливать значение своих действий у разных людей различна. Следовательно, некоторые граждане могут достичь признаваемого законом уровня психической зрелости еще до достижения ими 18 лет, а другие – гораздо позже. Так, отставание в психическом развитии, безусловно, отражается на способности человека к осмыслению совершаемых им юридически значимых действий, а также предвидении возможных последствий этих действий. Возрастная граница дееспособности определена законодателем с учетом не только психологических факторов, но и факторов экономического порядка. Законодатель предполагает возможность ситуаций, когда следует признать за несовершеннолетними соответствующую требованиям закона способность к осмыслению своих действий и к качественному волеобразованию [3].

Учитывая, что для несовершеннолетнего наиболее распространенным способом распоряжения имуществом является распоряжение денежными средствами, именно этого права он и может быть лишен. Основанием такого ограничения следует считать проявленную несовершеннолетним неспособность разумно расходовать свое имущество. Неспособность разумно расходовать средства чаще всего на практике бывает вызвано злоупотреблением несовершеннолетним алкогольными или наркотическими средствами, т. е. именно теми обстоятельствами, с которыми законодательство связывает ограничение гражданской дееспособности также и совершеннолетнего лица.

Учреждения образования осуществляют свою деятельность в соответствии с Кодексом об образовании Республики Беларусь и иными актами законодательства.

Реализуя положения Устава учреждения образования, лицей взаимодействует с прокуратурой района и органами опеки и попечительства, используя в качестве превентивной защиты несовершеннолетних ограничение дееспособности.

Согласно требованиям п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса Республики Беларусь, никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и порядке, установленных законом.

Пункт 4 ст. 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь гласит, что при наличии достаточных оснований суд по ходатайству родителей, усыновителей или попечителя либо органа опеки и попечительства может ограничить или лишить несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией или иными доходами, за исключением случаев, когда такой несовершеннолетний приобрел дееспособность в полном объеме в соответствии с п. 2 ст. 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2].

Прокуратурой района подаются в суды заявления об ограничении в дееспособности в отношении несовершеннолетних в случаях, если они расходуют получаемые денежные средства не по назначению, систематически тратят их неразумно: на приобретение спиртных напитков, наркотических средств либо психотропных веществ.

Одним из примеров такого рода является обращение учреждения образования г. Борисова в прокуратуру района, в котором излагается о том, что несовершеннолетний учащийся А. находится на полном государственном обеспечении, получает стипендию и иные причитающиеся ему выплаты на содержание, которые расходует на приобретение алкогольных напитков, совершая впоследствии правонарушения, чем наносит вред своему здоровью и нарушает общественный порядок.

В ходе проведенной прокуратурой района проверки установлено, что учащийся А. расходовал свои денежные средства неразумно, систематически привлекался к административной ответственности за распитие спиртных напитков в общественном месте. Состоит на учете в наркологическом диспансере, наблюдается у врача-нарколога. По месту учебы характеризуется отрицательно: склонен к вредным привычкам и совершению противоправных действий.

С учащимся А. постоянно проводилась профилактическая работа, однако меры воздействия не дали должного результата. По итогам проведенной проверки прокуратурой района в суд подано заявление о лишении несовершенно-

нолетнего права самостоятельно распоряжаться стипендией или иными доходами.

Судом были объективно оценены все собранные по делу доказательства. Решением суда несовершеннолетний А. лишен права самостоятельно распоряжаться стипендией или иными доходами. Решение суда не обжаловано, не опротестовано и вступило в законную силу.

Заключение. Среди всего многообразия мер, предпринимаемых государством и обществом в целях предотвращения и уменьшения последствий таких вредных социальных явлений, как алкоголизм и наркомания, нельзя выделить какие-то отдельные, особенно эффективные меры. Достижение результата возможно лишь при использовании комплекса социальных, психологических, медицинских,

правовых и других мер. Центральное место в их ряду принадлежит, конечно, мероприятиям социального характера достаточно широкого спектра.

Такая превентивная гражданско-правовая мера, как ограничение дееспособности несовершеннолетнего, не даст ожидаемого результата, если в различных отраслях права не будут закреплены нормы, обеспечивающие снижение потребления алкоголя и наркотиков. Одним из приоритетных направлений воздействия права является становление правильной жизненной ориентации. В этом смысле задача правовых норм – способствовать оптимальному формированию интеллектуального и волевого моментов гражданской дееспособности несовершеннолетних.

Литература

1. Егоров В. С. Понятие и сущность мер принудительного характера. М.: Моск. у-т МВД России, 2007. 118 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2018. 656 с.
3. О правах ребенка: Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. Минск, 2001. № 2/408 (в ред. Закона Респ. Беларусь от 25.10.2000 № 440-3).

References

1. Egorov V. S. *Ponyatiye i sushchnost' mer prinuditel'nogo kharaktera* [The Concept and essence of coercive measure]. Moscow, Moskovskiy universitet MWD Rossii Publ., 2007. 118 p.
2. *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus: prinyat Palatoy predstaviteley 28 oktyabrya 1998 g.: odobren Sovetom Respubliki 19 noyabrya 1998 g.* [Civil code of the Republic of Belarus: adopted by the House of representatives on 28 October 1998: approved by the Council of the Republic on 19 November 1998]. Minsk, Natsional'nyy tsentr pravovoy informatsii Respubliki Belarus' Publ., 2018. 656 p.
3. On the rights of the child: Act No. 2570-XII of 19 November 1993. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts of the Republic of Belarus]. Minsk, 2001, no. 2/408 (as amended by the Law of the Republic of Belarus of 25.10.2000 № 440-3) (In Russian).

Информация об авторе

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: sergeeva@belstu.by

Information about the author

Sergeeva Yevgeniya Mikhaylovna – assistant, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sergeeva@belstu.by

Поступила 22.03.2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Доморад А. А. Белорусский государственный технологический университет на переломе эпох: трансформация в 1990-х гг.	5
Астрога В. А. Зараджэнне і развіццё мытных адносін у старажытнабеларускіх княствах (IX – першая палова XIII ст.)	9
Веремейчик А. Е. Трансформация латифундиального землевладения на территории Беларуси в IX–XVI вв.	14
Воронич Т. В. Доходные и расходные статьи бюджетов городов белорусско-литовских губерний в 1875 и 1892 гг.	20
Острога В. М. Учебно-методическая деятельность учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	26
Сяменчык М. Я. Вырашэнне харчовай праблемы ў Беларусі ў канцы 1916 – пачатку 1917 г.	32
Рыжанкоў І. М. Аграрны рух у Беларусі ў перспектыве вырашэння зямельнага пытання (сакавік – май 1917 г.)	38
Райченко А. А. Проблемы белорусской государственности в условиях Советско-польской войны 1919–1921 гг.	43
Коваль В. У. Фарміраванне студэнцкіх асяродкаў беларускай дыяспары ў міжваенны перыяд	48
Каляда І. У. Культурна-палітычныя перадумовы беларусізацыі (1920-я гады).....	54
Шанец Л. И. Создание и совершенствование системы охраны государственной границы в БССР в 1920–1921 гг.	59
Крючек П. С. Миграционные процессы с территории Беларуси в Россию в 20–30-х гг. XX века (историография проблемы).....	64
Денисов А. В. Подготовка Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в БССР в 1927–1929 гг. Оформление концепции и планирование.....	70
Острога В. А. Форменная одежда должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь. История и современность.....	75
Зайцев А. А. О роли сил специальных операций в современных вооруженных конфликтах	80
ФИЛОСОФИЯ	84
Шишковец И. И. О белорусской национальной идее.....	84
Бурак П. М. Инварианты коэволюции в формировании научного знания для безопасного будущего общества.....	88
Лазаревич Н. А. Индикаторы социальной политики в условиях технологической модернизации и трансформации социальных отношений в обществе	94
Пунченко О. П. Синергетическая сущность демографических фронтиров глобализирующего мира	98
Мащитко С. М. Проблемы цифрового общества и социальных медиа в концептуальной перспективе постмарксизма.....	103
Матусевич О. А. Публичная история: вызов профессиональным историкам или ответ на кризис исторической науки?.....	108
Кожич Н. М. Идея бережного отношения человека к природе в православии	112
Кулис Л. А. Условия развития отношений франчайзинга в Республике Беларусь	116
Бородко Н. П. Роль права в освоении теории инноваций.....	120
Сергеева Е. М. Ограничение дееспособности несовершеннолетних	124

CONTENTS

HISTORY	5
Damarad A. A. Belarusian State Technological University at the epoch fracture: transformation in the 1990s.....	5
Ostroga V. A. The origin and development of the customs rituals in the Ancient Belarusian Principalities (9 – first half 13 century)	9
Veremeychik A. E. Transformation of latifundial land in the territory of Belarus in the 9–16 centuries.....	14
Voronich T. V. Revenue and expenditure articles of budgets of cities of the Belarus-Lithuanian province in 1875 and 1892.....	20
Ostroga V. M. Educational-methodical activity of teachers of Belarus in the second half of 19 – early 20 century.....	26
Siamenchyk M. Ya. Addressing the food problem in Belarus in late 1916 – early 1917	32
Ryzhankou I. M. Agrarian movement in Belarus in the future solving the land issue (march – may 1917)	38
Raichonak A. A. The problem of the Belarusian statehood in the conditions of the Soviet-Polish war of 1919–1921	43
Koval V. U. Formation of the student’s centers of the Belarusian diaspora during the inter-war period	48
Kolyada I. U. Cultural-political preconditions Belarusization (1920s).....	54
Shanets L.I. Creation and improvement of the system of the protection of the state border in the BSSR in 1920–1921.....	59
Kruchek P. S. Migration processes from the territory of Belarus to Russia in the 20–30s of the 20 century (historiography of the problem)	64
Denisov A. V. Preparation of the First All-Belarusian Agricultural and Industrial Exhibition in the BSSR in 1927–1929. Forming concept and planning	70
Ostroga V. A. Uniform of the officials the customs authorities of the Republic of Belarus. The origins and modernity	75
Zaitsev A. A. About the role of forces of special operations in the modern confrontations	80
PHILOSOPHY	84
Shishkovets I. I. About the belarusian national idea	84
Burak P. M. Invariants of co-evolution in the formation of scientific knowledge for the safe future of the society	88
Lazarevich N. A. Indicators of social policy in conditions of technological modernization and transformation of social relations in society.....	94
Punchenko O. P. Synergetic essence of the demographic frontiers of the globalizing world.....	98
Mashchitko S. M. Problems of digital society and social media in the conceptual perspective of postmarxism.....	103
Matusevich O. A. Public history is a challenge to professional historians or responses to the crisis of historical science?.....	108
Kozhich N. M. The idea of careful attitude of the person to the nature in orthodoxy	112
Kulis L. A. Conditions for the development of franchising relations in the Republic of Belarus	116
Borodko N. P. Role of law in the development of the theory of innovation	120
Sergeeva Y. M. The limitation of legal capacity of minors	124

Редактор *Р. М. Рябая*
Компьютерная верстка *Е. В. Ильченко, А. А. Селиванова*
Корректор *Р. М. Рябая*

Подписано в печать 10.06.2019. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 16,1.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.